ЕВРАЗИЙСКАЯ № 1 (32) 2018

АДВОКАТУРА

Журнал основан в 2012 году.
Издается один раз в два месяца.

Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации) по группе научных специальностей 12.00.00 – юридические науки.

Редакционный совет

Председатель

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, Заслуженный юрист Российской Федерации, Президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва).

Заместитель председателя

ВОЛОДИНА Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва).

Члены редакционного совета

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, Советник председателя Государственного агентства по обслуживанию граждан и социальным инновациям при Президенте Азербайджанской Республики, заведующий отделением национального законодательства и международного права Института по правам человека Национальной академии наук Азербайджана, заместитель председателя Конфедерации юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН ЕРП Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, Президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры теории и истории права и государства Российского нового университета (г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград);

ГАЛОГАНОВ Алексей Павлович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Адвокатской палаты Московской области (Российская Федерация, г. Москва);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и практике Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, Почетный работник образования Казахстана, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, Президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, директор Института права им. И. Малиновского Национального университета «Острожская академия» (Украина, г. Острог);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса факультета государственного управления и права Восточно-Казахстанского государственного университета (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель аналитической службы адвокатской фирмы «Азизов и партнеры» (Республика Узбекистан, г. Ташкент);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Люберцы);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг).

Редакционная коллегия

Главный редактор

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, заведующая отделом научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель редакционно-издательского центра ЕврАзНИИПП;

ПЕТРОВ Дмитрий Вячеславович – руководитель отдела новостей;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – литературный редактор;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель IT-отдела ЕврАзНИИПП.

Учредитель: АНО «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права»
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24
Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.:** +7 (495) 650-38-80, **website:** izv-udprf.ru
Сдано в печать: 28.02.2018. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Свободная цена
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail:** eurasian-advocacy@mail.ru, **тел.:** +7 (917) 40-61-340.

EURASIAN № 1 (32) 2018

ADVOCACY

Journal is published since 2012.
Published once in two months.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals, where should be published the main results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences, on competition of a scientific degree of the doctor of sciences (the list of the Higher attestation Commission at the Ministry of education and science of the Russian Federation) on group of scientific specialties 12.00.00 – legal sciences.

Editorial Council

Chairman

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, professor, Deserved Lawyer of the Russian Federation, advocate, President of the Guild of Russian Advocates, rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow).

Vice-chairman

VOLODINA Svetlana Igorevna – PhD, associate professor, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates (Russian Federation, Moscow).

Members of the Editorial Council

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Adviser to the chairman of the State agency on service of citizens and social innovations at the President of the Azerbaijan Republic, manager of the National legislation and the International law department of Institute on Human rights of National Academy of Sciences of Azerbaijan, Vice-chairman of Confederation of Lawyers of Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, professor, head of the chair of International and European law of law faculty of the Voronezh state university (Russian Federation, Voronezh);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, professor, vice-rector of Eastern Law and Economy Humanitarian Academy (Russian Federation, Ufa);

GALOGANOV Alexei Pavlovich – LLD, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates, president of Advocacy chamber of Moscow area (Russian Federation, Moscow);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, associate professor, advocate, professor of the chair of Civil law of the faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, associate professor, head of analytical service of law firm «Azizov and Partners» (Republic of Uzbekistan, Tashkent);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of advocacy and law-enforcement activity of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, professor of chair of penal law and process of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian state university of justice (Russian Federation, St. Petersburg);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, professor, advocate, director of the Institute of Law of the National University «Ostrozhskaya Academy» (Ukraine, Ostrog);

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor, advocate, head of the Center of Research of Problems of Organization and Activity of Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, associate professor, head of the chair of criminal law and criminal procedure of the faculty of Public administration and Law of the East Kazakhstan State University (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES José Noronha – PhD, advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, professor of Law at Azores University (Portugal Republic, Açores, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, professor, assistant of manager chair of judicial authority, law-enforcement and human rights activity of the Russian university of friendship of the people (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, professor, professor of chair of the Theory and History of state and law of the Russian customs academy (Russian Federation, Lyubertsy);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, legal adviser of the program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva);

SINN Arndt – PhD, professor, head of Institute of Economic criminal law and the head of chair of German and European criminal law and criminal trial, international criminal law and comparative jurisprudence of University of Osnabruck, director of Center of the European and international researches of criminal law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

VAN ERP Sjef – LLM, professor of chair of Civil law and European private law and Head of the Private Law Department of Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of Executive Committee of European Law Institute (Nedherlands, Maastricht);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, professor, professor of chair of International private and civil law of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of Theory of Law and State the Russian New University (Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, professor at the Faculty of Law of University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, advocate, professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, professor, honourable worker of education of Kazakhstan, First Vice-president of International Union (Commonwealth) of advocates, President of International association of advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board

Editor-in-Chief

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – head of the IT Department of EvrAzNIIPP;

KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, head of the Department of Scientific Publications;

KULAGIN Alexander Vladimirovich – head of the Publishing Center of EvrAzNIIPP;

PETROV Dmitry Vyacheslavovich – head of the News Department;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – copy editor;

RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, deputy of the Editor-in-Chief.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несёт. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения редакции журнала.
© Евразийская адвокатура, 2018.

Содержание

ПЕРСОНА

Деятельность адвоката по защите прав участников корпоративных конфликтов. Интервью с адвокатом Ильей Геннадьевичем Рейзером 7

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Григорьев В.В.
Эволюция развития имущественного налогообложения физических лиц в России в XX веке 11

Троицкая М.С.
Правовой статус субъектов земельно-имущественных отношений в Санкт-Петербурге как центре деловой активности Российской империи в XVIII – начале XX в.: историко-правовой аспект 15

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

Власов А.А., Монастырский Ю.Э.
Гражданские дела о возмещении убытков ввиду их сложности требуют оказания профессиональной квалифицированной юридической помощи 19

Печегин Д.А.
Решение о прекращении уголовного дела: проблемы обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ 25

Козбанов А.И.
Тенденции и перспективы защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования в современной России 30

Алыев Р.А.
Проблемы возмещения государством вреда, причиненного правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций 34

Рахматуллин Н.Р.
Некоторые проблемы осуществления государственных закупок 38

Назаров Д.Г.
Особенности и тенденции банкротства физических лиц в современной России 42

ЗАЩИТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТА

Мельниченко Р.Г.
Три вопроса по делу Виталия Буркина 45

Нестеров О.А.
Генезис развития нормативного регулирования доступа защитника к материалам уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования 50

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Смирных С.Е.
Международные и национальные аспекты правового положения детей 53

Старовойтова К.В.
Защита прав детей в практике Европейского суда по правам человека 61

Тхакахов А.М.
Права человека и гражданина в геополитическом пространстве 71

Канатов Т.К.
Реализация исключительных прав в странах ЕАЭС 74

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Минязева Т.Ф.
Психологическая диагностика человека при решении вопросов профилактики терроризма 77

Муродзода А.А.
Праворазъяснительная деятельность Верховного Суда Республики Таджикистан: понятие и цели 83

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Иванова С.А.
Особенности правового режима энергетических ресурсов 87

Теплова Д.О.
Конституционно-правовые основы взаимодействия внутригосударственного и международного права 92

Андриевский К.В.
Финансовый договор как разновидность публичного договора 98

Корякина З.И., Павлова А.А., Варламова Д.К.
Эффективность Закона Республики Саха (Якутия) «Об ответственном родительстве» 103

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 108

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 109

Contents

PERSONA
Activities of the advocate for protection of the rights of participants of the corporate conflicts. Interview with the advocate Ilya Gennadyevich Reyzer 7

HISTORICAL EXPERIENCE
Grigoriev V.V.
The evolution of property taxation of individuals in Russia in the 20th century 11
Troitskaya M.S.
The legal status of the subjects of land and property relations in St. Petersburg as the center of business activity of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries: the historical and legal aspect 15

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE
Vlasov A.A., Monastirsky Yu.E.
Civil cases about indemnification in a type of their complexity demand rendering the professional qualified legal aid 19
Pechegin D.A.
The decision on termination of criminal proceedings: problems of the appeal in accordance with article 125 of the criminal procedure code of the Russian Federation 25
Kozbanov A.I.
Tendencies and perspectives of protection of entrepreneurs from illegal criminal prosecution in modern Russia 30
Aliyev R.A.
The problem of compensation by the state for harm caused by lawful actions in the course of counterterrorism operations 34
Rakhmatullin N.R.
The problems of implementation of government procurement 38
Nazarov D.G.
Features and trends in the bankruptcy of individuals in modern Russia 42

PROTECTION OF THE PROFESSIONAL RIGHTS OF ADVOCATE
Melnichenko R.G.
Three questions on the case of Vitaly Burkina 45
Nesterov O.A.
The genesis of the development of normative regulation of the defender access to the criminal case file at the stage of completion of the preliminary investigation 50

HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE
Smirnykh S.E.
International and national aspects of the legal situation of children 53
Starovoitova K.V.
Protection of children's rights in the European Court of Human Rights' practice 61
Tkhakakhov A.M.
Human rights in the geopolitical space 71
Kanatov T.K.
The implementation of exclusive rights in the EEU 74

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE
Minyazeva T.F.
Psychological diagnosis of a person in dealing with the prevention of terrorism 77
Murodzoda A.A.
Law of explanatory activity of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan: concept and objectives 83

ACTUAL PROBLEMS OF LAW SCIENCE AND PRACTICE
Ivanova S.A.
Peculiarities of legal regime of energy resources 87
Teplova D.O.
Constitutional and legal bases of interaction of municipal and international law 92
Andrievsky V.K.
Financial contract as a type of public contract 98
Koryakina Z.I, Pavlova A.A, Varlamova D.K
Effectiveness of the law of the Republic of Sakha (Yakutia) «On responsible parenting» 103

INFORMATION FOR AUTHORS 108
ABOUT THE AUTHORS 109

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ

Интервью с адвокатом Ильей Геннадьевичем Рейзером.

ACTIVITIES OF THE ADVOCATE FOR PROTECTION OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS OF THE CORPORATE CONFLICTS

Interview with the advocate Ilya Gennadyevich Reyzer.

Визитная карточка

Илья Геннадьевич Рейзер родился 1 декабря 1975 года в Москве. Окончил юридический факультет Московского гуманитарного университета. Юридической практикой занимается с 1996 года. В адвокатуре с 2005 года. В настоящее время является адвокатом Адвокатской палаты г. Москвы, рег. номер 77/10463 в реестре адвокатов. Адвокатская деятельность осуществляется в форме Адвокатского кабинета (Св-во № 77/3-2177).

Представляет интересы банков и страховых компаний по вопросам взыскания задолженностей различного происхождения, также осуществляет юридическое сопровождение бизнеса. Имеет внушительный опыт участия в корпоративных конфликтах и спорах различного содержания. Среди его доверителей – казино «GoldenPalace», казино «Метелица», казино «Космос», «ИК «Вулкан».

В соавторстве с Ч. Дзотовым написал книгу «Гражданский брак: как защитить свое имущество».

– Здравствуйте, уважаемый Илья Геннадьевич! В российском адвокатском сообществе Вы известны, в том числе, и как серьезный специалист по защите прав и законных интересов предпринимателей. Поэтому мы поговорим об очень актуальной для современной России проблеме – защите прав участников корпоративных конфликтов в арбитражных и гражданских судах. Насколько этот вопрос вообще важен для нашей страны?

– В современной России в условиях развития рыночной экономики и совершенствования гражданских правоотношений все большую значимость приобретает защита прав собственности физических и юридических лиц, их законных интересов в возникающих конфликтных ситуациях и спорах. Но, к сожалению, пока в нашей стране сложилась такая ситуация, что многие участники корпоративных споров и конфликтов просто не в состоянии обеспечивать эффективную защиту своих интересов, что обусловливает необходимость повышенного внимания к вопросам правового обеспечения корпоративных интересов. Важнейшая роль в защите прав участников корпоративных споров принадлежит именно нам, представителям отечественной адвокатуры.

– Что является, на Ваш взгляд адвоката и профессионала, наиболее распространенной причиной возникновения корпоративных споров в современном российском обществе?

– Рыночная экономика в нашей стране сформировалась относительно недавно. И это объясняет суть многочисленных проблем, с которыми сталкиваются российские предприниматели. Это и рейдерские захваты, и попытки вытеснения конкурентов из определенного сегмента рынка, и передел собственности как на «внешнем» уровне – между разными компаниями, так и на «внутреннем» уровне – между вчерашними партнерами, совладельцами одной компании. Естественно, что все эти примеры можно назвать в числе весьма распространенных причин корпоративных споров.

– Адвокат – это практик, но любая практика невозможна без теории. Скажите, насколько детально проработан вопрос защиты прав участников корпоративных споров в отечественной юридической литературе?

– По роду своей деятельности мне приходится не только регулярно участвовать в судебных заседаниях, но и очень много читать. Особое внимание я всегда уделяю научной литературе, так как именно она помогает ответить на очень многие актуальные для российской адвокатуры вопросы. Если говорить о защите прав участников корпоративных споров, то я бы отметил определенную нехватку исследований, посвященных именно участию адвокатов в корпоративных конфликтах и спорах. Конечно, такие работы есть, но их не так много. Тем более что законодательство претерпевает постоянные изменения, меняется и правоприменительная практика. По смежным направлениям стоило бы отметить работы А.А. Власова и Ю.И. Рахимова, С.Ж. Соловых, В.А. Болдырева и некоторых других авторов.

– Что, на Ваш взгляд, необходимо для того, чтобы адвокат мог квалифицированно действовать в интересах доверителя, защищая его права в корпоративных спорах?

– Конечно, во-первых, нужно ответить на вопрос, что представляет собой корпоративный конфликт. Во-вторых, нужно обратить внимание на нормативно-правовую базу, регулирующую деятельность адвоката, его участие в корпоративных конфликтах. В-третьих, стоит изучить содержание и основные виды деятельности адвоката в процессе защиты прав участников корпоративных конфликтов.

– Многие исследователи и эксперты сегодня продолжают дискуссии о том, что же представляет собой корпоративный конфликт. Какова Ваша точка зрения?

– В российском законодательстве содержится понятие «корпоративного спора». Если мы обратимся к статье 225.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ, то увидим, что корпоративные споры включают в себя споры, связанные с созданием юридического лица, управлением или участием в нем, принадлежностью акций и долей, соглашениями участников юридического лица и т. д. Однако вряд ли перечень корпоративных споров, указанных в данной статье АПК, можно назвать всеобъемлющим. Определение Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 46-Впр10-14 также подразумевает под корпоративными спорами споры о ликвидации некоммерческих организаций, которые объединяют коммерческие организации и (или) индивидуальных предпринимателей либо имеют статус саморегулируемой организации. Можно выделить следующие виды корпоративных конфликтов: 1) внутрикорпоративные конфликты, связанные с разногласиями между корпорацией и участниками корпорации; 2) внутрикорпоративные конфликты, связанные с разногласиями между участниками корпорации; 3) конфликты между корпорацией и третьими лицами (коммерческие организации, органы государственной власти). Если мы говорим о том, в каких судах рассматриваются корпоративные споры, то Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 1804 и Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1488 подчеркивают, что корпоративные споры подведомственны исключительно арбитражным судам. Однако с 1 февраля 2017 года, как мы знаем, появилась возможность заключать соглашения о передаче корпоративных споров в третейские суды.

– В российском законодательстве как-то регламентируется деятельность адвоката по участию в корпоративных спорах и конфликтах?

– Безусловно. Начнем с того, что есть ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в котором прописаны основные особенности и статуса, и деятельности адвоката. Все мы знаем, что правовой статус адвоката характеризуется наличием жестких критериальных требований к уровню образования, квалификации, опыта. От адвоката требуется наличие высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности, стажа работы по юридической специальности не менее двух лет (п. 1 ст. 9 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Соответствие этим критериям должно предоставить доверителям гарантии получения ими квалифицированной юридической помощи. Однако мне неоднократно приходилось сталкиваться с ситуацией, когда представителями одной из сторон корпоративного конфликта выступают не только не адвокаты, но и вообще лица, не имеющие профильного юридического образования. Естественно, это обстоятельство отражается на качестве представительства и защиты интересов.

– Далеко не все корпоративные конфликты доходят до стадии судебного разбирательства. Когда целесообразно привлекать адвоката к участию в корпоративном конфликте, и чем характеризуются его обязанности на досудебной стадии разбирательства?

– Адвоката надо привлекать как можно раньше. Никому и никогда не вредит оказываемая квалифицированная юридическая помощь. Если мы говорим о досудебной стадии, то, во-первых, деятельность адвоката заключается в оказании консультационной помощи участникам корпоративного конфликта. Это самая распространенная форма участия адвоката в корпоративном конфликте, что влечет за собой отношение к ней как к чему-то менее важному и значимому, чем другие формы деятельности, о которых речь пойдет ниже. Между тем на самом деле оказание консультационной помощи представляет крайнюю важность в плане подтверждения адвокатом своей квалификации и заинтересованности в деле.

– Что необходимо, на Ваш взгляд, адвокату для оказания качественной помощи довери-

телю на досудебной стадии корпоративного спора?

– Я считаю, что на первое место в деятельности адвоката выходят: осведомленность адвоката в гражданском, административном и уголовном праве, в арбитражном, гражданском, административном и уголовном процессе, оперативность восприятия информации, способность к психологическому контакту с доверителем, умение работать с фактурой по рассматриваемой проблеме. В процессе оказания консультационной помощи адвокат должен выяснить содержание проблемы, суть обращения доверителя, интересы последнего, что позволит ему впоследствии сформулировать правовую позицию по данному вопросу – это следующая важная форма участия адвоката в корпоративном конфликте. Правовая позиция не может формироваться исключительно одним адвокатом, поскольку во многих случаях доверитель, даже не являясь профессиональным юристом, способен гораздо более глубоко разбираться в экономических или иных вопросах.

– Достаточно ли часто доверители пытаются вовлечь адвоката в совершение каких-либо противозаконных действий? Приходилось ли Вам сталкиваться с подобными случаями в Вашей практике?

– Разумеется, такие ситуации имеют место. Адвокат в этом плане – профессия весьма опасная. Очень часто доверители пытаются превратить адвоката в помощника для выполнения всевозможных поручений и даже в подельника, если речь идет о каких-либо противозаконных действиях. Идти на поводу у доверителей в этом плане ни в коем случае нельзя, иначе можно приобрести очень серьезные проблемы, в том числе и стать самому фигурантом уголовного дела. Закон допускает оказание любой помощи доверителю только в случае защиты его законных интересов. Действия адвоката правомерны лишь в том случае, если они не выходят за рамки существующего законодательства. Поэтому, если доверитель требует от адвоката совершения каких-то неправомерных действий, последний должен категорически отказываться от таких предложений. И этот отказ не будет рассматриваться в качестве нарушения адвокатом правил профессиональной этики.

– Какие еще виды помощи клиентам, кроме консультаций, оказывают адвокаты на досудебной стадии разрешения корпоративных споров и конфликтов?

– В первую очередь, это участие в переговорах между участниками корпоративного конфликта. Присутствие адвоката позволяет более квалифицированно представлять интересы сторон во время переговоров. Кроме того, адвокат имеет право участвовать в установлении доказательств по рассматриваемому делу. Например, в моей практике были эпизоды, когда я, в соответствии с правом, предоставленным мне как адвокату п. 3 ст. 6 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», собирал необходимые сведения, опрашивал лиц, которые располагали информацией по рассматриваемому делу. Впоследствии это серьезно помогло мне отстоять интересы доверителя уже во время судебного разбирательства. Например, во время дела о признании недействительной одной из сделок акционерного общества потребовался сбор доказательств. Закон (в силу ч. 1 ст. 65 АПК РФ) возлагает эту обязанность на истца, чьи интересы я и представлял. Собрав все необходимые документы, мы сформировали базу доказательств, однако представитель ответчика даже не явился в суд, поэтому суд принял решение удовлетворить иск моего доверителя.

Среди примеров из моей практики могу выделить следующие группы дел:

1. Понуждение мажоритарного владельца к выкупу миноритарной доли участника хозяйствующего субъекта по справедливой рыночной цене в досудебном порядке. Помимо надлежащей правовой конструкции оснований выкупа, в подобных делах немаловажную роль играет понимание сторонами конфликта справедливой цены выкупа. Эта подкатегория корпоративных конфликтов характеризуется длительным периодом переговоров. Подобные дела являются наиболее массовыми.

2. Судебные споры между участниками (членами) и правлением хозяйствующего субъекта в связи с нарушением прав участников общества. Они относятся к иной подкатегории корпоративных споров. Для этой стадии характерно наличие арбитражных, гражданских и уголовных дел одновременно, огромный объем документооборота, постоянное взаимодействие с судебными и иными правоохранительными органами, с государственными и муниципальными учреждениями и организациями. Дела в этой подкатегории также нельзя назвать редкими.

3. Внешние конфликты, связанные с дружелюбным / недружелюбным поглощением и захватом контроля над предприятием в результате действий третьих лиц. Стороной корпоративного

спора могут быть не только сам хозяйствующий субъект или его члены / участники, но и третьи лица. Правовой статус третьих лиц может быть различным. Это и коммерческие организации, и государственные органы. Дела этой категории не относятся к массовому сегменту.

– Как Вы считаете, что может ждать российскую адвокатуру в рассматриваемом нами направлении в обозримом будущем?

– Я бы хотел отметить, что в настоящее время в Российской Федерации активно разрабатывается концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи. Если она действительно будет одобрена законодателем и реализована на практике, то нас ждет кардинальное изменение сложившегося порядка оказания юридических услуг. В частности, адвокатура получит практически монопольное право на оказание юридических услуг. Только адвокаты получат возможность выступать в судах в качестве представителей. Соответственно, даже на досудебной стадии участники корпоративных конфликтов будут предпочитать обращаться именно к адвокатам, а не к юристам без статуса адвоката, поскольку участие последних в качестве представителя в случае перехода конфликта на стадию спора будет невозможно.

– Подводя итоги нашей беседы, что бы Вы хотели отметить в ее завершение? Что бы Вы посоветовали участникам корпоративных споров и конфликтов?

– Я бы отметил, что и в российском законодательстве, и в юридической науке понятия корпоративного спора и корпоративного конфликта разграничены на недостаточном уровне, что создает определенные затруднения при изучении проблематики адвокатской деятельности по защите интересов участников корпоративных конфликтов. Это обстоятельство объясняет потребность в дальнейшем совершенствовании российского законодательства. Что же касается адвокатской практики, то пока мы видим, что на досудебных стадиях разрешения корпоративных конфликтов участие адвоката сводится к консультационной помощи и присутствию на переговорах сторон, а также к помощи в составлении претензий, исков. Когда конфликт переходит на стадию судебного спора, адвокат представляет интересы доверителя в суде. Предпринимателям и руководителям организаций, в свою очередь, я бы посоветовал не экономить на качественной юридической помощи. Только квалифицированный и опытный адвокат способен не просто вникнуть в суть проблемы, но и оказать надлежащую помощь, руководствуясь как законодательством и собственными знаниями, так и адвокатской этикой.

Беседовал доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
А.В. Рагулин

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Григорьев В.В.

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ В XX ВЕКЕ

***Цель**: Рассмотрение имущественного налогообложения физических лиц в России в XX веке.*

***Методология**: Использовались историко-правовой и юридический методы.*

***Результаты**: С момента возникновения государства перед обществом встал важнейший вопрос поиска источников формирования государственной казны. В ходе исторического развития методы изъятия доходов на цели развития государства менялись от натуральных сборов до налогов. Поиск идеальной системы налогообложения продолжается, и, наверное, он будет длительным, поскольку налоги должны соответствовать особенностям государства, обычаям его граждан и стадии экономического развития государства.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: В статье рассмотрено развитие налогообложения с начала Первой мировой войны до формирования данной системы в настоящее время.*

***Ключевые слова**: имущественные налоги, объект налогообложения, поземельный налог, гербовый сбор, налог на холостяков.*

Grigoriev V.V.

THE EVOLUTION OF PROPERTY TAXATION OF INDIVIDUALS IN RUSSIA IN THE 20TH CENTURY

***Purpose**: Consideration of property taxation of individuals in Russia in the 20th century.*

***Methodology**: Historical legal and formal legal methods were used.*

***Results**: Since the beginning of the state, the most important question of finding the sources of the formation of the state Treasury has arisen before the society. In the course of historical development, the methods of withdrawal of income for the development of the state varied from natural fees to taxes. The search for an ideal system of taxation continues, and probably it will be long, because taxes must correspond to the peculiarities of the state, the customs of its citizens and the stage of economic development of the state.*

***Novelty/originality/value**: The article considers the development of taxation from the beginning of the first world war to the formation of this system at present.*

***Keywords**: property tax, object of taxation, land tax, stamp duty, a tax on bachelors.*

Взимание налогов – древнейшая функция и одно из основных условий существования любого государства, развития общества в условиях экономической и социальной стабильности.

С началом Первой мировой войны в 1914 году возрастает налоговое бремя, особенно для крестьян. Правительство увеличивает ставки прямых и косвенных налогов, в том числе и поземельного налога.

После Октябрьской революции 1917 года происходит изменение налогового законодательства, принимается Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) от 24 ноября 1917 г. «О взимании прямых налогов», который закреплял налог на прирост прибылей с торговых и промышленных предприятий и доходов от личных промыслов [7]. Декрет предусматривал конкретные сроки уплаты налога, санкции за просрочку платежей или уклонение от уплаты, включая расстрел.

Учитывая тот факт, что в советском государстве налогообложение становится средством классовой борьбы, правительство предусматривает налоги для богатых слоев населения. В частности, был принят Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и СНК от 30 октября 1918 г. № 841, которым вводился единовременный чрезвычайный десятимиллиардный революционный налог. Цель данного налога заключалась в том, чтобы изъять денежные средства у богатых слоев населения (городского и сельского) и направить их на нужды революционного строительства и оборону государства. Обеспеченность населения определялась количеством и суммой доходов лица. Поэтому в декрете закреплялось, что лица, у которых один источник существования в виде заработной платы или пенсии, составляющий размер не более 1,5 тыс. руб. в месяц, не подлежат обложению, если не имеют дополнительных денежных средств [7].

Взимание налога осуществлялось по раскладочной системе: сначала общая сумма налога распределялась по губерниям, городам, уездам и волостям, а затем уже по конкретным плательщикам. Например, для Москвы, Московской губернии и Петрограда устанавливались самые большие суммы: 12 млн руб., 1 млн руб. и 1,5 млн руб. соответственно.

Тяжелое экономическое положение советского государства требовало дополнительных денежных средств, поэтому налоговое бремя усили-

валось для всех слоёв населения. Декретом СНК «О продлении на 1918 год взимания некоторых налогов и пошлин в повышенном размере» были установлены увеличенные ставки, в том числе и имущественных налогов [7].

В начале 20-х годов с введением новой экономической политики (НЭП) происходит развитие частной торговли, мелких частных предприятий и их аренды, что обусловило и развитие налоговой системы, частично схожей с налоговой системой дореволюционного периода развития государства. Возрождаются следующие имущественные налоги: подворный налог; квартирный налог; налог с наследств и дарений, а также вводятся новые: единый натуральный; сельскохозяйственный; сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства, в том числе имеющие классовый характер – индивидуальное обложение кулацких хозяйств сельскохозяйственным налогом, трудгужналог и др.

В 30-е годы проводится масштабная налоговая реформа, которая практически отменила все налоги с физических лиц. Кроме того, произошли и преобразования налогообложения юридических лиц, поскольку вся прибыль советских предприятий, за исключением установленных отчислений на формирование фондов, изымалась в доход государства. Таким образом, произошла переориентация бюджетной государственной политики от финансирования за счет налоговых поступлений в сторону прямых изъятий валового национального продукта, производимого на основе государственной монополии. В этот период времени налогообложение утратило значение для бюджета [8, с. 84].

С началом Второй мировой войны государство нуждается в дополнительных денежных средствах, поэтому происходит возврат к практике налогообложения. В частности, вводятся новые налоги и сборы для физических лиц: налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан; сбор с владельцев скота; сбор за регистрацию охотничье-промысловых собак и др. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР» закреплялось, что налогом облагаются все одинокие и семейные граждане, не имеющие детей. Для мужчин устанавливался возраст от 20 до 50 лет, а для женщин – от 20 до 45 лет, кроме того, устанавливались и отдельные категории граждан, имеющие разный размер этого налога. При установлении размера налога использовались твердые и процентные ставки. Например, для рабочих и служащих при месячном заработке до 150 руб. размер равнялся 5 руб. в месяц, а свыше 150 руб. – 5 % от заработной платы. Работникам литературы и искусства устанавливался также размер 5 % от их заработной платы. Остальные граждане, в частности, входящие в состав колхозов и единоличных крестьянских хозяйств, должны были платить 100 руб. в год; а граждане, не привлекаемые к обложению подоходным налогом, – 60 руб. в год [6].

Наличие достаточно своеобразного налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР было обусловлено мобилизацией дополнительных средств для оказания помощи многодетным матерям, а также стимулирования роста населения страны [9, с. 12]. Данный налог не имеет аналогов в мировой истории и кроме Советского Союза был установлен еще только в Монголии. Несмотря на то, что указанный налог вводился как временный в СССР, он просуществовал фактически до начала 1990-х годов.

В послевоенное время происходит изменение налогового законодательства, вносятся существенные дополнения в части подоходного и поимущественного налогообложения физических лиц; сельскохозяйственного налога; сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства и др. Однако со временем происходит постепенное замещение налоговых доходов неналоговыми источниками, финансирующими расходы бюджета. Среди неналоговых доходов приоритет отдается части доходов, полученных от деятельности государственных предприятий и организаций.

Новый этап в развитии налоговой политики происходит в 60-е годы, когда по инициативе Н.С. Хрущева предпринимается попытка постепенной ликвидации налогообложения с физических лиц в связи с возможным построением коммунизма. 7 мая 1960 г. принимается Закон СССР «Об отмене налогов с заработной платы трудящихся и служащих». В связи с либерализацией налогового законодательства в тексте закона указывалось, что «за последние годы проведены мероприятия по снижению налогов с населения: уменьшен в два с половиной раза сельскохозяйственный налог; освобождены от налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР колхозники и значительная часть рабочих и служащих; повышен не облагаемый налогами минимум заработной платы» [2]. Причем закон изначально освобождает граждан от уплаты подоходного налога и налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР в случае, если они получают по месту основной работы за-

работную плату в размере до 500 рублей в месяц. В последующие годы предусмотрено увеличение порога размера заработной платы для отмены налога, и только к 1965 году планировалось полное освобождение от уплаты указанных налогов [2]. Как свидетельствует история, подобные мероприятия оказались недолговременными.

В 80-е годы с разрешением и развитием индивидуальной трудовой деятельности, кооперации, совместной деятельности с иностранными предприятиями происходят изменения и в налоговом законодательстве. Применительно к физическим лицам устанавливается налог с владельцев транспортных средств, закрепленный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1988 г. «О налогообложении владельцев транспортных средств и других самоходных машин и механизмов» [3]. Для осуществления администрирования данного налога была принята Инструкция Министерства финансов СССР от 4 августа 1988 г. «О порядке исчисления и уплаты налога с владельцев транспортных средств и других самоходных машин и механизмов», которая устанавливала необходимые элементы налогообложения. В Инструкции закреплялись субъекты налога, которыми признавались владельцы транспортных средств, а именно: 1) государственные, кооперативные и другие общественные предприятия и организации, имеющие автомобили, мотоциклы и другие самоходные машины и механизмы на пневмоходу; 2) граждане СССР, иностранные физические лица и лица без гражданства; 3) иностранные юридические лица. Указывалось, что из объектов налогообложения исключаются машины и механизмы на гусеничном ходу. Налоговая ставка использовалась твердая, например, с легкового автомобиля в зависимости от мощности мотора с каждой лошадиной силы необходимо было уплатить 50 коп.

Помимо существенных элементов налогообложения, были закреплены и факультативные элементы, в частности, льготные категории граждан и ответственность за неуплату налога.

К льготным категориям граждан по данному налогу, которые освобождались от его уплаты, относились:

1) предприятия автотранспорта общего пользования, осуществляющие перевозки пассажиров в городах, смешанные перевозки (грузовые и пассажирские), а также пассажирские во внутригородском, пригородном и междугородном сообщениях;

2) герои Советского Союза, лица, награжденные орденом Славы трех степеней, инвалиды Великой Отечественной войны либо другие инвалиды из числа военнослужащих, ставших инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении обязанностей военной службы либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте, а также другие инвалиды, приравненные по пенсионному обеспечению к перечисленным категориям военнослужащих.

Ответственность за неуплату предусматривалась как для физических, так и для юридических лиц. В частности, для государственных, кооперативных и иных общественных предприятий и организаций, а также иностранных юридических лиц прописывалось начисление пени в размере 0,05 % с суммы недоимки за каждый день просрочки. Для владельцев транспортных средств – граждан СССР, иностранных физических лиц и лиц без гражданства – в размере 0,1%. Срок исковой давности по уплате налога с владельцев транспортных средств и других самоходных машин и механизмов составлял два года [3].

Несколько позже принят Закон СССР от 23 апреля 1990 г. «О подоходном налоге с граждан СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства», которым установлены отдельные режимы налогообложения доходов граждан, связанных с ведением крестьянского хозяйства и индивидуальной трудовой деятельности. По данному закону происходило разделение физических лиц в зависимости от места жительства и времени пребывания на территории СССР, кроме того, закреплялись различные виды доходов для обложения, а также те виды, которые не подлежали налогообложению. Ставки налога использовались как твердые, так и смешанные. Например, при сумме месячного дохода 101 руб. размер налога равнялся 29 коп.; а при сумме от 151 руб. до 700 руб. – 14 руб. 70 коп. + 13 % с суммы, превышающей 150 руб. [4]. По правилам налогообложения физических лиц указанный закон содержит многие идеи и положения, нашедшие отражение в современном налогообложении доходов физических лиц.

Со становлением Российской Федерации происходило формирование налоговой системы нового государства. Налоговая система и система налогового законодательства Российской Федерации начинают формироваться в октябре–декабре 1991 г. В этот период времени принимается Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [1]. Все новые налоги вводились в действие с 1 января 1992 г. и просуществовали до 1998 г., момента принятия 1 части

Налогового кодекса РФ, заложившего основы современной российской налоговой системы.

В статьях указанного Закона закреплялась трехуровневая налоговая система и устанавливались налоги и сборы для каждого уровня. Статья 19 Закона определяла федеральные налоги, из которых с имуществом непосредственно связан только налог с имущества, переходящего в порядке наследования и дарения. Среди налогов республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, установленных в ст. 20, можно выделить налог на имущество предприятий, а в числе местных налогов, закрепленных в ст. 21, устанавливались налог на имущество физических лиц и земельный налог [1].

Таким образом, современная система имущественного налогообложения начинает складываться в разные периоды развития российского государства, но наиболее структурированной она становится в начале 90-х годов в момент формирования Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Об основах налоговой системы в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2118-1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_178/doc17a888x560.htm .
2. Об отмене налогов с заработной платы трудящихся и служащих: Закон СССР от 7 мая 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. О налоге с владельцев транспортных средств и других самоходных машин и механизмов: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1988 г. № 8641-XI. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. О подоходном налоге с граждан СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства: Закон СССР от 23 апреля 1990 г. № 1443-1. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. О порядке исчисления и уплаты налога с владельцев транспортных средств и других самоходных машин и механизмов: Инструкция Министерства финансов СССР от 4 августа 1988 г. № 133Д [Электронный ресурс]. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_2955.html.
6. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштам. М., 1956. С. 335–336.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 602–603, 613–614, 1108–1110.
8. Трофимова Я.В. Эволюция налоговой системы // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 2 (136). С. 84.
9. Шихатов П.И. Налогообложение в СССР и современной России // Вестник МИЭП. 2016. № 2 (23). С. 12.

References (transliterated)

1. Ob osnovah nalogovoj sistemy v Rossijskoj Federacii: Zakon Rossijskoj Federacii ot 27 dekabrja 1991 g. № 2118-1 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_178/doc17a888x560.htm .
2. Ob otmene nalogov s zarabotnoj platy trudjashhihsja i sluzhashhih: Zakon SSSR ot 7 maja 1960 g. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
3. O naloge s vladel'cev transportnyh sredstv i drugih samohodnyh mashin i mehanizmov: Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 21 marta 1988 g. № 8641-XI. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
4. O podohodnom naloge s grazhdan SSSR, inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva: Zakon SSSR ot 23 aprelja 1990 g. № 1443-1. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
5. O porjadke ischislenija i uplaty naloga s vladel'cev transportnyh sredstv i drugih samohodnyh mashin i mehanizmov: Instrukcija Ministerstva finansov SSSR ot 4 avgusta 1988 g. № 133D [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_2955.html.
6. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – ijul' 1956 g. / pod red. Ju.I. Mandel'shtam. M., 1956. S. 335–336.
7. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. M., 1942. S. 602–603, 613–614, 1108–1110.
8. Trofimova Ja.V. Jevoljucija nalogovoj sistemy // Jekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal. 2017. № 2 (136). S. 84.
9. Shihatov P.I. Nalogooblozhenie v SSSR i sovremennoj Rossii // Vestnik MIJeP. 2016. № 2 (23). S. 12.

Троицкая М.С.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ ЗЕМЕЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КАК ЦЕНТРЕ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Цель*: Изучение историко-правовых особенностей земельно-имущественных отношений в Санкт-Петербурге в XVIII – начале XX в.*

Методология*: Использовались формально-юридический метод, метод сравнительного анализа, историко-правовой метод.*

Результаты*: Автор обращается к интересной и актуальной теме – историко-правовому аспекту земельно-имущественных отношений в Санкт-Петербурге, бывшем в XVIII – начале XX в. столицей Российской империи. В статье рассматриваются особенности формирования земельного права и землепользования в Российской империи, основное внимание уделяется вопросам формирования городского землепользования и землеуправления в XVIII–XIX вв. Автор выделяет основные проблемы законодательного регулирования землепользования и земельно-имущественных отношений в городах Российской империи и в Санкт-Петербурге в частности. Делается вывод, что вплоть до начала XX в. в нормативно-правовом обеспечении земельно-имущественных отношений в Российской империи присутствовали многочисленные пробелы и противоречия, что играло негативную роль в управлении земельным имуществом.*

Новизна/оригинальность/ценность*: Научная значимость настоящей статьи объясняется актуальностью и важностью затронутой в ней темы, практическая значимость – возможностью использования полученных результатов для осмысления происходящих в настоящее время в сфере земельного права и управления земельно-имущественными отношениями процессов.*

Ключевые слова*: земельно-имущественные отношения, земельное право, землепользование, Санкт-Петербург, городские земли, муниципальное управление.*

Troitskaya M.S.

THE LEGAL STATUS OF THE SUBJECTS OF LAND AND PROPERTY RELATIONS IN ST. PETERSBURG AS THE CENTER OF BUSINESS ACTIVITY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII – EARLY XX CENTURIES: THE HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Purpose*: To study the historical and legal features of land and property relations in St. Petersburg in the XVIII – early XX century.*

Methodology*: We used a formal legal method, a comparative analysis method, a historical legal method.*

Results*: The author refers to an interesting and relevant topic – the historical and legal aspect of land and property relations in St. Petersburg, which was in the XVIII – early XX centuries. the capital of the Russian Empire. In the article features of formation of the land right and land use in the Russian empire are considered, the basic attention is given to questions of formation of urban land use and land management in XVIII–XIX centuries. The author outlines the main problems of the legislative regulation of land use and land and property relations in the cities of the Russian Empire and in St. Petersburg in particular. It is concluded that up to the beginning of the twentieth century. Numerous gaps and contradictions were present in the legal and regulatory provision of land and property relations in the Russian Empire, which played a negative role in the management of land property.*

Novelty/originality/value*: The scientific significance of this article is due to the relevance and importance of the topic touched on in it, practical significance - the possibility of using the results obtained to comprehend the processes currently taking place in the field of land law and the management of land and property relations processes.*

Keywords*: land and property relations, land law, land use, St. Petersburg, urban land, municipal government.*

Вопросы регулирования земельных отношений в крупных российских городах, учитывая высокую стоимость земли и плотность застройки, всегда вызывали особый интерес и органов государственной и муниципальной власти, и сообщества ученых-правоведов.

В условиях современной рыночной экономики актуализируется потребность в совершенствовании системы управления земельным имуществом, и использование историко-правового опыта управления земельно-имущественными отношениями будет способствовать лишь повышению эффективности современной законодательной и правоприменительной практики.

В современной ситуации особую актуальность для правовой науки приобретает изучение исторических особенностей земельных отношений в крупных городах Российской империи, в первую очередь – в ее столице Санкт-Петербурге.

Особенности земельно-имущественных отношений в столице Российской империи Санкт-Петербурге изучаются в отечественной юридической науке в общем контексте исследования историко-правовых аспектов земельно-имущественных отношений. Работ по данному направлению не так много, поэтому они представляют большую ценность для исследования интересующей нас проблемы. Следует отметить работы А.Г. Вайтенса [1], А.С. Сухоруковой [8,9], К.Т. Оганесян [6], Д.Н. Гелетия [2], Н.В. Киприяновой [3], Н.А. Проскуряковой [7] и др.

Санкт-Петербург был официально провозглашен столицей Российской империи в 1712 году, спустя 9 лет после своего основания в 1703 г. В течение первой половины XVIII века он достаточно быстро превратился не только в политический, но и в культурный и деловой центр Российской империи. Естественно, что это обстоятельство предопределило и особую ситуацию в сфере земельно-имущественных отношений в Санкт-Петербурге.

Попытки упорядочить управление земельными ресурсами Российской империи начались еще во время правления императора Петра I, основавшего Санкт-Петербург. Именно в этот исторический период началось формирование земельно-правового строя России, который продолжал совершенствоваться в течение XVIII–XIX вв. В 1712 г. Петр I издал Генеральный план Санкт-Петербурга. Согласно плану строительство столицы Российской империи предполагалось в соответствии с европейскими стандартами, что предопределило введенный Петром I запрет на возведение в Санкт-Петербурге деревянных строений. Затем Петр I ввел запрет на возведение каменных жилых строений во всех городах страны за исключением Санкт-Петербурга, подчеркивая тем самым особый статус столицы. Однако основное внимание в XVIII в. уделялось в первую очередь регулированию архитектурного облика Санкт-Петербурга.

Если говорить о земельно-имущественных отношениях, то они предопределялись общей спецификой социально-экономического и политико-правового развития Российской империи в рассматриваемый период. Можно согласиться с точкой зрения о слабой дифференциации города и деревни в России XVIII века [5]. Аграрный характер российской экономики определял и земельно-имущественные отношения в городах империи.

Еще в Соборном уложении 1649 года предусматривалось выделение земель городам для хозяйственных нужд. Особое внимание уделялось выгонным землям, причем даже в случае занятия их знатными лицами выгонные земли отбирались у последних и вновь возвращались городским поселениям. 25 мая 1766 г. была принята Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам, официально закрепившая статус корпоративного владения землями за жителями городов Российской империи.

Выделение в собственность городов особых выгонных земель положило начало формированию городского землевладения. В «Жалованной грамоте городам», датированной 1785 г. и составленной уже после генерального межевания, было впервые введено понятие городского общества как собственника земельных угодий города [8]. Тем не менее, регулирование земельно-имущественных отношений в Российской империи оставалось относительно неразвитым и в первой половине XIX века.

В 1870 году было принято Городовое положение, в котором подчеркивалось функциональное разнообразие земель, используемых городским обществом. Теперь городские земли могли использоваться не только для выгона скота, но и для дальнейшего расширения за счет строительства новых домов, для вынесения вредных или опасных предприятий и объектов, для открытия новых фабрик, заводов, рынков. В зависимость от наличия в собственности недвижимости на территории города и уплаты с нее оценочного сбора ставилось и избирательное право горожан, что, по мнению ряда исследователей, было скорее негативным явлением [4].

Санкт-Петербург как столица Российской империи стремительно развивался на протяжении всего XIX века, превратившись в один из крупнейших европейских городов, серьезный экономический и культурный центр. Естественно, что рост деловой активности в российской столице сказывался на ситуации с земельно-имущественными отношениями. На рубеже XIX–XX вв. развитие промышленности и торговли привлекает в города выходцев из перенаселенной сельской местности Центральной России. Индустриальный подъем способствовал существенному увеличению численности населения Санкт-Петербурга, что привело к уплотнению центра города и, как следствие, к росту цен, заселению мансардных и

цокольных этажей. В то же время городские окраины из-за отсутствия транспортной инфраструктуры оставались слабозаселенными и слаборазвитыми, с дешевой недвижимостью.

Серьезным препятствием для развития инфраструктуры Санкт-Петербурга в рассматриваемый период был особый статус многочисленных объектов недвижимости, принадлежавших императорской фамилии и правительственным учреждениям, поскольку они освобождались от налогообложения. В 1880 г. был принят План урегулирования Санкт-Петербурга, который предоставлял градоначальнику право самостоятельного выбора земельных участков для размещения новых промышленных предприятий. Однако централизованный контроль над строительством новых зданий в Санкт-Петербурге отсутствовал.

С принятием Плана урегулирования 1880 года активизировалось отчуждение находившейся в частной собственности земли в пользу города, что было связано с необходимостью пробивки новых и расширения уже существующих улиц. Отчуждение осуществлялось тремя путями – по взаимному согласию, посредством обмена имущества на имущество и в принудительном порядке, т. е. посредством выкупа по установленной цене.

Анализ характера отчуждения земель в Санкт-Петербурге показывает, что у властных структур присутствовало разное отношение к отчуждаемым землям, что зависело от формы собственности на земельные участки. Например, отчуждение земель для строительства объектов транспортной инфраструктуры сопровождалось занижением цены на муниципальные земли, несмотря на негативную реакцию со стороны городской управы.

Наиболее часто разногласия между муниципалитетом и собственниками земельных участков возникали по вопросу о стоимости отчуждаемой земли и размере предоставляемой за нее компенсации. Для разбора конфликтных ситуаций создавались оценочные комиссии, которые в некоторых случаях подтверждали занижение цен на земельные участки, отчуждаемые в пользу муниципалитета [9]. Процесс отчуждения земельных участков в пользу города начинался с оценки Городской Думой предназначенного к отчуждению участка, после чего его собственнику выплачивалась компенсация.

Если собственник земельного участка не был согласен с размерами компенсации, определение по делу выносилось Министерством внутренних дел, после чего определение передавалось в Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ Государственного совета. В период с 1905 по 1917 г. Особым присутствием было рассмотрено до 5 тыс. дел о принудительном отчуждении [9].

Подводя итоги статьи, необходимо отметить, что к началу XX в. нормативно-правовые основы управления земельно-имущественными отношениями в Санкт-Петербурге не были проработаны должным образом, содержали многочисленные противоречия и пробелы, что негативно сказывалось на развитии города и городской инфраструктуры. Главными особенностями, характеризовавшими сферу землеуправления и землепользования в дореволюционном Санкт-Петербурге, оставались отсутствие единой нормативной базы и единого порядка распределения земель, нарушение прав собственников земельных участков при их отчуждении, ущемление интересов муниципальных властей при отчуждении земель в государственную собственность.

Отчуждение земельных участков в пользу города также сталкивалось с недовольством их собственников размерами предлагаемых компенсаций. Можно говорить об отсутствии системного подхода к проблеме управления городскими землями в XIX – начале XX в. Органы государственного и муниципального управления не имели единых представлений о путях развития городского землепользования, что порождало спорные ситуации и недовольство населения. Вследствие масштабных политических трансформаций, произошедших в жизни России в 1917 году, упорядочение земельно-имущественных отношений в городе и стране в целом было осуществлено уже в новых политико-правовых условиях и в новой системе координат.

Пристатейный библиографический список

1. Вайтенс А.Г. Регулирование градостроительного развития Санкт-Петербурга–Ленинграда (1870-е – 1991 гг.). СПб.: С.-Петерб. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2010.

2. Гелетий Д.Н. Трансформация земельных отношений во второй половине XIX в. в России // Российское предпринимательство. 2012. № 23. С. 184–189.

3. Киприянова Н.В. Земельная собственность купцов в городе конца XVII – середины XIX в. (к постановке проблемы) // Вестник Московского университета. 2009. № 2. С. 59–72.

4. Лен К.В. «Городовое положение» 1870 г. сквозь призму истории российской провинции // Научный диалог. 2014. № 5 (29). С. 6–16.

5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: (XVIII – начало XX в.). Т. I. СПб., 1999.

6. Оганесян К.Т. Земельно-кадастровые отношения в период Российской империи (1721–1825) // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 107 (3). С. 1–16.

7. Проскурякова Н.А. Ипотека в Российской империи. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.

8. Сухорукова А.С. Значение муниципального землевладения в развитии российских городов в XIX – начале XX в. // Символ науки. 2016. № 1. С. 72–74.

9. Сухорукова А.С. Проблемы отчуждения городского недвижимого имущества в конце XIX – начале XX в. (на примере С.-Петербурга) // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 2 (44). С. 98–101.

References (transliterated)

1. Vajtens A.G. Regulirovanie gradostroitel'nogo razvitija Sankt-Peterburga–Leningrada (1870-e – 1991 gg.). SPb.: S.-Peterb. gos. arhitektur.-stroit. un-t, 2010.

2. Geletij D.N. Transformacija zemel'nyh otnoshenij vo vtoroj polovine XIX v. v Rossii // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2012. № 23. S. 184–189.

3. Kiprijanova N.V. Zemel'naja sobstvennost' kupcov v gorode konca XVII – serediny XIX v. (k postanovke problemy) // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2009. № 2. S. 59–72.

4. Len K.V. «Gorodovoe polozhenie» 1870 g. skvoz' prizmu istorii rossijskoj provincii // Nauchnyj dialog. 2014. № 5 (29). S. 6–16.

5. Mironov B.N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii: (XVIII – nachalo XX v.). T. I. SPb., 1999.

6. Oganesjan K.T. Zemel'no-kadastrovye otnoshenija v period Rossijskoj imperii (1721–1825) // Nauchnyj zhurnal KubGAU. 2015. № 107 (3). S. 1–16.

7. Proskurjakova N.A. Ipoteka v Rossijskoj imperii. M.: Izdatel'skij dom VShJe, 2014.

8. Suhorukova A.S. Znachenie municipal'nogo zemlevladenija v razvitii rossijskih gorodov v XIX – nachale HH v. // Simvol nauki. 2016. № 1. S. 72–74.

9. Suhorukova A.S. Problemy otchuzhdenija gorodskogo nedvizhimogo imushhestva v konce XIX – nachale XX v. (na primere S.-Peterburga) // Problemy sovremennoj nauki i obrazovanija. 2016. № 2 (44). S. 98–101.

«Адвокатская газета» – корпоративное издание нового типа, появление которого обусловлено коренными переменами, произошедшими в адвокатском сообществе России после принятия Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Являясь органом Федеральной палаты адвокатов РФ, издание не преследует цель выступать в роли указующего или направляющего перста, представляя интересы той или иной части корпорации или группы лиц, а позиционирует себя как выразитель интересов всей российской адвокатуры. Принципиальное значение при этом имеет закрепленная Законом организация адвокатского сообщества, основанная на обязательном членстве каждого адвоката в адвокатской палате субъекта федерации, являющейся в свою очередь членом ФПА РФ. Рассматривая в качестве высших ценностей адвокатского сообщества заложенные в Законе принципы независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов, газета оценивает события государственной и общественной жизни и действия тех или иных лиц с точки зрения соответствия данным принципам. Выступая органом корпорации юристов-профессионалов, газета рассматривает профессионализм как главное качество адвоката и уделяет первостепенное внимание проблемам учебы и практического опыта коллег в различных отраслях права.

Основными направлениями издания являются:

– оперативное информирование о деятельности и решениях ФПА;

– освещение взаимоотношений адвокатуры с государственными и общественными институтами;

– освещение корпоративной жизни адвокатских палат;

– рассказ о созданных адвокатами прецедентах в национальной и международной судебной практике, публикация наиболее интересных решений судов;

– ответы на вопросы, волнующие адвокатов и адвокатские образования;

– взаимодействие с информационными изданиями адвокатских палат;

– поддержка общественно значимых инициатив адвокатов и адвокатских образований;

– информирование о наиболее важных событиях из жизни иностранной адвокатуры, о сотрудничестве российских и зарубежных адвокатских образований и адвокатов.

Адрес редакции: 119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
Тел.: (495) 787-28-35 Тел./факс: (495) 787-28-36
E-mail: advgazeta@mail.ru, press@advpalata.com

Власов А.А., Монастырский Ю.Э.

ГРАЖДАНСКИЕ ДЕЛА О ВОЗМЕЩЕНИИ УБЫТКОВ ВВИДУ ИХ СЛОЖНОСТИ ТРЕБУЮТ ОКАЗАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

***Цель**: Исследование проблемных вопросов рассмотрения и разрешении гражданских дел о возмещении убытков в контексте реформирования рынка квалифицированной юридической помощи.*

***Методология**: Использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.*

***Результаты**: В настоящей публикации излагается точка зрения о том, что судебная система в нашей стране не может эффективно работать без монопольного адвокатского представительства в гражданских процессах. Фундаментальный принцип состязательности подразумевает внятность правовых позиций сторон, их правильное процессуальное реагирование в ходе слушаний. В обратном случае несвойственные правовые функции приходится принимать на себя суду. Услуги обычных юридических представителей, заменяющие собой осуществление фундаментального конституционного права о доступе к правосудию, вне дисциплинарного профессионального контроля плодят различные нарушения в ходе процесса и даже стимулирует их в виде манипулирования доказательствами, сутяжничества, заявления требований не для защиты субъективных гражданских прав, а с целью шантажа противной стороны и т. п. Сказанное в наибольшей степени проявляет себя при разбирательстве в гражданских делах об убытках, где юридическая подготовка, добросовестность, принципиальность и напористость профессионала в лице адвоката в собирании доказательственной базы, способ подачи материала в заседаниях нередко играют ключевую роль. По причине приведенных оценок авторы полагают проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи слишком компромиссным и двусмысленным, не способствующим в полной мере созданию саморегулируемой профессиональной среды и функционированию правозащитного механизма.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Новизна статьи состоит в том, что в ней анализируются важные направления реформирования рынка квалифицированной юридической помощи.*

***Ключевые слова**: сложные споры, реформа, адвокатура.*

Vlasov A.A., Monastirsky Yu.E.

CIVIL CASES ABOUT INDEMNIFICATION IN A TYPE OF THEIR COMPLEXITY DEMAND RENDERING THE PROFESSIONAL QUALIFIED LEGAL AID

***Purpose**: Research of problematic issues of consideration and permission of civil cases about indemnification in the context of reforming of the market of the qualified legal aid.*

***Methodology**: Formal legal and comparative legal methods were used.*

***Results**: This publication comments account for the view that the judicial system in our country cannot effectively run without the lawyers' monopoly representation in civil proceedings, alsothe fundamental adversarial principle implies the intelligibility of the legal positions of the parties, their correct procedural response during the hearing. In the opposite case, non-dual legal functions are to be assumed by the court. Common legal representatives' assistanceinstead of a fundamental constitutional right of access to justice and beyond the disciplinary professional control generates various outrages during the process, and even encourages them in the shape of manipulation of the evidence, litigation, statements of claim not for the protection of subjective civil rights, but with the aim of blackmailing, etc. This is most evident in loss cases proceedings, where legal training,fairness, integrity and assertiveness in obtaining evidence, and the way in which material is presented in the proceedings perform a key role. Due to the listed estimates, the authors consider the draft concept of market regulation of the professional legal assistanceto be too compromise and ambiguous, as well as not conducive for the formation of a self-regulatory professional environment, which is the only mechanism for betterment and existence of high performance standards as a factor of legal consciousness in society.*

***Novelty/originality/value**: The novelty of article consists that in her the important directions of reforming of the market of the qualified legal aid are analyzed.*

***Keywords**: complex disputes, reform, bar.*

Убытки в российском гражданском праве следует понимать как неблагоприятные изменения в имуществе лица, выражающиеся в произведенных им расходах, в утрате или повреждении его имущества, недополучении доходов, которые оно должно было получить. Любые убытки, как правило, вызывают отрицательные последствия в имущественной сфере потерпевшего, выраженные в денежной оценке. Убытки – это прежде всего экономическая категория, представляющая

собой неблагоприятные имущественные потери. Возмещение убытков есть мера гражданско-правовой ответственности. Поэтому необходимо всегда проводить различие между понятиями «убытки» как таковые и «возмещение убытков».

Легальное определение понятия убытков сформулировано в ст. 15 Гражданского кодекса, под ними понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Универсальный способ охраны и защиты имущественных прав в гражданском праве может эффективно реализоваться, на наш взгляд, только посредством участия в этом процессе профессионального специалиста. Таким специалистом в сфере юриспруденции является адвокат. Современное правовое регулирование предлагает на выбор лиц, задействованных в имущественном обороте, открытый перечень способов защиты в случае спора между собой, направленных на устранение или смягчение последствий неправомерного поведения, случайных вредоносных обстоятельств. Среди них денежная выплата эквивалента потерь занимает особое место. Причем это средство правового воздействия носит универсальный характер. Потерпевший получает ликвидный актив вместо исполнения, которое может носить и неденежный характер. В Гражданском кодексе РФ данное средство законной защиты в общем виде, как это было ранее уже отмечено, называется возмещением убытков [5].

Убытки можно понимать и как денежную оценку имущественных утрат в самом широком смысле. Именно поэтому посредством данного инструмента достигается восстановление пострадавшего экономического взаимодействия, поскольку присужденные финансы могут и должны иногда обеспечивать замену того, что не удалось ввиду недостаточного старания либо случайных причин. В частности, такие требования, как о натуральном исполнении, признании сделок ничтожными и о реституции, тоже выполняют восстановительную функцию, однако они пригодны далеко не для всего многообразия случаев. Напротив, убытки можно присуждать почти всегда, более того, в любых отношениях – с договором и без него, за несвоевременное исполнение и за существенное нарушение обещаний. Но компенсация убытков представляет собой сложное средство охраны субъективных прав, поскольку в индивидуальных случаях бывает трудно найти баланс между справедливым и достаточным возмещением и разрушающим изъятием денежных средств у ответчика, не допускающим перекоса и неадекватной оценки потерь. Если убытки, например, взыскиваются нечасто, не полностью, с огромными процессуальными усилиями, то это снижает интерес к соответствующим юридическим услугам, как и операциям в экономической жизни, что нежелательно для гражданского оборота [5].

Многие предсказывают опасность от другого массового побуждения, когда суды, например, удовлетворяли бы иски на большие суммы, не коррелируемые с имущественными утратами. Тогда появлялись бы «стимулы» другого рода, а именно: страсть к сутяжничеству, стремление наказать за крушение коммерческих расчетов, привести оппонентов к разорению и т. д., попытка заработать прибыль за счет судов, а не благодаря добропорядочности и предпринимательской инициативе. Склонность к обогащению, которая неизбежно возникает в стремлении в полной мере с покрытием возместить потери, считается недопустимой ни в коем случае [5]. Поэтому разработка адвокатом подобных исков и участие в суде при их рассмотрении требует глубокой правовой и интеллектуальной подготовки.

Невозможность ясно понять величину произошедших и будущих утрат подвигла на практике к введению принципа возложения доказывания обстоятельств убытков на истцов, поскольку в своей идеологии он изначально надежно страховал от обогащения. Однако в условиях российской правовой действительности, особенно раннего периода, это зачастую приводило к обратному результату. В условиях столь жестко поставленного требования некоторые тяжущиеся изощренно фабриковали доказательства об огромных утраченных прибылях от контрагентов вследствие, к примеру, непоставки товара ответчиком и пр.

На начальном этапе средства эффективного реагирования на такие вопиющие случаи суды не имели, да и сейчас располагают в своем арсенале только процедурой вскрытия фальсификаций, которая непригодна для изобличения материалов и документов, оформленных задним числом и т. п.

Поэтому в проводимых ежегодных обобщениях высшими судами РФ указывалось на негативную тенденцию безмотивно заявлять о неподтвержденных огромных потерях, в связи с чем нижестоящим судам предписывалось строго и

придирчиво относиться к таким искам и представляемым доказательствам. В результате получение итогового денежного возмещения через судебную процедуру оказывалось проблематичным и малоперспективным, если делом не занимался специалист. Почти два с лишним десятилетия, если брать постсоветский период, судебная система не работала на стимулирование исков об убытках. Поэтому считать, что ущерб, неполученный доход можно подсчитать по единым трафаретным схемам, не всегда верно. В большей степени это справедливо для торговых операций, где почти всегда подходит метод так называемых «абстрактных убытков», имеющий целью пересчет выгод от благоприятной конъюнктуры цен. Реальная жизнь намного сложнее, и наибольшие потери от правонарушений наступают ввиду незаменимой утраты, крушения планов и предпринимательских комбинаций с ожидаемым большим эффектом прибыли и доходности. Кроме того, неисполнение должника может быть длящимся и обогащающим последнего. Из этого также вытекает еще один довод в пользу квалифицированного правового сопровождения, который может осуществить только адвокат-представитель.

При исполнении решений о присуждении убытков отношения сторон заканчиваются обретением кредитором денежной суммы спустя более длительный срок, чем если бы они развивались без срывов и препятствий. Однако все равно в предпринимательской области получение финансовой выгоды – универсальное стремление, что справедливо для любой отрасли бизнеса. Таким образом, если цель получения во всех случаях ликвидных денежных ресурсов реализуется, то это для предпринимателя всегда более предпочтительно.

В глобальном замысле требования об убытках должны быть массовыми, так как такое принудительное осуществление платежей прокручивает «застрявшие колесики» товарно-денежного обращения, однако сказанное труднее достижимо, если правильные расчеты не являются прерогативой представителей адвокатской корпорации.

На практике убытки нередко близки к начислению неустойки, и хотя значение этих средств правовой защиты различно, штраф вбирает в себя и заранее исчисленные потери, и наказание за провал в осуществлении предпринимательских операций, который может быть чрезмерно разорительным.

Кстати сказать, с обратной стороны убытки граничат с таким средством правовой защиты, как возмещение неосновательного обогащения. Суть его в ликвидации последствий таких имущественных приобретений, которые происходят зачастую в коммерческой среде без должного замысла и стремления приобретателя и потерпевшего. Часто это происходит по ошибке, недосмотру, заблуждению, но не исключается и умысел должника. Главное, в чем сходятся неосновательное обогащение и убытки, – это восстановление имущественного баланса между сторонами, то есть возмещение потерь. Для возникновения неправомерного обогащения не требуются злая воля сторон, неисполнение обещания, вредоносное поведение.

Как известно, весь гражданский товарно-денежный оборот происходит в значительной мере посредством сделок, юридических действий, ведущих к возникновению прав и обязанностей. Концептуально убытки должны отличаться от неосновательного обогащения. На деле же вялая, безынициативная позиция в процессе как стороны, так и суда приводит к тому, что различие между ними нередко сглаживается. В таком случае неосновательное обогащение становится взыскивать проще и надежнее. Вина, неправомерность, причинность перестают здесь быть условием присуждения, поэтому профессиональное юридическое разграничение названных правовых инструментов необходимо.

В чем же состоит сложность и многообразность требований об убытках? На наш взгляд, среди способов защиты гражданских прав присуждение убытков занимает особое место, поскольку удовлетворение иска происходит при соблюдении нескольких условий: при установлении вины должника в том, что он допустил умысел либо грубую или легкую неосторожность, не исполнив обязательства или иным образом нарушив субъективное гражданское право истца; при определении причинности убытков от неисполнения либо нарушения обязательств; при наличии убытков как таковых, размер которых нужно доказывать.

В гражданском праве так называемая казуальность напрямую влияет в первую очередь на размер ущерба и упущенной выгоды, понесенных кредитором. Суды весьма активно обращаются к институту связи, желая не допускать сутяжничество в процессах и повсеместно снижать размер требований, поэтому от качественной результативной работы адвоката-представителя преимущественно в вопросе размера удовлетворения иска в целом или в части многое зависит.

Очень важный вопрос в делах об убытках составляет вина самого истца, поскольку в соответствии со ст. 404 ГК РФ суд обязан снизить размер

взыскания, если нарушение обязательств произошло вследствие так называемой смешанной вины. Простейшим примером может являться дорожно-транспортное происшествие, в котором пострадал один автомобиль, водитель которого умышленно либо неосторожно нарушил правила дорожного движения, и стоимость ущерба должна быть вследствие этого снижена иногда в несколько раз.

Ст. 404 ГК РФ говорит также об усмотрении суда уменьшить объем взыскания, если истец проявил пассивность либо способствовал увеличению размера убытков, например при повреждении теплотрасс не были произведены своевременно ремонт и их перекрытие, хотя это было абсолютно в пределах возможностей ответчика.

Как мы видим, помимо сложных правовых аспектов особое значение приобретают вопросы умелого доказывания адвокатом и доказательств, приведения сведений за и против удовлетворения иска.

В широком смысле этого слова установление факта, обстоятельств, имеющих юридическое значение, также охватывает и такой предмет, как опровержение представленных противной стороной доказательств. Поэтому в процессе об убытках может успешно действовать только специалист, член действующего адвокатского сообщества, которой должен систематически повышать свой профессиональный уровень в соответствии с Кодексом профессиональной этики. Обычный юрист такого внешнего профессионального контроля не имеет и осуществляет свои услуги, практически не неся никакой ответственности, потому что договор, регламентирующий его отношение с клиентом, заключается преимущественно от имени обычной предпринимательской структуры (с обществом с ограниченной ответственностью и т. д.).

В этой связи необходимо порассуждать о достоинствах адвокатского статуса при представлении интересов своего доверителя. Так, адвокат благодаря своему особому положению вполне законно может добывать ключевые сведения о структуре, характере, достоверности убытков посредством запросов, в связи с чем его статус дает большие преимущества. Например, если прибегать для сбора доказательств к нотариальным услугам, то они должны оказываться только в отношении фактов нахождения определенных вещей в конкретном месте, принадлежности подписей и т. п. Запрос же может выявлять оценочные суждения, прогнозы. И это нередко играет решающую роль при определении размера реального ущерба, причинной связи, формировании картины о нарушениях и т. п. В результате позиция в споре становится убедительной, достоверной, порой даже несокрушимой. Тем более это важно, что в 2016 г. в регулировании произошли важные изменения, в том числе была введена административная ответственность адресатов за непредоставление информации или за отсутствие ответа в течение срока более 30 дней (ст. 6.1 Закона об адвокатуре и ст. 5.39 КоАП РФ).

Наконец-то наступило то время, когда подчиняться запросу обязаны любые третьи лица, если это организации «компетентны обладать сведениями». Однако запрос может вызвать отказ, если к данным применяется режим ограниченного доступа. На основании этого некоторые авторы делают вывод о том, что адвокату нельзя передавать персональные данные, например электронный адрес физического лица, адрес места жительства, сведения о его имуществе в реестре и т. д. [3, 6].

Однако в этой связи важно отметить, что организация должна принимать меры для охраны информации ограниченного доступа, иначе она таковой считаться не будет.

Адвокат в силу своего положения обязан сохранять конфиденциальность не только сведений, полученных им от доверителя, но и всех доказательств и документов, собранных в ходе подготовки к делу [1, 3, 6]. Они составляют профессиональную тайну, и ее разглашение – повод обратиться с целью возбуждения дисциплинарного производства против защитника. Немаловажная деталь: информация не только ограниченного доступа, но и охраняемая, однако правомерно распространенная, например ее владельцем, должна предоставляться неограниченно, так как на нее более не распространяется соответствующий режим.

Поправки к Закону об адвокатуре 2016 г. имеют целью превратить запрос в действенный процессуальный инструмент, и не только в уголовно-правовой сфере. При формулировании сути и размера претензии об абстрактных убытках разные специализированные организации могут предоставлять статистические данные о динамике цен на продукцию, услуги, сведения об отправленных уведомлениях, обычных сроках пробега почты, учитывая дальность пункта назначения. Торгово-промышленные палаты, как общероссийские, так и региональные, вправе давать пояснения о содержании и смысле отраслевого обычая, который в соответствии со ст. 5 ГК РФ является таким же источником права, как и статьи законов, постановления правительства, акты министерств, и применяется неоднократно к неограниченному кругу лиц. Более того, это правило в

силу своего узкого применения или специальной направленности может иметь приоритет перед другими юридическими положениями общего содержания.

Другим неоспоримым преимуществом правового положения адвоката в делах об убытках в гражданском судопроизводстве является возможность задействовать применение этических норм по отношению к доверителю оппонента, если тот, например, не соблюдает профессиональную тайну, искажает доказательства или отстаивает заведомо незаконную позицию. Даже то обстоятельство, что манипулирование данными чревато последствиями, может иметь существенное влияние на позицию другой стороны, так как при рассмотрении исков об убытках большое значение приобретает фактология.

В этой связи хотелось бы вкратце высказать свои соображения относительно проекта Концепции реформы рынка юридических услуг. На наш взгляд, реализация планов, обозначенных в обсуждаемом проекте, не будет способствовать, во-первых, формированию рынка высококвалифицированных юридических услуг в сфере сложнейших судебных процессов, во-вторых, приведет к деградации представительства в указанных судебных делах и снизит качество юридической помощи.

Также неприемлемыми и малопонятными представляются сроки проведения реформы, а именно до 2023 г., когда будет введена так называемая адвокатская монополия на ведение судебных процессов, в том числе на сопровождения споров об убытках. Этот отрезок времени представляется чрезмерно большим и не имеет под собой никакого рационального основания. Логика почему-то не сводится к тому, что проще всего предложить несертифицированным участникам рынка, а главное специалистам, которые по своему уровню способны вести сложные дела, но пока не получили соответствующего статуса правового защитника, просто сдать обычные экзамены. Между тем чем труднее они будут, тем более высокого качества специалисты станут игроками на рынке юридических услуг и адвокатской помощи.

Вполне очевидно, что разработчики озаботились безработицей на рынке юридических услуг, но такие опасения лишены всякой почвы [4]. Вместе с тем монополия, на наш взгляд, должна распространяться только на представительство в судах, а в остальном консультационно-юридическая или просто деятельность юридических советников может осуществляться без ограничения, и это позволяет глава 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг. Как правильно отмечает Е.К. Моисеева, «во всех развитых странах наличие юридического образования является необходимым, но не достаточным условием допуска к профессии. Помимо образовательного ценза, существуют дополнительные фильтры на вход в профессию (квалификационный экзамен), а также механизмы контроля за деятельностью юристов внутри профессии и процедуры лишения лицензии в случае недобросовестного поведения» [4].

К сожалению, вместо этого на рынке в стране, по нашим ощущениям, наблюдается превышение предложений занимающихся юридической профессией над действительными потребностями в обществе, что в итоге создает дезориентацию клиентуры, невозможность формирования рынка юридических услуг, вызревания значимых брендов, конкурирующая деятельность которых должна приводить к усилению качества, укоренению высоких стандартов, здоровой соревновательности.

Кроме того, Концепция предусматривает упрощенный переход десятков тысяч лиц, которые проработали в сфере юридической профессии, причем не представляется возможным проверить, так ли это было, в адвокатскую область. Это, на наш взгляд, угрожает также размытием и дезинтеграцией адвокатского сообщества, которое увеличится более чем в два раза за счет преимущественно невысококвалифицированных специалистов. Полагаем, что одномоментное решение этого вопроса может стать губительным явлением для юридической профессии.

Помимо всего прочего Концепция носит двусмысленный характер в вопросе коммерциализации адвокатских услуг. Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений отметил, что адвокатская деятельность является некоммерческой, и это служит базой для фидуциарных отношений с клиентом для установления приоритета интересов клиента над чистым заработком.

Внедрение предпринимательских начал в адвокатскую деятельность не свойственно российской правовой традиции. Коммерциализация неизменно увеличит стоимость адвокатских услуг, девальвирует их индивидуализированный характер и повлияет на их высокую цену. Услуги будут продаваться как конфеты в коробках, блистающие своей привлекательностью, но имеющие бедное вкусовое достоинство.

В ходе обмена мнениями о основных направлениях реформы юридического рынка особенно усердно дебатируются вопросы трудовых взаимоотношений и коммерческой структуры, осущест-

влявшей бы адвокатскую помощь, как необходимые новшества, без чего улучшение правовой среды якобы невозможно. На взгляд авторов настоящей публикации, оба эти предположения являются спорными, требующими серьезного осмысления и предварительной апробации.

Адвокату как представителю свободной творческой профессии несвойственна связанность функциями работника, имеющими один устойчивый критерий – подчиненность трудовому распорядку, а не только исполнения задания под надзором и контролем работодателя с угрозой дисциплинарного взыскания и т. п. Адвокат-работодатель делает положенные обязательные платежи в фонды и бюджет, и, согласно предложению, адвокат-работник от участия в своей профильной деятельности будет получать зарплату, если он участвовал в проекте, но лично не заключал договор, будь это революционное нововведение принято.

Думающие руководители адвокатских образований никогда, на наш взгляд, не станут его применять по двум соображениям. В первую очередь, из-за налогов, так как поднанимаемый коллега по новой конструкции окажется дороже, ведь за него придется делать страховые и прочие отчисления.

Второе, но более главное, заключается в том, что адвокат-работник не будет отвечать за плохое качество своего труда, как лицо, санкции по отношению к которому невозможны в силу действия главного правового социального принципа трудового права – ограниченной ответственности. Коммерческие организации вряд ли получат широкое распространение по одной простой причине: если действительным мотивом их учреждения будет распределение прибыли, и доход, получаемый адвокатами, акционерами и т. д., будет проходить двойное налогообложение, а вряд ли законодателем будут установлены специальные налоговые льготы в сфере предпринимательства для оказания правовой помощи. Подобные структуры будут носить искусственный характер и использоваться для доходов крупных проектов для зачета НДС, а это совсем не та цель, к которой должна стремиться реформа адвокатуры.

Таким образом, Концепция в том виде, в котором она обнародована как проект, на наш взгляд, требует глубокого осмысления, поскольку может не улучшить ситуацию на рынке оказания высококвалифицированных юридических услуг, в верхнем сегменте которого располагается, в том числе, и юридическое сопровождение адвокатом споров об убытках.

Пристатейный библиографический список

1. Власов А.А. Гражданский процесс: учеб. пособ. М., 2006. (Res cottidiana).
2. Власов А.А. Проблемы обеспечения законности по ГПК и АПК РФ 2002 года // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 6.
3. Вороной В.В. Адвокатский запрос: вектор развития // Адвокат. 2015. №9.
4. Моисеева Е.К. Реформирование рынка юр. услуг в России: социологический анализ // Закон. 2017. № 11.
5. Монастырский Ю.Э. Убытки вследствие умаления корпоративных прав // Закон. 2017. № 7. С. 66–77.
6. Папулова З.А. Адвокатский запрос: проблемы эффективной реализации // Адвокатская практика. 2017. № 4.

References (transliterated)

1. Vlasov A.A. Grazhdanskij process: ucheb. posob. M., 2006. (Res cottidiana).
2. Vlasov A.A. Problemy obespechenija zakonnosti po GPK i APK RF 2002 goda // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2003. № 6.
3. Voronoj V.V. Advokatskij zapros: vektor razvitija // Advokat. 2015. №9.
4. Moiseeva E.K. Reformirovanie rynka jur. uslug v Rossii: sociologicheskij analiz // Zakon. 2017. № 11.
5. Monastyrskij Ju.Je. Ubytki vsledstvie umalenija korporativnyh prav // Zakon. 2017. № 7. S. 66–77.
6. Papulova Z.A. Advokatskij zapros: problemy jeffektivnoj realizacii // Advokatskaja praktika. 2017. № 4.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru info@eurasniipp.ru +7-917-40-61-340

Печегин Д.А.

РЕШЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТ. 125 УПК РФ

***Цель**: Анализ проблем реализации положений ст. 125 УПК РФ и ст. 46, 52 Конституции Российской Федерации в случае обжалования решения о прекращении уголовного дела и поиск путей их преодоления.*

***Методология**: Использовались сравнительно-правовой, исторический и формально-юридический методы.*

***Результаты**: Тенденцией развития уголовно-процессуального права всегда была и остается последовательная требовательность по отношению к дознавателю, следователю, прокурору, суду, обязанным обеспечить соблюдение законности, точное исполнение порядка судопроизводства.*

Государство гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. При этом решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ст. 46 Конституции Российской Федерации). Государство также обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Указанные положения Конституции Российской Федерации находят свое конкретное отражение в отраслевом законодательстве, в частности, в УПК РФ. Несмотря на это, многие исследователи и практикующие юристы полагают, что норма уголовно-процессуального законодательства, регламентирующая порядок обжалования действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц с учетом смысла, придаваемого ей сложившейся правоприменительной практикой, не соответствует положениям ст. 46 и 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой допускает отказ судов исследовать и оценивать доказательства при рассмотрении в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации жалоб на решение следственного органа о прекращении уголовного дела. В работе проанализирована ст. 125 УПК РФ на предмет ее соответствия Конституции Российской Федерации по обозначенной проблеме. В статье отмечается, что в некоторой степени указанную проблему разрешают ведомственные нормативные акты и ориентирование судей на всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Так, согласно приказам Генерального прокурора при осуществлении функции надзора за органами, осуществляющими предварительное расследование и выявление информации о жалобе в отношении решения следователя о прекращении уголовного дела, прокурор обязан отреагировать на такую жалобу и принять меры к отмене данного решения, если оно принято вопреки требованиям закона и не обосновано.Тем не менее, автор статьи приходит к выводу о недостаточности действующего правового механизма для полноценной реализации положений ст. 125 УПК РФ. На основе сравнительно-правового, исторического и формально-юридического методов в статье обосновывается вывод о необходимости введения в отечественное уголовное судопроизводство фигуры следственного судьи.

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть ст. 125 УПК РФ на предмет соответствия требованиям ст. 46 и 52 Конституции Российской Федерации через призму возникающих на практике проблем при обжаловании решения о прекращении уголовного дела.*

***Ключевые слова**: обжалование, ст. 125 УПК РФ, оценка доказательств, прекращение уголовного дела, исследование материалов дела.*

Pechegin D.A.

THE DECISION ON TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF THE APPEAL IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 125 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

***Purpose**: The purpose is to analyze of the problem of implementation of the provisions of Art. 125 of the Russian code of criminal procedure and Art. 46, 52 of the Constitution of the Russian Federation in the event of an appeal against the decision to discontinue the criminal case and to make a proposal to overcome it.*

***Methodology**: Comparative legal, historical and formal legal methods were used.*

***Results**: The trend in the development of criminal procedure law has always been and remains consistent demands on the investigator, investigator, Prosecutor, court, obliged to ensure compliance with the law, the exact execution of the procedure.*

The state guarantees everyone judicial protection of their rights and freedoms. The decisions and actions (or inaction) of bodies of state power, bodies of local self-government, public associations and officials can be appealed in court (article 46 of the Constitution of the Russian Federation). The state also provides victims

with access to justice and compensation for damages (article 52 of the Constitution of the Russian Federation). These provisions of the Constitution of the Russian Federation are specifically reflected in sectoral legislation, in particular, the code of criminal procedure. Despite this many researchers and practitioners believe that the norm of the criminal procedural legislation, regulating the procedure of appeal against actions (inaction) of state bodies and officials with regard to the meaning given her current legal practice does not conform to the provisions of articles 46 and 52 of the Constitution of the Russian Federation in that measure in which allows for the failure of the courts to examine and weigh the evidence when considering fine art. 125 Criminal procedure code of the Russian Federation (hereinafter – the code of criminal procedure) complaints against the decision of the investigative body to terminate the criminal case. The article is devoted to the analysis of article 125 of the code of criminal procedure for its compliance with the Constitution of the Russian Federation on the problem. The article notes that to some extent this problem is solved by departmental regulations and orientation of judges to a comprehensive, full and objective study of the circumstances of the case. So, according to the orders of the Prosecutor General in the exercise of oversight over the authorities conducting the preliminary investigation and the identification information on the appeal against the decision of the investigator on termination of the criminal case, the prosecutor is obliged to respond to such complaints and to take measures to cancellation of this decision, if it is made contrary to the requirements of the law and is not justified. Nevertheless, the author comes to a conclusion about insufficiency of the operating legal mechanism for full implementation of provisions of Art. 125 of Russian criminal procedure code. On the basis of comparative-legal, historical and formal-legal methods, the article substantiates the conclusion about the necessity of introducing the figure of the investigating judge into the domestic criminal proceedings.

***Novelty/originality/value**: The paper has a high scientific value, since it is one of the first attempts to consider article 125 of the Russian code of criminal procedure for compliance with the requirements of article 46 and 52 of the Constitution of the Russian Federation through the prism of problems arising in practice in appealing the decision to discontinue a criminal case.*

***Keywords**: appeal, article 125 code of criminal procedure, evaluation of evidence, termination of the criminal case, the study of the case.*

В соответствии со ст. 125 УПК РФ постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Суть затронутой в статье проблемы, по нашему мнению, касается положений ст. 15 УПК РФ (принцип состязательности), согласно которым суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Это положение в соответствии с п. 56 ст. 5 УПК РФ распространяется как на досудебные, так и на судебные стадии производства по уголовному делу, что довольно активно критикуется в доктрине, поскольку очевидно, что ни о какой состязательности на стадиях возбуждения уголовного дела и производства предварительного расследования речи идти не может.

При этом согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора. В частности, судья не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния.

Кроме того, при принятии решения по существу заявленных требований суд не вправе обсуждать вопросы виновности лица, принесшего жалобу, либо давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела (п. 16 и 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1).

Такая позиция Верховного Суда Российской Федерации основана на том, что разрешение всех вопросов, имеющих уголовно-правовой и уголов-

но-процессуальный смысл [6], осуществляется только при рассмотрении уголовного дела по существу судьей суда первой инстанции, но не при обжаловании тех или иных решений участниками уголовного судопроизводства на досудебных стадиях производства по делу. И даже удовлетворяя жалобу в порядке п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ, суд не вправе предопределять действия должностного лица, осуществляющего расследование, отменять либо обязывать его отменить решение, признанное им незаконным или необоснованным.

Таким образом, анализируемые положения ст. 125 УПК РФ по существу заводят конкретного правоприменителя в некий «теоретический тупик». Они формализуют порядок рассмотрения поданных участниками уголовного судопроизводства жалоб, на что неоднократно обращалось внимание в научной литературе [10, с. 71–77; 4, с. 35–40 и др.]. Фактически судья при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ проверяет лишь возможность конкретного должностного лица принять решение, т. е. соответствие формы принятого решения требованиям УПК РФ.

По существу вышеуказанные обстоятельства ограничивают суд и нивелируют роль судебного контроля на стадии предварительного следствия, поскольку, даже усматривая в действиях должностных лиц явные нарушения закона, суд лишен возможности восстановить конституционные права лица путем принятия решения по существу, будучи вынужденным обращать внимание только на формальные признаки соблюдения закона [2, с. 3].

В некоторой степени указанную проблему разрешает Приказ Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 26.01.2017 № 3 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», согласно п. 29 которого прокурор при получении информации о поступлении в суд жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении производства, прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, незамедлительно истребует от дознавателя материалы, относящиеся к обжалуемому действию (бездействию) или решению, осуществляет их проверку и устраняет выявленные нарушения, в том числе посредством отмены необоснованных, незаконных постановлений дознавателя до рассмотрения жалобы в суде, о чем информирует суд.

Аналогичным образом прокурор полномочен на досудебных стадиях производства по уголовному делу при получении информации о поступлении в суд жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на действия (бездействие) и решения следователя или руководителя следственного органа выявлять нарушения закона, обязан незамедлительно принимать меры к их устранению и отменять незаконные процессуальные решения до представления в суд необходимых для рассмотрения жалобы материалов (п. 1.22 Приказа Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»).

Также в определенной мере компенсирует сложившуюся ситуацию положение п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 о том, что если заявитель обжалует постановление о прекращении уголовного дела, то при рассмотрении такой жалобы судья, не давая оценки имеющимся в деле доказательствам, должен выяснять, проверены и учтены ли дознавателем, следователем или руководителем следственного органа все обстоятельства, на которые указывает в жалобе заявитель, и могли ли эти обстоятельства повлиять на вывод о наличии оснований для прекращения уголовного дела.

Между тем согласно официальной статистике, представленной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, за 2016 год суды первой инстанции из 127 086 поступивших жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ удовлетворили 6 369, отказали в удовлетворении – в 29 917 случаях, а по остальным 90 800 жалобам решили отказать в принятии, возвратить или прекратить производство.

Обозначенная проблема, по нашему мнению, связана с вопросом о роли суда в состязательном процессе. Некоторые исследователи полагают, что состязательность исключает возможность закрепления за судом активной роли при производстве по делу или рассмотрении жалоб участников уголовного судопроизводства. Однако такой подход приводит к формальному исполнению положений УПК РФ и не позволяет реализовать в полной мере положения ст. 46 и 52 Конституции Российской Федерации.

По нашему мнению, в случае отсутствия у суда активной роли при разрешении уголовного дела (рассмотрении жалоб) нельзя говорить ни о возможности достижения истины по делу (объективность и всесторонность как ее составные элементы можно обнаружить в ч. 4 ст. 152, ч. 2

ст. 154, ст. 239.1 УПК РФ и др.), ни о возможности вынесения справедливого приговора, особенно в условиях, когда защитник de facto не может самостоятельно (лишь через ходатайство к одному из субъектов доказывания, обозначенных в ст. 74 УПК РФ) собирать доказательства в ходе производства по уголовному делу, а от суда требуется вынести мотивированное и обоснованное решение по уголовному делу.

Несмотря на то обстоятельство, что разъяснение правоприменительной практики Верховным Судом Российской Федерации, а также приказы Генеральной Прокуратуры Российской Федерации позволяют в некоторой степени разрешать обозначенную проблему, тем не менее, недостаточная определенность ст. 125 УПК РФ с учетом закрепленной в ст. 15 УПК РФ фактически пассивной роли суда и сложившейся практики позволяют формально подходить к реализации требований ст. 46 и 52 Конституции Российской Федерации в сфере производства уголовных дел при обжаловании решений следственного органа о прекращении уголовного дела.

И.Я. Фойницкий отмечал следующее. Во-первых, «…всякий суд властен стремиться к разъяснению себе дела в его настоящем виде» [15, с. 69]. А во-вторых, «...при состязательности процесса уголовный суд остается самостоятельным органом закона, применяя последний по его точному значению и не стесняясь в этом отношении теми толкованиями, которые исходят от сторон... Потому же состязательность процесса не лишает суд права и обязанности давать ответ, соответствующий объективной, действительной или материальной истине, и отнюдь не требует, чтобы он довольствовался истиной формальной, как ее понимают и устанавливают стороны. Суд уголовный может и даже обязан употребить все находящиеся в распоряжении его средства для полного разъяснения себе дела. Роль уголовного судьи в процессе далеко не пассивная... Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины. В стремлении к этой цели суд не может принимать в уважение желание сторон – ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невиновность, ни того, что сам обвинитель потворствует виновному» [15, с. 72–73].

С этим соглашается Н.Н. Полянский, указывая, что «…активностью суда поддерживается чистая (то есть очищенная от стремления сторон перелгать друг друга) состязательность» [6, с. 120].

Беспристрастность вовсе не означает пассивность и отстраненность. Конечно, суд сегодня не является простым «регистратором поединка», но едва ли, исходя из его нынешних прерогатив, можно сделать вывод об эффективности его возможностей в рамках рассмотренной проблемы [13, с. 171–177].

Тезис о возможности и необходимости закрепления за судом активной роли при производстве по уголовному делу подтверждается и тем обстоятельством, что одним из аспектов требования равного отношения со стороны суда «является то, что суд должен относиться к защите и к обвинению таким образом, чтобы гарантировать обеим сторонам равные возможности для подготовки и представления их дела во время судебного процесса» [11]. Однако каким образом суд сможет гарантировать обеспечение равного представления интересов сторон при разбирательстве дела, если за ним не будут закреплены определенные полномочия? Представляется, что выходом здесь может быть введение института следственного судьи в отечественном уголовном процессе, поскольку даже судебная практика ориентирует сегодня судью на всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела [7–9].

Во Франции давно учреждён и действует институт следственного судьи.

УПК Франции 1958 года сохранил присущую кодификации Наполеона 1808 года логику в вопросе построения уголовного процесса. Здесь сохраняется сугубо континентальная конструкция процесса, когда есть дознание, контролируемое прокуратурой, предварительное следствие и состязательное судебное разбирательство, но с активным судом.

Французскому уголовному судопроизводству, равно как и английскому, также известен принцип целесообразности при инициировании уголовного преследования в том плане, что прокурор имеет дискреционные полномочия при решении вопроса о том, выдвигать или не выдвигать обвинение, иными словами – давать ход делу или нет.

С другой стороны, следственный судья обязан равным образом исследовать как уличающие, так и оправдывающие лицо доказательства, а также предпринимать любые необходимые для достижения истины по делу шаги.

Дискуссия вокруг необходимости введения института следственных судей развернулась в отечественной доктрине уголовного судопроизводства, что во многом связано с преобразованиями уголовно-процессуального законодательства в странах СНГ [12, с. 9–14; 1, с. 44–46; 5, с. 26–32; 3, с. 672–678]. При этом окончательный подход учеными еще не разработан. С одной стороны, с введением института следственных судей изменится форма от-

ечественного уголовного судопроизводства. С другой – преобразование формы судопроизводства не всегда ведет к его качественным улучшениям.

Введение института следственного судьи в отечественное уголовное судопроизводство, полномочного осуществлять функцию судебного контроля на досудебных этапах производства по делу, по нашему мнению, позволит преодолеть сложившийся на практике «теоретический тупик» при оценке порядка реализации положений ст. 125 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Быков В.М., Манова Н.С. Нужен ли уголовному судопроизводству России следственный судья? // Законность. 2015. № 6.
2. Гаджиев Я. Судебный контроль как иллюзия // ЭЖ-Юрист. 2017. № 26.
3. Идиров Е.И. Становление института следственного судьи: некоторые особенности казахстанского уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4.
4. Кириллова Н.П. Определение компетенции суда при осуществлении судебного контроля на стадии предварительного расследования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4.
5. Ковтун Н.Н. Следственный судья Украины: анализ юрисдикционных и следственных функций в контексте российских процессуальных аналогов // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3.
6. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. М., 1956.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 года № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума ВС РФ от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Пронин К.В. О регламентации судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ // Журнал российского права. 2011. № 6.
11. Руководство Международной Амнистии по справедливому судопроизводству. М., 2003. С. 78 [Электронный ресурс]. URL: http://amnesty.org.ru/node/373.
12. Смирнов А.В. Институт следственных судей – конституционное требование? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2.
13. Таричко И.Ю. Мировые тенденции оптимизации уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12.
14. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учеб. пособ. М., 2008.
15. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1912. 4-е изд. Т. I.

References (transliterated)

1. Bykov V.M., Manova N.S. Nuzhen li ugolovnomu sudoproizvodstvu Rossii sledstvennyj sud'ja? // Zakonnost'. 2015. № 6.
2. Gadzhiev Ja. Sudebnyj kontrol' kak illjuzija // JeZh-Jurist. 2017. № 26.
3. Idirov E.I. Stanovlenie instituta sledstvennogo sud'i: nekotorye osobennosti kazahstanskogo ugolovnogo processa // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. № 4.
4. Kirillova N.P. Opredelenie kompetencii suda pri osushhestvlenii sudebnogo kontrolja na stadii predvaritel'nogo rassledovanija // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2016. № 4.
5. Kovtun N.N. Sledstvennyj sud'ja Ukrainy: analiz jurisdikcionnyh i sledstvennyh funkcij v kontekste rossijskih processual'nyh analogov // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2013. № 3.
6. Poljanskij N.N. Voprosy teorii sovetskogo ugolovnogo processa / pod red. D.S. Kareva. M., 1956.
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14 ijulja 2005 goda № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 113 Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanki G.A. Poljakovoj i zaprosom Federal'nogo arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».
8. Postanovlenie Plenuma VS RF ot 21 dekabrja 2010 goda № 28 «O sudebnoj jekspertize po ugolovnym delam». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».
9. Postanovlenie Plenuma VS RF ot 29 ijunja 2010 goda № 17 «O praktike primenenija sudami norm, reglamentirujushhih uchastie poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».
10. Pronin K.V. O reglamentacii sudebnogo kontrolja v porjadke stat'i 125 UPK RF // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. № 6.
11. Rukovodstvo Mezhdunarodnoj Amnistii po spravedlivomu sudoproizvodstvu. M., 2003. S. 78 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://amnesty.org.ru/node/373.
12. Smirnov A.V. Institut sledstvennyh sudej – konstitucionnoe trebovanie? // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2015. № 2.
13. Tarichko I.Ju. Mirovye tendencii optimizacii ugolovnogo processa // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 12.
14. Ul'janova L.T. Predmet dokazyvanija i dokazatel'stva v ugolovnom processe Rossii: ucheb. posob. M., 2008.
15. Fojnickij I.Ja. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: v 2 t. SPb., 1912. 4-e izd. T. I.

Козбанов А.И.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ОТ НЕЗАКОННОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Цель**: Определение основных тенденций и возможных перспектив обеспечения защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования в современной России.*

***Методология**: Использовались формально-юридический метод, метод сравнительного анализа.*

***Результаты**: В настоящей статье автор поднимает крайне актуальную для современной России проблему – возможность защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования. В Уголовном кодексе РФ и правоприменительной практике доминирует избыточная уголовно-репрессивная линия в отношении субъектов предпринимательской деятельности, характеризующаяся криминализацией деяний, не представляющих общественной опасности, и влекущая за собой рост случаев незаконного уголовного преследования предпринимателей. Автор выявляет основные тенденции развития российской уголовно-правовой системы относительно экономических преступлений, обращает внимание на основные изменения в уголовном законодательстве, направленные на защиту предпринимателей от незаконного преследования.*

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: Научная значимость настоящей статьи объясняется актуальностью и важностью затронутой в ней темы, практическая значимость – возможностью использования полученных результатов для совершенствования российского уголовного закона и правоприменительной практики.*

***Ключевые слова**: предпринимательство, уголовный кодекс, экономические преступления, декриминализация, гуманизация уголовного права.*

Kozbanov A.I.

TENDENCIES AND PERSPECTIVES OF PROTECTION OF ENTREPRENEURS FROM ILLEGAL CRIMINAL PROSECUTION IN MODERN RUSSIA

***Purpose**: To determine the main trends and possible prospects for ensuring the protection of entrepreneurs against illegal criminal prosecution in modern Russia.*

***Methodology**: We used a formal legal method, a method of comparative analysis.*

***Results**: In this article, the author raises an extremely topical problem for modern Russia - the possibility of protecting entrepreneurs from illegal criminal prosecution. The Criminal Code of the Russian Federation and law enforcement practice is dominated by an excessive criminal-repressive line in relation to business entities, characterized by criminalization of acts that do not pose a public threat and entails an increase in cases of illegal criminal prosecution of entrepreneurs. The author reveals the main trends in the development of the Russian criminal legal system with respect to economic crimes, draws attention to the main changes in the criminal legislation aimed at protecting entrepreneurs from unlawful persecution.*

***Novelty**/**originality**/**value**: The scientific significance of this article is due to the relevance and importance of the topic touched on in it, practical significance – the possibility of using the results obtained to improve Russian criminal law and law enforcement practice.*

***Keywords**: business, criminal code, economic crimes, decriminalization, humanization of criminal law.*

Свобода предпринимательства является одним из фундаментальных принципов рыночной экономики. Статья 8 Конституции Российской Федерации гласит, что в стране гарантируется свобода экономической деятельности, а статья 34 Конституции РФ раскрывает этот принцип более детально, подчеркивая право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности. Однако в процессе выработки механизмов, защищающих молодую рыночную экономику России, государство остановилось на уголовном преследовании как наиболее эффективном средстве воздействия на предпринимателей, демонстрирующих экономическое поведение, выходящее за установленные законом рамки.

В Уголовном кодексе РФ присутствует целый комплекс статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение экономических преступлений. Однако заложенное в законодательстве уголовно-правовое воздействие на бизнес представляется избыточным, в первую очередь, в силу таких факторов, как криминализация не представляющих общественной опасности деяний (большая часть экономических преступлений), несоразмерность степени общественной опасности данных деяний и установленных за них в Уголовном кодексе РФ уголовно-правовых санкций.

Избыточность уголовно-репрессивных мер в отношении экономических преступлений обусловила развитие правоприменительной практики по пути, представляющему сохранение и усиление многочисленных рисков для отечественного бизнеса. Результатами такой практики стало большое количество уголовных дел, возбужденных в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, но виновность фигурантов которых в процессе расследования оказывается недоказанной. Серьезной проблемой для предпринимательского сообщества стала неоправданная практика применения исключительной меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии расследования.

Естественно, что эта тенденция, внимание на которую неоднократно обращали на высшем государственном уровне и президент [4], и премьер-министр [10], и федеральный и региональные уполномоченные по правам предпринимателей [9], крайне негативно отражается на общем состоянии российской экономики, способствуя сохранению низкой инвестиционной привлекательности страны, росту процессов теневизации в экономике и, как следствие, в обществе в целом, снижению мотивации населения страны, в том числе и молодежи, к занятию предпринимательской деятельностью.

Высокие риски привлечения предпринимателей к ответственности за экономические преступления повышают коррупцию в государственном аппарате и правоохранительных органах, поскольку предприниматели стремятся с помощью неформальных механизмов влияния снизить вероятность применения в отношении себя мер уголовно-репрессивного характера. Одновременно жесткость законодательства в отношении бизнеса способствует формированию благоприятной среды для совершения преступлений коррупционной направленности, злоупотребления своими полномочиями со стороны государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов и специальных служб. Так, в 2016 году лишь 15 % уголовных дел, возбужденных в отношении предпринимателей, были доведены до суда [9]. Как отмечает А.Ю. Головин, обращаясь к криминалистическим аспектам проблемы, недобросовестные сотрудники правоохранительных органов могут использовать свои полномочия для организации давления на предпринимателей и манипуляции их поведением в собственных корыстных интересах или интересах третьих лиц [3].

Актуальность проблемы незаконного преследования предпринимателей обусловливает существенный научный и практический интерес к вопросам совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики в направлении обеспечения защиты бизнеса от незаконного уголовного преследования. Данным вопросам посвящены работы многих современных представителей уголовно-правовой науки, в том числе И.А. Александровой [1, 2], Г.Е. Есакова [5], П.В. Жестерова [6], Т.О. Кошаевой [7], Л.М. Фетищевой [12] и др. исследователей.

Еще в декабре 2011 г. в Уголовный кодекс РФ были внесены изменения (ст. 76.1 УК РФ), предусматривающие наличие специального основания для освобождения лица от уголовной ответственности за ряд экономических преступлений в том случае, если оно совершило преступления впервые и выполнило все закрепленные в статье требования.

В Постановлении ВС РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской деятельности, была предоставлена возможность ходатайствовать о прекращении уголовного преследования по основаниям, которые предусмотрены статьями 75, 76 и 76.2 УК РФ.

Однако вследствие этих изменений для осуществления уголовно-репрессивных мер в отношении предпринимателей следственными органами стали еще более активно использоваться статья 159 УК РФ и смежные статьи. На это обстоятельство обратили внимание представители экспертного сообщества, юридической науки. Так, с 2012 по декабрь 2016 г. количество преступлений по ст. 159–159.6 выросло с 161 969 в 2012 году до 191 909 в конце 2016 г. [11]. Но здесь следует иметь в виду, что далеко не все преступления по ст. 159–159.6 можно рассматривать в срезе экономических преступлений, значительная часть из них относится к сегменту общеуголовных.

Таким образом, потребность в защите предпринимателей от незаконного уголовного преследования сохранялась, что детерминировало принятие в конце 2016 года п. 3 ст. 299 УК РФ, в соответствии с которым предусмотрена уголовная ответственность для сотрудников следственных органов за незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности, а в результате деяния наступило

прекращение предпринимательской деятельности либо ей был нанесен крупный ущерб. Однако существенных изменений в правоприменительной практике внедрение данной меры в уголовное законодательство не повлекло.

В российском экспертном юридическом сообществе перспективы декриминализации ряда экономических преступлений и общей либерализации уголовного законодательства в отношении экономических преступлений оцениваются неоднозначно. Уполномоченный по правам предпринимателей Б.Ю. Титов придерживается позиции о необходимости максимально широкой либерализации законодательства в отношении экономических преступлений, а также модернизации правоприменительной практики, в том числе посредством создания отдельного института, занимающегося борьбой с экономическими преступлениями. В.Д. Постанюк предлагает исключить лишение свободы в качестве меры наказания за экономические преступления небольшой тяжести, декриминализацию и административную преюдицию для экономических преступлений небольшой и средней тяжести, прекращение практики привлечения предпринимателей по ст. 159 УК РФ [8]. В то же время, например, И.А. Александрова придерживается точки зрения о необходимости ужесточения уголовного законодательства в отношении экономических преступлений и преступлений коррупционной направленности [1].

Если говорить о существующих тенденциях, то в направлении защиты бизнеса от незаконного преследования мы можем наблюдать постепенное смещение вектора государственной законодательной политики в сторону либерализации экономического блока Уголовного кодекса РФ. Поскольку уголовно-правовая политика государства в конечном итоге является отражением выбранного властью политического курса, можно говорить о поливариативности возможных изменений в законодательстве и правоприменении в сфере защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования.

Пристатейный библиографический список

1. Александрова И.А. Определение курса современной уголовной политики противодействия преступности в сфере экономической деятельности // Вестник Нижегородской академии МВД. 2016. № 3 (35). С. 307–310.
2. Александрова И.А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции: дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
3. Головин А.Ю. Задачи криминалистики в сфере защиты предпринимателей от незаконного уголовного преследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1. С. 26–34.
4. Гордеев В. Путин поручил сократить число проверок и посадок предпринимателей [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/08/2017/59982bbc9a7947315eb1cfd3.
5. Есаков Г.А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. № 3. С. 40–44.
6. Жестеров П.В. Уголовная репрессия в сфере экономической деятельности в России // Евразийская адвокатура. 2015. № 6 (19). С. 69–75.
7. Кошаева Т.О. Ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: пути развития российского уголовного законодательства // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 25–31.
8. Незаконное преследование представителей бизнеса в современной России: причины, тенденции и перспективы противодействия. Интервью с адвокатом Владимиром Дмитриевичем Постанюком // Евразийская адвокатура. 2017. № 6 (31). С. 7–11.
9. Титов сообщил Путину о сохранении проблемы с уголовным преследованием предпринимателей [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/ekonomika/4285294.
10. Уголовное преследование за экономические преступления можно заменить штрафом – Медведев [Электронный ресурс]. URL: http://www.rapsinews.ru/legislation_news/20140919/272154536.html.
11. Ураков Д.И. Уголовное преследование по уголовным делам о мошенничестве в сфере экономической деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. С. 4.
12. Фетищева Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

References (transliterated)

1. Aleksandrova I.A. Opredelenie kursa sovremennoy ugolovnoy politiki protivodeystviya prestupnosti v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD. 2016. № 3 (35). S. 307–310.
2. Aleksandrova I.A. Sovremennaya ugolovnaya politika po obespecheniyu ekonomicheskoy bezopasnosti i protivodeystviyu korruptsii: dis. … d-ra yurid. nauk. N. Novgorod, 2016.
3. Golovin A.Yu. Zadachi kriminalistiki v sfere zashchity predprinimateley ot nezakonnogo ugolovnogo presledovaniya // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2016. № 1. S. 26–34.
4. Gordeev V. Putin poruchil sokratit' chislo proverok i posadok predprinimateley [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.rbc.ru/politics/19/08/2017/59982bbc9a7947315eb1cfd3.
5. Esakov G.A. Moshennichestvo v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti (st. 159.4 UK RF): problemy primeneniya normy // Ugolovnoe pravo. 2014. № 3. S. 40–44.

6. Zhesterov P.V. Ugolovnaya repressiya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti v Rossii // Evraziyskaya advokatura. 2015. № 6 (19). S. 69–75.

7. Koshaeva T.O. Otvetstvennost' za prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: puti razvitiya rossiyskogo ugolovnogo zakonodatel'stva // Zhurnal rossiyskogo prava. 2014. № 6. S. 25–31.

8. Nezakonnoe presledovanie predstaviteley biznesa v sovremennoy Rossii: prichiny, tendentsii i perspektivy protivodeystviya. Interv'yu s advokatom Vladimirom Dmitrievichem Postanyukom // Evraziyskaya advokatura. 2017. № 6 (31). S. 7–11.

9. Titov soobshchil Putinu o sokhranenii problemy s ugolovnym presledovaniem predprinimateley [Elektronnyy resurs]. URL: http://tass.ru/ekonomika/4285294.

10. Ugolovnoe presledovanie za ekonomicheskie prestupleniya mozhno zamenit' shtrafom – Medvedev [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.rapsinews.ru/legislation_news/20140919/272154536.html

11. Urakov D.I. Ugolovnoe presledovanie po ugolovnym delam o moshennichestve v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: dis. … kand.yurid. nauk. N. Novgorod, 2017. S. 4.

12. Fetishcheva L.M. Primenenie mer presecheniya pri proizvodstve po ugolovnym delam o prestupleniyakh, sovershennykh v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti: dis. … kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2016.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Алыев Р.А.

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

***Цель**: Изучение актуальных проблем современности – возмещения государством вреда, причиненного правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций.*

***Методология**: Использовались нормативно-правовые акты, законы Российской Федерации.*

***Результаты**: В данной статье рассмотрен терроризм как самостоятельный состав преступления. Самостоятельной состава преступления в уголовном кодексе позволяет говорить нам о новой проблеме на стыке отраслей гражданского и уголовного законодательства – возможности возмещения вреда, причиняемого террористическими акциями.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Возникает достаточно много вопросов при решении проблем, связанных с возмещением вреда, причиненного правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций. Данная тема нуждается в теоретической разработке и дальнейшем правовом регулировании.*

***Ключевые слова**: терроризм, государство, правительство, федеральный закон.*

Aliyev R.A.

THE PROBLEM OF COMPENSATION BY THE STATE FOR HARM CAUSED BY LAWFUL ACTIONS IN THE COURSE OF COUNTERTERRORISM OPERATIONS

***Purpose**: The aim of this work is to study the problem of compensation by the state for harm caused by lawful actions in the course of counterterrorism operations.*

***Methodology**: Normative legal acts and Laws of the Russian Federation were used.*

***Results**: This article examines terrorism as a separate crime. The independent composition of the crime in the criminal code allows us to talk about a new problem at the junction of the branches of civil and criminal law – the possibility of compensation for damage caused by terrorist acts.*

***Novelty/originality/value**: There is quite a lot of issues when solving problems associated with the above mentioned damages. This topic needs theoretical development and future of legal regulation.*

***Keywords**: Terrorism, State government, Federal Law.*

Появление правового государства подразумевает, что многие социальные и экономические риски человеческого бытия должны быть разделены всем обществом, а не возлагаться на плечи отдельного пострадавшего. К. Маркс утверждал, что мудрый законодатель принимает норму закона тогда, когда появляется острая необходимость в ее принятии и возникают перемены в общественных отношениях. Поэтому от имени общества государство обязано оказывать помощь пострадавшим, при этом получая право взыскивать понесенные им расходы с террористов [1].

Е.А. Суханов рассматривает правоотношения, связанные с правомерным причинением вреда, как специальный вид деликтной ответственности, с чем, собственно, нельзя не согласиться [2].

Российское законодательство предусматривает возможность причинения вреда как противоправными, так и правомерными действиями.

Гражданский кодекс не содержит общих норм, регламентирующих механизмы установления размера возмещаемого вреда, причиняемого правомерными действиями.

В соответствии с п. 3 ст. 1064 ГК РФ вред, причиняемый правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом.

В данном случае законодатель делает отсылку на специальное законодательство. Возмещение вреда, причиняемого правомерными действиями при пресечении террористического акта, то есть в ходе проведения контртеррористической операции, более детально регулирует Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

В статье 22 данного Федерального закона указано, что в случае лишения жизни лица, участвовавшего в совершении террористического акта, а также причинения вреда здоровью или имуществу участниками террористического акта, или же иным законным интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий, связанных с противодействием терроризму, такие действия, предписываемые или разрешенные законодательством Российской Федерации, являются правомерными.

Согласно статье 18 вышеупомянутого закона возмещение вреда, причиняемого правомерными действиями в ходе проведения контртеррори-

стических операций, происходит за счет средств федерального бюджета, порядок данных выплат устанавливает Правительство Российской Федерации. Вред, причиняемый здоровью и имуществу лица, которое участвует в террористической акции, а также вред, повлекший смерть этого лица в ходе проведения контртеррористической операции правомерными действиями, возмещению не подлежит.

Проанализировав ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму», можно прийти к выводу, что она предусматривает два вида вреда, причиняемого правомерными действиями. В первом случае вред причиняется правомерными действиями лицу, которое непосредственно участвует в совершении террористического акта. Данный вред не подлежит возмещению. Во втором случае при осуществлении контртеррористических операций вред причиняется правомерными действиями другим лицам, жертвам обстоятельств, которые оказались в зоне совершения террористической акции. Такой вред обязательно должен подлежать возмещению.

Также следует отметить, что в статье 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» предусмотрено два способа возмещения вреда, причиняемого террористическим актом: компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которые стали жертвами террористической акции (первая часть указанной статьи), и возмещение вреда, причиняемого при пресечении террористического акта правомерными действиями (вторая часть указанной статьи).

На сегодняшний день порядок осуществления компенсационных выплат лицам, которые пострадали в результате правомерных действий в ходе проведения контртеррористический операций, регулируется Постановлением Правительства РФ от 15 февраля 2014 г. № 110 «О выделении бюджетных ассигнований из Резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий».

Данное постановление регламентирует порядок и размер компенсационных выплат лицам, которым правомерными действиями был нанесен вред в ходе проведения контртеррористической операции. Указанное постановление предусматривает следующие компенсационные выплаты:

а) единовременное пособие:

– членам семей граждан, которые погибли от правомерных действий в ходе проведения контртеррористической операции, в размере 1 миллион рублей на каждого умершего;

– семьям граждан, которые погибли от правомерных действий в ходе проведения контртеррористической операции, в размере, равном стоимости услуг, предоставляемых согласно гарантированному перечню услуг по погребению, который установлен законодательством РФ;

– гражданам, которым был причинен правомерными действиями в ходе проведения контртеррористической операции вред здоровью, с учетом степени тяжести вреда здоровью из расчета степени тяжести вреда (лицам, которым был причинен тяжкий вред здоровью или вред средней тяжести, выплачивается компенсация в размере четыреста тысяч рублей на человека, в случае, если здоровью лица был причинен легкий вред, – двести тысяч рублей на человека);

– для граждан, которые являлись заложниками, но не получили вред здоровью в результате пресечения террористического акта правомерными действиями, размер компенсации составляет сто тысяч рублей на человека;

б) финансовая помощь в случае утраты имущества:

– гражданам: за частично утраченное имущество – пятьдесят тысяч рублей на человека, за полностью утраченное имущество – сто тысяч рублей на человека;

– юридическим лицам: за частично утраченное имущество – до двухсот тысяч рублей на одно юридическое лицо, за полностью утраченное имущество – до четырехсот тысяч рублей на одно юридическое лицо.

На практике возникает проблема при осуществлении компенсационных выплат лицам, получившим правомерными действиями в ходе проведения контртеррористической операции тяжкий вред здоровью или вред средней тяжести. На данный момент лицам, которым был причинен в ходе пресечения террористического акта правомерными действиями тяжкий вред здоровью, и лицам, которым был нанесен вред здоровью средней тяжести, в соответствии с вышеуказанным Постановлением Правительства положена компенсация в одинаковом размере. На наш взгляд, в Постановление Правительства РФ от 15 февраля 2014 года № 110 необходимо внести изменения, связанные с разграничением компенсационных выплат при получении лицами вреда средней тяжести и тяжкого вреда здоровью.

Также в Федеральном законе «О противодействии терроризму» и Постановлении Правительства никак не отражен статус иностранных граждан и лиц без гражданства. В ранее действовавшем Федеральном законе от 25.07.1998 № 130–ФЗ

«О борьбе с терроризмом» правовой статус иностранных граждан был приравнен к правовому статусу граждан Российской Федерации. Мы считаем целесообразным внести изменения в статью 18 Федерального закона «О противодействии терроризму», закрепив в ней правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, так как на данный момент, исходя из буквального толкования норм закона и постановления правительства, не понятно, имеют ли указанные категории право на возмещение вреда, причиненного террористическим актом, а также на получение компенсаций, связанных с причинением вреда правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций.

Также следует отметить, что компенсационные выплаты, которые предусмотрены первой частью статьи 18 Закона «О противодействии терроризму», отличаются ограниченностью размера, в отличие от выплат, предусмотренных частью второй.

В соответствии с частью 2 статьи 18 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» вред, причиняемый правомерными действиями в ходе проведения контртеррористической операции, возмещается за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, который устанавливает правительство Российской Федерации.

Постановление Правительства РФ предусматривает лишь компенсации, но не право требовать возмещения вреда. Зачастую размер причиненного вреда не соизмерим с компенсационными выплатами, предусмотренными данным постановлением. Государственные органы самостоятельно определяют, в каком размере и в какой срок осуществлять выплату компенсаций. Таким образом происходит подмена права на возмещение вреда по правилам ответственности по ГК (гл. 59) правом на социальную помощь, осуществляемую государством в лице своих органов [3, с. 144–146].

Постановление Правительства предусматривает только порядок реализации положений части 1 статьи 18 Федерального закона «О противодействии терроризму», поскольку утвержденные этим постановлением правила регулируют исключительно осуществление компенсационных выплат.

Возмещение вреда, причиняемого правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций, осуществляется исключительно в соответствии с частью 2 статьи 8 Федерального закона «О противодействии терроризму». Данное возмещение должно осуществляться за счет средств федерального бюджета в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

К сожалению, в настоящее время отсутствует установленный Правительством порядок реализации предусмотренных частью 2 статьи 18 «О противодействии терроризму» прав на возмещение вреда, причиняемого правомерными действиями при пресечении террористического акта. Данный факт не является правовым основанием для ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина на возмещение вреда, причиняемого правомерными действиями при пресечении террористического акта. Несоблюдение уполномоченными органами требований действующего законодательства, в частности статьи 18 Федерального закона «О противодействии терроризму», влечет за собой нарушение не только имущественных, но и конституционных прав граждан.

Статья 22 ФЗ «О противодействии терроризму» освобождает лиц, которые участвуют в проведении контртеррористической операции, от ответственности за вред, причиняемый их правомерными действиями, но указанная статья никак не влечет освобождение государства от возмещения вреда, причиняемого правомерными действиями при пресечении террористических актов.

На наш взгляд, необходимо провести параллель между компенсационными выплатами (социальная помощь) и возмещением вреда по правилам ответственности главы 59 ГК РФ. Мы считаем, что лица, которым был причинен вред правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций, имеют право на возмещение вреда по правилам гл. 59 ГК РФ при одновременном сохранении права на получение единовременного пособия, предусмотренного ч. 1 ст. 18 ФЗ «О противодействии терроризму» и Постановлением Правительства РФ от 15 февраля 2014 года.

Также действующее законодательство никак не регламентирует компенсацию морального вреда, причиняемого правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций. Считаем необходимым в ч. 2 ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» отдельно отразить возможность возмещения государством морального вреда лицам, пострадавшим от правомерных действий в ходе проведения контртеррористических операций.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что возмещение вреда, причиненного правомерными действиями в ходе проведения контртеррористической операции, в настоящее время остается одной из самых актуальных и дискуссионных проблем. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями в ходе проведения контртеррористических операций, должным образом не закреплено в действующем законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Трунов И.Л. Борьба с терроризмом – необходимая адекватная компенсация вреда его жертвам // Журнал российского права. 2004. № 2.
2. Гражданское право. Т. 3. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2009.
3. Мальсагов А.Т. Способы возмещения вреда пострадавшим от террористического акта // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 144–146.

References (transliterated)

1. Trunov I.L. Bor'ba s terrorizmom – neobhodimaja adekvatnaja kompensacija vreda ego zhertvam // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. № 2.
2. Grazhdanskoe pravo. T. 3. / otv. red. E.A. Suhanov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Volters Kluver, 2009.
3. Mal'sagov A.T. Sposoby vozmeshhenija vreda postradavshim ot terroristicheskogo akta // «Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve. 2009. № 4. S. 144–146.

НАЙДЕМ АДВОКАТА

«Найдем Адвоката» – это не юридическая фирма

Мы бесплатный сервис по подбору юристов и адвокатов необходимой Вам специализации во всех регионах России и мира.

Подбор юристов и адвокатов осуществляется бесплатно и в течение одного часа.

С нами работает более 1700 тщательно отобранных узкоспециализированных юристов и адвокатов в более чем 50 странах мира.

За два года работы Проекта мы помогли более чем 3000 клиентов, которым были подобраны юристы и адвокаты, решившие их проблемы.

Вам или Вашим близким нужен юрист или адвокат? Тогда оставьте заявку на сайте naidemadvokata.ru или позвоните нам по номеру: 8 (800) 775-07-20 (звонок по России бесплатный).

Рахматуллин Н.Р.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

***Цель**: Рассмотрение проблем осуществления государственных закупок в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».*

***Методология**. В данной статье использована нормативно-правовая документация.*

***Результаты**: В данном исследовании было выявлено, что контрактная система государственных закупок требует кардинальных перестроек. Также определены способы ликвидации указанных проблем.*

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: В статье рассматриваются проблемы государственных закупок с двух позиций: заказчика и контрольного органа. Данная проблема актуальна, так как организация процесса в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд влияет на экономику государственного сектора.*

***Ключевые слова**: государственные закупки, антимонопольный орган, заказчик, качество товара (услуги), единицы измерения, казначейское сопровождение контракта, мошенничество, критерии оценки, бумажный конкурс.*

Rakhmatullin N.R.

THE PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF GOVERNMENT PROCUREMENT

***Purpose**: Consideration of the problems of public procurement within the framework of the Federal law of 05.04.2013 No. 44-FZ «On contract system in procurement of goods, works, services for state and municipal needs».*

***Methodology**. This article used normative legal documents.*

***Results**: This study revealed that the contract system of public procurement requires a radical rebuilds. Identified ways to eliminate these problems.*

***Novelty**/**originality**/**value**: In the article the problems of public procurement from two perspectives: the customer and the regulatory authority. This problem is especially acute in this area because the organization of process in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs affects the economy of the public sector.*

***Keywords**: the government procurement, the antimonopoly authority, a customer, the quality of goods (service), the unit of measure, the treasury support of the contract, a fraud, the evaluation criteria, paper competition.*

Основные проблемы осуществления государственных закупок в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» можно разделить на две части: проблемы заказчиков при размещении закупок и проблемы в сфере госзакупок, выявленные Федеральной антимонопольной службой в рамках контрольных полномочий.

Выделим некоторые из проблем заказчиков при размещении закупок:

– проблемы при описании объектов закупки;

– проблемы с казначейским сопровождением государственных контрактов;

– проблемы при определении критериев качества товара (услуги), которые необходимо указывать в документации ввиду отсутствия государственных стандартов товаров (услуг);

– проблемы с использованием разных единиц измерения для одной и той же продукции;

– проблемы дублирования позиций в справочнике закупаемой продукции;

– проблемы составления документации в связи с внутренними противоречиями в организации;

– проблема госзакупок – излишний акцент на стоимости закупки;

–проблема госзакупок – базы поставщиков.

Остановимся на ряде вышеуказанных проблем более подробно.

Судебная практика в сфере госзакупок в части споров относительно описания объектов закупки очень разнообразна и иногда даже противоречива. Например, одни суды считают, что заказчик при описании объекта закупки вправе самостоятельно определять параметры и характеристики товара, в наибольшей степени удовлетворяющие его потребности. Другие полагают, что заказчики должны формулировать требования к объекту закупки таким образом, чтобы, с одной стороны, повысить шансы на приобретение товара именно с такими характеристиками, которые им необходи-

мы, а с другой – не ограничить количество участников. Установление избыточных требований и, как следствие, двусмысленность и неопределенность при заполнении заявки участниками влечет признание действий заказчиков незаконными [1].

Расширенное казначейское сопровождение государственных контрактов позволяет не только отследить движение целевых средств по каждому заключенному контракту, но и проконтролировать достигнутый результат. Вместе с тем его минусы – трудности в допуске сотрудников УФК для контроля на особо опасные, технически сложные и уникальные объекты. Например, в некоторых случаях надо иметь разрешение на проведение высотных работ, работ с электричеством. Можно было бы применять робота или квадрокоптер. У УФК отсутствуют методики контроля качества и объема работ, слаба техническая оснащенность, недостаточно трудовых ресурсов. Все это мешает заказчику своевременно и качественно организовать работу в рамках контракта [2].

Особую проблему вызывает казначейское сопровождение контрактов по внешнеэкономической деятельности ввиду низкого уровня знаний особенностей внешнеторговых операций у сотрудников казначейства.

Повышению качества товара (услуги) и ликвидации проблемы установления критериев качества в документации помогут создание соответствующей правовой базы в части контроля за государственными закупками на особых объектах, а также обучение сотрудников контрольных органов и казначейства основам внешнеэкономических контрактов.

Повышению качества товара (услуги) и ликвидации проблемы установления критериев качества в документации помогут создание отраслевых стандартов, основанных на знаниях и опыте участников конкретного сектора рынка, которые содержали бы конкретные показатели для включения в Техническое задание, но при этом искусственно не ограничивали бы конкуренцию, и создание простого и доступного механизма контроля качества со стороны заказчика.

Одна из самых распространённых сложностей – использование разных единиц измерения для одной и той же продукции, например при покупке топлива. Обычно крупные компании закупают его в тоннах, а конечным потребителям отпускают в литрах. При этом его вес, в числе прочих факторов, напрямую зависит от температуры окружающей среды. Другой пример – закупка краски в банках или бочках, объем и вес которых может различаться в зависимости от фасовки производителя. Проблема касается любых расходных материалов, которые могут закупаться на вес, а отпускаться поштучно или поставляться в таре разного объема.

Это создает риск мошенничества или сложно вычисляемых потерь, а учитывая масштаб закупок крупных компаний, цена ошибки может быть очень велика. В такой ситуации, например, центральный офис не может полноценно контролировать закупки дочерних предприятий, так как нет возможности составить полноценный отчёт, сравнить цены и количество закупаемых товаров.

Для решения проблемы компании устанавливают во внутренних регламентах единицы измерения, правила закупок и пересчёта такой продукции. Это позволяет сделать пересчет объемов закупаемой и отпускаемой со складов продукции прозрачным и понятным, но усложняет закупку и учет продукции, а также не исключает ошибок, связанных с человеческим фактором.

Дублирование позиций в справочнике закупаемой продукции представляет собой ситуацию, при которой один и тот же товар может вестись и закупаться под разными наименованиями.

Такое дублирование может произойти случайно. При наименовании продукции специалисты могут чередовать буквы е/ё, использовать сокращения, условные обозначения, латиницу, профессиональный сленг или просто писать с ошибками. Выявление подобных позиций – задача нетривиальная, поэтому справочник постоянно пополняется такими дубликатами.

Работа закупщиков крупной компании может быть не согласована между филиалами, что приводит к искусственному увеличению ее объема и закупкам одной и той же номенклатуры под разными наименованиями.

Второй вариант – преднамеренное дублирование наименований. Недобросовестные закупщики могут вступить в сговор с контрагентами и намеренно искажать наименования закупаемой продукции, чтобы другие поставщики не смогли принять участие в закупке.

Раньше такие виды «мошенничества» были популярны в сфере государственных закупок. Заказчики меняли кириллические символы на латинские, буквы на похожие по написанию цифры и т. д. Система автоматизированного поиска не могла распознать такие описания, и в процедуре участвовали только «нужные» компании. В случае корпоративных закупок такие же махинации возможны с номерами продукции в каталоге.

Примером проблемы составления документации в связи с внутренними противоречиями в

организации является отсутствие взаимопонимания между производственным подразделением – заказчиком, специалистом-закупщиком, поставщиком и работником склада.

Каждый из них может использовать свои термины для обозначения товара. Представитель цеха в заявке может менять слова местами, использовать синонимы, сокращения и условные обозначения. Специалист в сфере закупок не может разбираться во всех технических нюансах и знать весь профессиональный сленг. Например, термин «автомат» может иметь самые различные значения: «автоматический выключатель», характеристика коробки передач, вид стрелкового оружия, а термин «труба металлическая» подразумевает тысячи вариантов исполнения этой самой трубы. Поэтому специалист-закупщик вынужден проводить настоящее расследование. Звонить в цех, уточнять, о каком механизме идет речь. Затем обсуждать закупку с поставщиками, которые предлагают свои варианты. Получается игра в испорченный телефон, когда на каждом этапе теряется или искажается часть информации.

Еще одна проблема госзакупок – излишний акцент на стоимости закупки. Дело в том, что регуляторы стимулируют заказчика выбирать самого дешевого поставщика. В результате страдает качество, и в итоге государство переплачивает.

Серьезная проблема госзакупок – базы поставщиков. На сегодняшний день отсутствует возможность предквалификации и установления рейтинга компаний, в результате чего в пул поставщиков попадают довольно много поставщиков, не отвечающих требуемым запросам. В Положении о закупках многих заказчиков нет такого процесса, как предквалификация. По факту в стране действует презумпция добросовестности поставщика, подкрепленная широко используемыми по Федеральному закону № 44-ФЗ механизмами обеспечения заявок и исполнения договоров.

Кроме того, Федеральная антимонопольная служба крайне негативно смотрит на предварительные отборы, реестры поставщиков и допуски к участию на основе опыта [4].

Что же касается проблем в сфере госзакупок, выявленных Федеральной антимонопольной службой в рамках контрольных полномочий, то основными являются:

– отсутствие в законе о закупках исчерпывающего перечня способов закупок;

– проведение бумажного конкурса при повышении значимости субъективных критериев оценки;

– отсутствие эффективной поддержки субъектов малого предпринимательства [3].

Отсутствие в законе о закупках исчерпывающего перечня способов закупок привело к тому, что заказчиками применяется более 4 тысяч способов определения поставщика, которые, в том числе, маскируют закупки у единственного поставщика.

В настоящее время законопроекты, предусматривающие поправки в оба закона, подготовленные при участии антимонопольной службы, прошли первое чтение и готовятся к принятию во втором чтении. Кроме того, ФАС России принимает участие в разработке ряда законопроектов, направленных на совершенствование регулирования деятельности участников госзакупок.

В связи с отсутствием в действующих нормах права раскрытия непосредственно предмета оценки по субъективным критериям, видов подтверждающих документов и порядка оценки, указанные данные определяются каждым заказчиком самостоятельно. По существу, такие закупки превращаются в «узаконенный» способ отбора «нужного» исполнителя при отсутствии гарантии качества исполнения контракта.

Порядок оценки заявок на участие в конкурсе, установленный постановлением Правительства Российской Федерации от 28.11.2013 № 1085 «Об утверждении Правил оценки заявок, окончательных предложений участников закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», предусматривает возможность применения субъективных критериев оценки заявок со значимостью от 30 до 100 %.

При этом, по нашим подсчетам, субъективные критерии оценки при закупке работ по строительству составляют 40 %, при закупке информационных систем и при отборе экспертной организации – 70 %, НИОКР – 80 %.

Таким образом, ни в литературе, ни в действующем законодательстве не предложены конкретные меры по привлечению в качестве субподрядчика из СМП при исполнении контракта, а также не встречаются возражения для привлечения в качестве соисполнителей по контракту из СМП социально ориентированных структур.

В данном аспекте становится понятным, что контрактная система нуждается в реструктуризации, без нее эффективность закупок вряд ли возрастет, а государственная экономика останется вне конкурентной среды, что не будет способствовать повышению качества товаров, работ, услуг для населения.

Пристатейный библиографический список

1. Александрова Е.Н. Практика арбитражных судов Северо-Западного округа по делам, связанным с оспариванием торгов в порядке статьи 449 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://отрасли-права.рф/article/23335.
2. Васин А.С. Особенности казначейского сопровождения в 2017 году. Порядок казначейского сопровождения государственных контрактов (контрактов, договоров, (соглашений) с учетом практики 2016 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2016/12/main/Osobennosti_kaznacheyskogo_soprovozhdeniya_v_2017_godu._Poryadok_kaznacheskogo_soprovozhdeniya_gos.kontraktov.pdf.
3. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://nationalinterest.ru/wp-content/uploads/2017/02/doklad-o-sostoyanii-konkurentsii-v-Rossijskoj-Federatsii-za-2015-god.pdf.
4. Решение по жалобе № 123/05-18.1-2016 [Электронный ресурс]. URL: http://solutions.fas.gov.ru/to/kemerovskoe-ufas-rossii/123-05-18-1-2016.

References (transliterated)

1. Aleksandrova E.N. Praktika arbitrazhnyh sudov Severo-Zapadnogo okruga po delam, svjazannym s osparivaniem torgov v porjadke stat'i 449 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. URL: http://otrasli-prava.rf/article/23335.
2. Vasin A.S. Osobennosti kaznachejskogo soprovozhdenija v 2017 godu. Porjadok kaznachejskogo soprovozhdenija gosudarstvennyh kontraktov (kontraktov, dogovorov, (soglashenij) s uchetom praktiki 2016 goda [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2016/12/main/Osobennosti_kaznacheyskogo_soprovozhdeniya_v_2017_godu._Poryadok_kaznacheskogo_soprovozhdeniya_gos.kontraktov.pdf.
3. Doklad o sostojanii konkurencii v Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. URL: http://nationalinterest.ru/wp-content/uploads/2017/02/doklad-o-sostoyanii-konkurentsii-v-Rossijskoj-Federatsii-za-2015-god.pdf.
4. Reshenie po zhalobe № 123/05-18.1-2016 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://solutions.fas.gov.ru/to/kemerovskoe-ufas-rossii/123-05-18-1-2016.

Московская городская коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов»

Moscow city Bar Collegium's «Moscow Guild of lawyer and legal advisers»

осуществляет квалифицированную юридическую помощь по следующим направлениям:

– правовое обслуживание бизнеса (представление интересов предпринимателей в арбитражных судах всех инстанций; защита чести, достоинства и деловой репутации; защита права собственности, владения; арендные отношения с федеральными и муниципальными органами власти; претензионное производство; досудебное урегулирование споров на этапе переговоров; правовое сопровождение антикризисных процедур);

– уголовное право, ведение уголовных дел различной категории, защита на предварительном расследовании и в суде (более 100 успешно проведенных дел: прекращение на стадии расследования, условное осуждение, мировые соглашения), защита прав потерпевших от преступлений; условно-досрочное освобождение (неоднократно добивались положительных результатов);

– гражданское право (бракоразводные процессы, раздел имущества, определение порядка общения с ребенком; признание права собственности на квартиру, долю в квартире, выселение; споры с ТСЖ; споры со страховыми компаниями (ОСАГО, КАСКО)).

Вы можете обратиться к нам по адресу:
Юридический адрес: 115404, Россия, г. Москва, ул. Бирюлевская, д. 5, корп. 2, оф. 402.
Адрес для корреспонденции: 121601, г. Москва, Филевский бул., д. 37, оф. 88.
Телефоны: +7(926) 189-50-90, +7(903) 125-28-55
Веб-сайт коллегии: www.mos-guild.com

Назаров Д.Г.

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Цель**: Выявление основных тенденций и проблем процедуры банкротства физических лиц в современной России.*

***Методология**: В статье использованы формально-юридический метод, метод сравнительного анализа.*

***Результаты**: Статья анализирует особенности и тенденции развития процедуры банкротства физических лиц в современной России, выявляя основные проблемы в процессе применения Закона о банкротстве. Обращается внимание на невысокое количество процедур банкротства физических лиц при большой численности граждан, реально находящихся в состоянии банкротства. Выделяются основные проблемы, препятствующие гражданам РФ в открытии процедуры банкротства физического лица, обращается внимание на необходимость устранения данных проблем посредством совершенствования нормативно-правовой базы и правоприменительной практики.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Настоящая статья посвящена актуальной для российской правовой науки и общества в целом проблеме, имеющей большую научно-теоретическую и практическую значимость. Результаты работы могут быть использованы в целях дальнейшего осмысления и развития законодательства о банкротстве в современной России.*

***Ключевые слова**: банкротство физических лиц, несостоятельность, арбитражный управляющий, конкурсная масса, задолженность, кредитор, кредитная организация.*

Nazarov D.G.

FEATURES AND TRENDS IN THE BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS IN MODERN RUSSIA

***Purpose**: To identify the main trends and problems of bankruptcy procedures for individuals in modern Russia.*

***Methodology**: The article uses a formal-legal method, a method of comparative analysis.*

***Results**: The article analyzes the features and trends in the development of bankruptcy procedures for individuals in modern Russia, revealing the main problems in the process of applying the Bankruptcy Law. Attention is drawn to the low number of bankruptcy procedures for individuals with a large number of citizens who are actually in a state of bankruptcy. The main problems that prevent citizens of the Russian Federation in opening a bankruptcy procedure for an individual are highlighted, attention is drawn to the need to eliminate these problems through improving the legal framework and law enforcement practice.*

***Novelty/originality/value**: This article is devoted to a problem that is relevant for the Russian legal science and society as a whole, which has great scientific, theoretical and practical significance. The results of the work can be used to further comprehend and develop the bankruptcy laws in modern Russia.*

***Keywords**: bankruptcy of individuals, insolvency, arbitration manager, bankruptcy estate, debt, creditor, credit organization.*

В современной ситуации далеко не все граждане, воспользовавшиеся услугами кредитных организаций, оказываются в состоянии выполнить свои долговые обязательства. В этой связи существует потребность защиты участников экономического оборота от систематического неисполнения обязательств, принятых на себя неплатежеспособными сторонами. В целях защиты экономического оборота, прав и интересов коммерческих организаций и самих граждан, имеющих долговые обязательства, 29 декабря 2014 г. был подписан Федеральный закон № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника».

Вступление в силу данного федерального закона обеспечило возможность проведения процедуры банкротства в отношении физических лиц. Поскольку отсутствие до 2015 г. в российском законодательстве процедуры банкротства физических лиц создавало многочисленные проблемы как для самих граждан, так и для кредитных финансовых организаций, принятие закона стало важным событием в правовой жизни российского государства. Актуальность изучения особенностей и тенденций реализации закона о банкротстве физических лиц определяется той важностью, которую данный закон играет для социально-экономической сферы современной России.

Учитывая непродолжительность действия закона, вступившего в силу лишь три года назад в 2015 году, в отечественной юридической литера-

туре данный вопрос, хотя и рассматривается, но все же нуждается в более доскональном изучении. Тем не менее, стоит выделить исследования О.В. Богданова [1], М.Б. Иониной [2], Н.А. Котова [4], И.В. Логвиной [5] и других юристов и правоведов.

Принятие Закона о банкротстве стало важнейшим шагом в направлении внедрения процедуры банкротства физических лиц в стране. Еще задолго до принятия данного закона экспертным сообществом обращалось внимание на желательность введения банкротства физических лиц [6]. В конечном итоге закон, несмотря на все сложности, возможные в процессе правоприменения, вступил в силу. Следует отметить, что принятие закона затронуло интересы как минимум 500–600 тысяч российских граждан, испытывающих сложности с исполнением своих долговых обязательств. Объем долгового бремени, по различным оценкам, к январю 2018 года составил 32 миллиарда рублей. На начало 2018 года на 100000 населения России приходится 34 гражданина, признанных банкротами.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, статистического бюллетеня Единого федерального ресурса сведений о банкротстве позволяет утверждать, что данная процедура, несомненно, приобретает популярность. На протяжении каждого года жизни процедуры банкротства гражданина наблюдается рост числа подаваемых гражданами заявлений о банкротстве. За почти два с половиной года число россиян, которые подали заявления на списание долгов, достигло 88 тысяч. Из общего числа поданных заявлений арбитражными судами было удовлетворено с введением процедуры реализации имущества гражданина 50405 заявлений о банкротстве физических лиц и индивидуальных предпринимателей. За период 2015–2017 годов было завершено 14871 процедур реализации имущества гражданина, из которых только в 85–90 % случаев должники смогли полностью освободиться от своих обязательств.

Столь невысокие показатели в сравнении с общим количеством потенциальных банкротов в стране свидетельствуют о низкой эффективности механизмов банкротства физического лица. На наш взгляд, эта низкая эффективность обусловлена, в первую очередь, сложностями правоприменительной практики. Рассмотрим возникающие проблемы более подробно.

В первую очередь, распространению процедуры банкротства физических лиц в современной России препятствует такой очень значимый для большинства граждан, являющихся потенциальными банкротами, фактор, как стоимость услуг и мероприятий по процедуре банкротства физических лиц. Большую часть потенциальных банкротов среди физических лиц составляют люди с невысоким уровнем доходов, во многих случаях испытывающие проблемы с трудоустройством и буквально находящиеся на грани или за чертой бедности. Естественно, они не располагают финансовыми средствами для оплаты дорогостоящей процедуры банкротства, что признается многими отечественными исследователями, поднимавшими данный вопрос [5, 7].

Например, в 2015 г. Арбитражным Судом Красноярского края было прекращено производство по делу о банкротстве физического лица, чьи долговые обязательства составляли 1,7 млн рублей. Судом был установлен факт недостаточности финансовых средств и находящегося в собственности должника имущества для оплаты текущих расходов по делу, полного или частичного погашения долгов, поскольку единственный доход физического лица – пенсия – составлял всего 12,5 тыс. рублей в месяц. Естественно, что при сохранении высокой стоимости услуг по банкротству физических лиц они будут оставаться недоступными для широких слоев населения.

В 2016 г. законодатель предпринял первый шаг к решению данной проблемы. Был подписан Федеральный закон от 30.11.2016 № 407-ФЗ «О внесении изменения в статью 333.21 части второй Налогового кодекса Российской Федерации», предусматривающий снижение суммы государственной пошлины при открытии процедуры банкротства физического лица с 6000 рублей до 300 рублей, т. е. в двадцать раз.

Вторая существенная проблема связана с низкой правовой культурой и правовой грамотностью российского населения. Значительная часть физических лиц, находящихся в ситуации реального банкротства, не осведомлена о возможности проведения данной процедуры либо имеет о ней превратное представление, сформированное некомпетентными источниками.

Существенное препятствие для распространения процедуры банкротства физических лиц представляет собой нежелание многих арбитражных управляющих заниматься данной процедурой, поскольку размеры вознаграждения и дохода при работе с физическими лицами существенно ниже, чем при аналогичной работе с юридическими лицами. Многие граждане, не располагая средствами для оплаты услуг арби-

тражного управляющего, не могут организовать проведение процедуры банкротства. Поскольку затраты на услуги управляющего вычитаются из суммы, полученной от реализации включенного в конкурсную массу имущества физического лица, граждане, не имеющие имущества, которое может быть реализовано, также не в состоянии оплатить услуги арбитражных управляющих.

Отдельный вопрос – правовая неопределенность относительно проведения процедуры банкротства в отношении отсутствующего физического лица (умершего физического лица или признанного судом безвестно отсутствующим). В ст. 42 Гражданского кодекса РФ подчеркивается, что гражданин признается безвестно отсутствующим в течение 1 года, а спустя 5 лет он может быть в судебном порядке признан умершим. Но в случае проведения процедуры банкротства получается, что она затягивается на очень длительный срок. Между тем права и обязанности гражданина в конкурсных отношениях не прекращаются с его смертью, а реализуются лицами, вступившими в наследство. Этот момент также требует более тщательного урегулирования посредством совершенствования Закона о банкротстве физических лиц и правоприменительного инструментария.

Не исключено, что в процессе совершенствования процедуры банкротства физических лиц в современной России возможно использование зарубежного опыта, тем более, что многие государства имеют гораздо более развитую и длительную традицию проведения данной процедуры. Например, представляет интерес процедура освобождения от долгов, присутствующая в законодательстве США [3].

Таким образом, говоря об основных тенденциях и проблемах реализации процедуры банкротства физических лиц в современной России, необходимо обратить внимание на потребность в дальнейшем совершенствовании нормативно-правовой базы обеспечения банкротства физических лиц. В первую очередь, должны быть созданы условия для облегчения финансовых расходов граждан по проведению процедуры банкротства, которые могут заключаться в создании института, аналогичного бесплатной адвокатской помощи в уголовном процессе. Во-вторых, остается актуальной проблема правового просвещения граждан относительно нюансов и последствий проведения процедуры банкротства физического лица. Поскольку банкротство граждан не связано с предпринимательской деятельностью, а представляет собой социально значимое явление, законодателю необходимо более тщательно подойти к разграничению основных принципов проведения процедуры банкротства физических и юридических лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Богданов О.В. Банкротство физических лиц – новое законодательство // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 32–35.
2. Ионина М.Б. Банкротство физических лиц // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 4 (29). С. 49–52.
3. Королев В.В. Банкротство физических лиц по законам США // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2007. С. 233–235.
4. Котов Н.А. Теоретические и практические проблемы правового регулирования несостоятельности (банкротства) физических лиц и рекомендации по совершенствованию законодательства // Альманах современной науки и образования. 2017. № 6 (119). С. 57–63.
5. Логвина И.В. Практика применения, проблема и перспектива банкротства физических лиц // Территория науки. 2017. № 1. С. 132–140.
6. Попов Е.Ю. Банкротство физического лица: эволюция и перспективы институционального оформления в современной России // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 8 (215). С. 51–59.
7. Постанюк В.Д. Банкротство физических лиц // ЭЖ-Юрист. 2017. № 20 (971).

References (transliterated)

1. Bogdanov O.V. Bankrotstvo fizicheskih lic – novoe zakonodatel'stvo // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. 2015. № 3 (104). S. 32–35.
2. Ionina M.B. Bankrotstvo fizicheskih lic // Vestnik Omskoj juridicheskoj akademii. 2015. № 4 (29). S. 49–52.
3. Korolev V.V. Bankrotstvo fizicheskih lic po zakonam SShA // Biznes v zakone. Jekonomiko-juridicheskij zhurnal. 2007. S. 233–235.
4. Kotov N.A. Teoreticheskie i prakticheskie problemy pravovogo regulirovanija nesostojatel'nosti (bankrotstva) fizicheskih lic i rekomendacii po sovershenstvovaniju zakonodatel'stva // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. 2017. № 6 (119). S. 57–63.
5. Logvina I.V. Praktika primenenija, problema i perspektiva bankrotstva fizicheskih lic // Territorija nauki. 2017. № 1. S. 132–140.
6. Popov E.Ju. Bankrotstvo fizicheskogo lica: jevoljucija i perspektivy institucional'nogo oformlenija v sovremennoj Rossii // Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika. 2011. № 8 (215). S. 51–59.
7. Postanjuk V.D. Bankrotstvo fizicheskih lic // JeZh-Jurist. 2017. № 20 (971).

Мельниченко Р.Г.

ТРИ ВОПРОСА ПО ДЕЛУ ВИТАЛИЯ БУРКИНА

***Цель**: Выявить тенденции взаимодействия адвокатов и органов адвокатского самоуправления по вопросу функционирования института профессиональной ответственности адвокатов.*

***Методы**: Использовались статистический, герменевтический и сравнительно-правовой методы, а также метод интервью.*

***Результаты**: Даны ответы по трём проблемным местам института профессиональной ответственности: «негодный член комиссии», «оскорбительное поведение», «диффамация сообществ».*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Отсутствие научных публикаций по теме статьи свидетельствует о её новизне, научная оценка общих тенденций на примере одного резонансного дисциплинарного дела – об оригинальности, предлагаемая доктринальная интерпретация корпоративных актов – о ценности.*

***Ключевые слова**: адвокатура, адвокатская этика, дело Виталия Буркина, негодный член комиссии, оскорбительное поведение, диффамация сообществ, Кодекс профессиональной этики адвоката, Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».*

Melnichenko R.G.

THREE QUESTIONS ON THE CASE OF VITALY BURKINA

***Purpose**: To identify trends in the interaction between lawyers and the legal profession on the issue of functioning of the institution of professional responsibility lawyers.*

***Methods**: The use of statistical and hermeneutic and comparative legal method and interviewing method.*

***Results**: Answers on three areas of concern of the Institute of professional responsibility: «a useless member of the Commission,» «offensive behavior,» «defamation of communities.»*

***Novelty/originality/value**: The lack of such scientific publications on the topic, testifies to its originality. Scientific evaluation of General trends for example, one resonant disciplinary cases – of its originality. The proposed doctrinal interpretation of the corporate acts of its value.*

***Keywords**: the legal profession, legal ethics, the case of Vitaly Burkin, useless member of the Commission, offensive behaviour, defamation of communities, the Code of professional ethics of lawyer, the Rules of conduct for lawyers in the information-telecommunication network «Internet».*

Решением Совета Адвокатской палаты Республики Башкортостан от 26 октября 2017 года был прекращен статус адвоката Виталия Буркина. Решение было принято Советом на основе заключения Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Республики Башкортостан от 18 сентября 2017 года. Поводом для возбуждения дисциплинарного дела стало обращение председателя Верховного Суда Республики Башкортостан М.И. Тарасенко. Адвокат обвинялся в том, что, используя такие социальные сети, как Facebook, ВКонтакте, LiveJoumal.com, размещал в них публикации, которые «носят ярко выраженный негативный характер в отношении судебной системы, содержат различного рода критику и претензии в адрес судов. Тематика коррупции, подкупа судей, предвзятого вынесения судебных решений составляет более половины от числа публикаций. Названия статей «Судейское жульничество», «Судейская самоволка», «Судьям все можно, или как покрывают судей в Башкирии», «Как стать федеральным судьей?» содержат шаблонные и провокационные формулировки. Так, в статье «Как стать федеральным судьей?», размещенной на странице в социальной сети Facebook 16 июля 2017 года, допущены публичные некорректные и оскорбительные высказывания в адрес суда, которые выходят за общепринятые нормы поведения, не говоря уже о том, что они являются нарушением норм профессиональной этики» (цитируется по фрагменту заключения Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Республики Башкортостан от 18 сентября 2017 года). В результате рассмотрения дела адвокат Виталий Буркин был признан виновным в нарушении норм адвокатской этики, а затем решением совета адвокатской палаты был лишён статуса адвоката.

Этот кейс вызвал широкую полемику в адвокатской среде, так как высветил целый «букет» противоречий и неопределённостей, которые накопились в процессе функционирования института профессиональной ответственности адвокатов с 2003 года, осложнённый правками в Кодекс профессиональной этики адвокатов, внесёнными в 2017 году на VIII Всероссийском съезде адвокатов [1].

Из всех интересных мест Дела Буркина в статье будут исследованы только три, по причине

того, что автор статьи, по просьбе представителя Виталия Буркина, дал своё заключение именно по этим трём вопросам. Один вопрос касается процессуального, а два – материального права института профессиональной ответственности адвокатов.

Негодный член комиссии. Согласно представленному исковому заявлению адвоката Виталия Буркина, поданному на решение квалификационной комиссии и совета палаты, «член комиссии – заместитель председателя комиссии – адвокат Фарукшин Ромео Альбертович приобрел статус адвоката в декабре 2012 года (номер в реестре адвокатов № 03\2071 от 7 декабря 2012 года – информация с официального сайта Минюста РФ по РБ). То есть на момент формирования комиссии адвокат Фарукшин Р.А. не имел законных оснований для избрания в ее состав».

Согласно ч. 2 ст. 25 КПЭА «решение Совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката может быть обжаловано в суд в связи с нарушением процедуры его принятия». То есть «процессуальная чистота» ставится законодателем в качестве обязательного условия вынесения законного решения. В процедуру принятия решения, помимо соблюдения непосредственно процедуры, входит и легитимность состава органа, вынесшего решение по делу. В процедуре привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности подобных органов три: президент (его заместитель), квалификационная комиссия и совет адвокатской палаты.

Согласно ч. 2 ст. 33 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» квалификационная комиссия включает в себя: «семь адвокатов, включая президента адвокатской палаты субъекта Российской Федерации. При этом адвокат – член комиссии должен иметь стаж адвокатской деятельности не менее пяти лет». Незаконность нахождения Ромео Альбертовича Фарукшина в составе комиссии на момент принятия решения, согласно видеоинтервью президента палаты Булата Юмадилова, подтверждена: «Бывают ошибки, что ж, проглядели» [3].

Тогда возник следующий вопрос, который основан на противоположных позициях спорящих сторон: «Какие юридические последствия наступают при отсутствии полномочий у одного члена квалификационной комиссии для принятого данной комиссией решения?». Представитель палаты Б. Юмадилов встал на позицию, которая основана на том, что никаких юридических последствий за данной ошибкой не следует, так как голос «незаконного члена комиссии» не мог повлиять на решение самой комиссии. Назовём эту позицию «принцип достаточной легитимности». Позиция же В. Буркина основана на том, что «незаконный член комиссии делает все решения комиссии юридически ничтожными. Эту позиции можно обозначить как «принцип ложки дёгтя».

Представляем свою позицию по данному вопросу. Юридические последствия незаконного состава комиссии прямо ни КПЭА, ни Законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» не прописаны, что даёт основание для обращения к смежным юридическим процессам.

Согласно Закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» квалификационная комиссия выполняет две функции: приёма в адвокатскую корпорацию и квалификации наличия либо отсутствия в деянии адвокатов состава дисциплинарных правонарушений. Функция приёма в адвокатскую корпорацию регулируется корпоративным правом (правом юридических лиц), где действует правило большинства, независимо от возможной нелегитимности части членов уполномоченного органа. То есть применительно к решениям квалификационной комиссии, касающимся приёма вступительных экзаменов, действует принцип достаточной легитимности.

Функцию квалификации наличия либо отсутствия в деянии адвокатов составов дисциплинарных правонарушений следует отнести к кластеру юридических процедур публичного права по наложению юридической ответственности: уголовный процесс, административный процесс по следующим обстоятельствам:

– признание в деянии адвоката состава дисциплинарного правонарушения может повлечь за собой прекращение статуса адвоката, что соотносится с такими видами наказания, как «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» (ст. 17 УК РФ) и «Лишение специального права» (ст. 3.8 КоАП РФ);

– схожесть адвокатско-дисциплинарных, уголовно-процессуальных и административных процедур: возбуждение дела, наличие нескольких инстанций, наличие обстоятельств, исключающих противоправность деяний, и т. п.

Ближайшим по правовой природе к дисциплинарному адвокатскому процессу является уголовный процесс. Адвокатский дисциплинарный процесс является калькой с двухэтапной процедуры рассмотрения дел присяжными заседателями, в которой на первом этапе выносится вердикт о виновности или невиновности, а на

втором – назначаются вид и мера юридической ответственности.

Согласно п. 2. ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ основаниями отмены или изменения судебного решения в любом случае являются «вынесение судом решения незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей». Используемая в законе формулировка «в любом случае» указывает на то, что сам факт наличия незаконного состава судебного органа является безусловным основанием для отмены или изменения решения. При этом не важны другие основания, например то, что лишь одно лицо, принимающее решения, было включено в состав суда незаконно, и поэтому его голос не имел решающего значения.

Правоприменительная практика судов высшей инстанции, безусловно, отменяет вынесенные незаконным составом решения судов. Например, согласно Определению ВС РФ № 33-О08-5сп «включение в состав коллегии присяжных заседателей лица, которому в соответствии с требованиями закона был заявлен немотивированный отвод, послужило основанием к отмене приговора суда (п. 2 ч. 1 ст. 379 и ч. 2 ст. 381 УПК РФ)» [4].

Теперь можно ответить на поставленный вопрос: «Какие юридические последствия наступают при отсутствии полномочий у одного члена квалификационной комиссии для принятого данной комиссией решения?».

Решения квалификационной комиссии, принятые при отсутствии полномочий у одного члена квалификационной комиссии при приёме экзаменов на получение статуса адвоката, обладают юридической силой. Принцип достаточной легитимности.

Решения квалификационной комиссии, принятые при отсутствии полномочий у одного члена квалификационной комиссии при рассмотрении жалоб на действия (бездействия) адвокатов, подлежат либо отмене, либо пересмотру. Принцип ложки дёгтя.

С целью выявления позиции адвокатского сообщества по рассматриваемой ситуации с 8 по 17 января 2018 года на странице социальной сети Facebook «Повышение квалификации адвокатов» было проведено голосование, основанием которого послужил вопрос: «Какие юридические последствия наступают при отсутствии полномочий у одного члена квалификационной комиссии для принятия данной комиссией решения?». На выбор были представлены три варианта ответа:

«1. Решения квалификационной комиссии, принятые при отсутствии полномочий у одного члена квалификационной комиссии, обладают юридической силой в любом случае.

2. Решения квалификационной комиссии, принятые при отсутствии полномочий у одного члена квалификационной комиссии, подлежат либо отмене, либо пересмотру в любом случае.

3. Решения квалификационной комиссии, принятые при отсутствии полномочий у одного члена квалификационной комиссии, в одном случае подлежат либо отмене, либо пересмотру, в другом случае не подлежат».

Всего приняло участие в опросе 27 человек, из них 26 человек выбрало третий вариант, и один человек – второй. Это голосование продемонстрировало соответствие позиций репрезентативной группы адвокатов научным выводам, сделанным автором статьи.

Оскорбительное поведение в сети. Квалификационная комиссия обвинила адвоката В. Буркина в том, что в своей публикации «Как стать федеральным судьей?» он написал: «…Потому что первое правило этой системы звучит так – принимать только своих. А чтобы стать своим, надо обязательно быть замешанным ранее в каком-нибудь коррупционном деле, желательно, чтоб это было какое-то воровство, желательно даже мелкое. Чтоб под страхом разоблачения будущий судья не побоялся исполнять любые приказы. Кандидат должен быть беспринципным, в идеале даже подлым. Вот это и есть dress kode для пропуска в «свет»». Эта фраза была квалифицирована как оскорбительная, а значит, нарушающая п. 2.3.2 «Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»», утвержденных Советом ФПА от 28.09.2016: «Адвокат обязан вести себя уважительно и не допускать оскорбительного поведения».

Для верной квалификации необходимо обозначить границы понятия «оскорбительное поведение» применительно к контекстам публикаций адвокатов в социальных сетях.

31 марта 2016 года Совет адвокатской палаты Самарской области вынес решение, которое стало прецедентным при разрешении трудных этических ситуаций, связанных с поведением адвокатов в социальных сетях, в частности трудностей при квалификации поведения адвокатов по п. 2.3.2 «Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». Актуальность корпоративно-этического регулирования этого вопроса очевидна и подтверждается созданием при Федеральной палате адвокатов РФ весной 2015 года рабочей группы по подготовке рекомендаций о поведении адвока-

тов в социальных сетях и блогосфере, завершившейся принятием «Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Фабула дела: адвокат Андрей Соколов в социальной сети Фейсбук сделал репост публикации А. Гутина. Публикация содержала сведения о дорогах Самарской области и была обильно насыщенна ненормативной лексикой [5].

Ценностью адвокатской корпорации является самоидентификация, то есть наличие у её представителей черт, не свойственных представителям других профессий или социальных групп. Такой чертой адвокатской профессии являются особые требования к форме. Требование к внешней форме, например, проявляется в требовании соблюдения делового стиля в одежде. Требование к словесной форме выражается в табуировании сниженной лексики и её вида – лексики ненормативной. Совет указал: «Выражение мнения относительно явлений политического или общественного характера является личным мнением, однако форма, в которую обличено это мнение, не безразлична с точки зрения корпоративной этики».

Прецедент Соколова обозначил рамки предписания, содержащегося в п. 2.3.2 «Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», – адвокату запрещено распространять высказывания, содержащие нецензурную брань.

В соответствии с Заключением квалификационной комиссии Адвокатской палаты Республики Башкортостан по дисциплинарному производству в отношении адвоката Буркина Виталия Анатольевича от 18 сентября 2017 года адвокат В.А. Буркин не использовал в своих публичных высказываниях нецензурную брань.

Исходя из обозначенных фактов, можно сделать вывод о том, что поведение адвоката Виталия Анатольевича Буркина, описанное в Заключении квалификационной комиссии Адвокатской палаты Республики Башкортостан по дисциплинарному производству в отношении адвоката Буркина Виталия Анатольевича от 18 сентября 2017 года, не нарушает ограничений, наложенных на адвокатов п. 2.3.2 «Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Советом ФПА от 28.09.2016: «Адвокат обязан вести себя уважительно и не допускать оскорбительного поведения».

Диффамация сообществ. Квалификационная комиссия зафиксировала нарушение адвокатом В. Буркиным п. 2.3.3 «Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»», утвержденных Советом ФПА от 28.09.2016, согласно которому «Любые заявления адвоката в сети «Интернет», в том числе при обсуждении и разъяснении правовых норм, особенностей судопроизводства, действий его участников, должны быть ответственными, достоверными и не вводить в заблуждение».

Данная статья направлена на защиту от адвокатской диффамации в отношении конкретных лиц. Например, в отношении судьи Иванова Ивана Ивановича, прокурора Сидорова Ильи Савельевича и т. п. Об этом свидетельствует используемое в правилах словосочетание «действий его участников». То есть по отношению к высказыванию о конкретном лице при выдвижении обвинений адвокат должен привести аргументы (доказательства), а не просто «общеизвестные факты».

Подобное ограничение запрета на неаргументированную диффамацию можно аргументировать при помощи приёма доведения до абсурда. Например, при формулировании положения п. 2.3.3 Правил его разработчики никак не могли иметь в виду запрет на введение в заблуждение относительно судебной системы, европейской цивилизации, человечества и т. п.

При квалификации комиссией была допущена такая логическая ошибка, как квант всеобщности. Например, то, что в современной судебной системе существует коррупция, автоматически не означает, что все судьи этой системы коррупционеры.

В результате можно сделать следующий вывод. В соответствии с Заключением квалификационной комиссии Адвокатской палаты Республики Башкортостан по дисциплинарному производству в отношении адвоката Буркина Виталия Анатольевича от 18 сентября 2017 года адвокат Буркин В.А. не использовал в своих публичных публикациях высказывания в отношении конкретных участников судопроизводства.

Представляется весьма перспективным такой формат научного исследования в области адвокатоведения, как исследование кейсов адвокатской практики, которые помимо эмпирической ценности придают научному исследованию актуальность для широких слоёв потенциальных пользователей научных знаний. Так, по делу Виталия Буркина остался ещё ряд интересных, как в научном, так и прикладном плане тем:

1. Конфликт интересов при рассмотрении дисциплинарного адвокатского дела в суде (самоотвод судьи Кировского районного суда Уфы Ингриды Индан по делу Виталия Буркина).

2. Границы свободы адвокатского высказывания.

3. Границы обжалования решений органов адвокатского самоуправления.

4. Границы дисциплинарной власти органов адвокатского самоуправления.

5. Этическая легитимность решений органов адвокатского самоуправления.

Пристатейный библиографический список

1. Мельниченко Р.Г. Три тенденции адвокатского нормотворчества в поправках 2017 // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 38–39.

2. Мельниченко Р.Г. Этическо-правовое регулирование поведения адвокатов в социальных сетях // Адвокатская практика. 2017. № 1.

3. Видеоинтервью «Булат Юмадилов – депутат Курултая, Президент Адвокатской палаты РБ»: видео [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/-4zhNe72MbI.

4. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 1 квартал 2008 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru/documents/practice/15076/.

5. Решение совета Палаты адвокатов Самарской области по дисциплинарному производству в отношении адвоката Соколова Андрея Сергеевича // Сайт адвокатской палаты Самарской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.paso.ru/images/docs/news/Reschenie_PASO_ot_31.03.2016.pdf.

References (transliterated)

1. Mel'nichenko R.G. Tri tendencii advokatskogo normotvorchestva v popravkah 2017 // Evrazijskaja advokatura. 2017. № 5 (30). S. 38–39.

2. Mel'nichenko R.G. Jetichesko-pravovoe regulirovanie povedenija advokatov v social'nyh setjah // Advokatskaja praktika. 2017. № 1.

3. Videointerv'ju «Bulat Jumadilov – deputat Kurultaja, Prezident Advokatskoj palaty RB»: video [Jelektronny1j resurs]. URL: https://youtu.be/-4zhNe72MbI.

4. Obzor zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii za 1 kvartal 2008 goda [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.vsrf.ru/documents/practice/15076/.

5. Reshenie soveta Palaty advokatov Samarskoj oblasti po disciplinarnomu proizvodstvu v otnoshenii advokata Sokolova Andreja Sergeevicha // Sajt advokatskoj palaty Samarskoj oblasti [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.paso.ru/images/docs/news/Reschenie_PASO_ot_31.03.2016.pdf.

EURASIAN LEGAL PORTAL
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- *Законопроекты*
- *Принятые законы*
- *Судебная практика*
- *Пресс-релизы*
- *Юридические статьи*
- *Юридические вузы*
- *Юридическая школа в лицах*
- *Новости*
- *Наши партнеры*
- *Институт законодательства*
- *Бесплатная юридическая консультация*

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Нестеров О.А.

ГЕНЕЗИС РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА ЗАЩИТНИКА К МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

***Цель**: Исследование проблемы намеренного затягивания процесса ознакомления защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования.*

***Методология**: Использовались историко-правовой и формально-юридический методы.*

***Результаты**: В статье указывается на недостаточную регламентацию в законодательстве права на повторное обращение для ознакомления, в силу чего защитник и обвиняемый могут использовать данный пробел для затягивания процесса. Установлена необходимость обозначения категории «явное затягивание» времени ознакомления с материалами уголовного дела, так как данный вопрос носит оценочный аспект и влечет определенные трудности в ходе правоприменительной практики. В связи с этим требуется его более полная законодательная регламентация.*

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: Актуальность выбранной темы обусловлена проблемой намеренного затягивания процесса ознакомления с уголовным делом в связи с недостаточной регламентацией данного вопроса в законодательстве.*

***Ключевые слова**: явное затягивание процесса ознакомления с уголовным делом, обвиняемый и защитник.*

Nesterov O.A.

THE GENESIS OF THE DEVELOPMENT OF NORMATIVE REGULATION OF THE DEFENDER ACCESS TO THE CRIMINAL CASE FILE AT THE STAGE OF COMPLETION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

***Purpose**: Research into the problem of intentional delay in the process of familiarizing the defender and the defendant with the criminal case file at the stage of completion of the preliminary investigation.*

***Methodology**: Historical, legal and formally legal methods were used.*

***Results**: In the article attention is drawn to the insufficient regulation in the law of the right to re-appeal for familiarization with the criminal case file. In this regard, the defender and the defendant can use this gap to delay the criminal trial. The necessity to denote the category of explicit delay in acquaintance with criminal case files is set. Since this category has an evaluating character and entails certain difficulties in the course of law enforcement practice, therefore, more complete legislative regulation of this issue is required.*

***Novelty**/**originality**/**value**: The relevance of the chosen topic is explained by the existence of a problem of deliberately delaying the process of acquaintance with the criminal case file, due to the insufficient regulation of this issue in the legislation.*

***Keywords**: an obvious delay in the process of acquaintance with the criminal case file, the defendant and defender.*

В настоящее время процесс ознакомления защитника с материалами уголовного дела на стадии окончания предварительного расследования имеет особую актуальность, которая обусловлена отсутствуем должной регламентации данного вопроса в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Право на ознакомление защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела прошло длительный путь развития.

С начала 1960-х в СССР наблюдается период так называемой «оттепели». 27 октября 1960 года были приняты новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, а также уголовно-процессуальные кодексы союзных республик.

Постепенно такой этап уголовного процесса, как предварительное расследование, набирает обороты и укрепляет свои позиции. Именно в этот период времени принимается такое кардинально важное решение, как введение в предварительное следствие принципа состязательности [4]. В связи с этим в ст. 201–204 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР была введена такая новелла, как допуск защитника к участию в деле с момента окончания предварительного следствия.

Следует сказать, что право на ознакомление защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела используется не в каждом национальном законодательстве. К примеру, согласно действующему законодательству Германии обвиняемый лишен права ознакомления с материалами уголовного дела после того, как окончено дознание. Данное право предоставлено только защитнику, вместе с тем он не получает информа-

ции о свидетелях, если существует опасение оказания на них противоправного воздействия.

В некоторых странах, к примеру в Бельгии и в Дании, институт ознакомления с материалами уголовного дела имеет ряд ограничений. В этих странах защитник знакомится с материалами уголовного дела в исключительных случаях, при этом их содержание он не вправе сообщать обвиняемому.

В Великобритании все доказательства, которые собраны на стадии досудебного следствия, защите не предоставляются. Ей становятся известны только те доказательства, которые имеют характер оправдательных [2].

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации существуют такие обязательства для стороны обвинения, как:

– раскрытие в полном объеме перед стороной защиты собранных по делу доказательств, перед тем, как будет произведено судебное разбирательство;

– ознакомление с позицией защиты относительно обвинения при наличии ходатайства со стороны защитника или самого обвиняемого дополнении предварительного следствия.

Данные положения являлись свидетельством укрепления элемента состязательности на стадии предварительного следствия. До реальной реализации принципа состязательности было еще далеко, однако право на ознакомление защитника с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования получило законодательное закрепление, тем самым было положено начало для его дальнейшего развития.

В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наделил защитника и обвиняемого неограниченным правом на ознакомление с материалами уголовного дела согласно ч. 3 ст. 217.

На этапе окончания предварительного расследования по любому уголовному делу защитник и обвиняемый наделяются правом на ознакомление с материалами уголовного дела. После того, как защитник и обвиняемый ознакомились с материалами уголовного дела, следователь должен составить протокол об ознакомлении данных лиц с материалами уголовного дела.

Следует отметить, что право на ознакомление защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования играет очень важную роль, поскольку позволяет провести оценку собранных по делу доказательств, на основе которых будет сформирована позиция в суде, а также заявить ходатайства о проведении каких-либо дополнительных следственных действий.

Возможность ознакомления защитника и его подзащитного с материалами уголовного дела на стадии окончания предварительного расследования также позволяет оценить всесторонность, полноту и объективность проведенного предварительного следствия. Ознакомление защитника с материалами уголовного дела следует трактовать именно как право, но не как обязанность, поскольку отказ от ознакомления с материалами уголовного дела не влечет за собой никаких процессуальных последствий.

Однако в ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации лишь сформулированы общие положения права на ознакомление защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела на стадии окончания предварительного расследования. В указанной статье не содержится ответов на ряд проблемных моментов, связанных с реализацией данного права.

Ряд ученых-процессуалистов, в том числе Л.Б. Алексеева, полагают, что наделение такими широкими правами защитника и обвиняемого в сфере ознакомления с материалами уголовного дела на стадии окончания предварительного расследования является так называемой «компенсацией» за то, что данные фигуры уголовного процесса держатся в неведении в течение всего расследования, что свидетельствует о нарушении реализации принципа равенства и состязательности сторон в процессе [1].

Отсутствие законодательной регламентации принципа разумности в ходе реализации права на ознакомление защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела на стадии окончания предварительного расследования породило ряд проблем практического характера.

В первую очередь, это злоупотребление защитника и обвиняемого данным правом, что ведет к затягиванию процесса. В ч. 3 ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлено правило, что в случае выявления следователем явного затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела на базе судебного решения будет установлен определенный срок для реализации данного права [7].

Если же защитник и обвиняемый в установленный судом срок не ознакомились с материалами уголовного дела, то следователь правомочен принять решение об окончании предварительного расследования.

Однако возникает вопрос, каким образом следователь должен определить наличие злоупо-

требления защитником и обвиняемым правом на ознакомление с материалами уголовного дела и каким должен быть разумный срок ознакомления [5]. В законе не содержится регламентации данного вопроса. Решение указанной проблемы производится следователем в каждом конкретном случае, исходя из особенностей сложившейся ситуации.

Актуальность проблемы затягивания времени ознакомления защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела на стадии окончания предварительного расследования обусловлена и тем, что таким образом происходит нарушение права потерпевшего на доступ к правосудию, регламентированного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Пробелом действующего уголовно-процессуального законодательства является и тот факт, что в нем не до конца регламентируется право защитника и обвиняемого на повторное обращение для ознакомления с материалами уголовного дела. В силу чего защитник и обвиняемый довольно часто используют данный пробел для затягивания процесса [6, с. 194].

Закон же наделяет следователя лишь обязанностью ведения протокола ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела с описанием проводимой хронологии действий, при помощи которого в перспективе можно будет перед судом обосновать злоупотребление этим правом путем намеренного затягивания данного процесса.

Для решения возникшей проблемы необходимо на законодательном уровне обозначить такую категорию, как «явное затягивание» времени ознакомления защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела. В настоящее же время она является оценочной, что влечет за собой ряд трудностей в ходе правоприменительной практики [3, с. 68].

Очевидно, что введение каких-либо временных границ для обозначения категории «явного затягивания» не представляется возможным, поскольку каждое уголовное дело имеет свою специфику. Одно из них может включать в себя 100 страниц, тогда как другое – в разы больше.

Тем не менее, «явное затягивание» должно иметь объективный характер и характеризоваться как обоснованное.

Подытожив вышесказанное, необходимо отметить, что право на ознакомление защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела нуждается в законодательной доработке путем внесения соответствующих дополнений в ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в противном же случае данная проблема продолжит свое существование и окажет дальнейшее негативное воздействие на весь процесс уголовного правосудия. В совершенствовании нуждается весь процесс ознакомления защитника и обвиняемого с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеева Л.Б. Право на справедливое судебное разбирательство (прецеденты и комментарии): монография. М., 2011.
2. Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2011.
3. Закомолдин А.В. Проблемы реализации права обвиняемого и его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 1.
4. Колоколов Н.А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций // Российский следователь. 2014. № 17.
5. Нагаев Е.А. О совершенствовании процессуального порядка ознакомления с материалами уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3.
6. Попенков А.В. Актуальные проблемы ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9.
7. Ринчинов Б.А. Ознакомление с материалами уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2015. № 1.

References (transliterated)

1. Alekseeva L.B. Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo (precedenty i kommentarii): monografija. M., 2011.
2. Gucenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. Ugolovnyj process zapadnyh gosudarstv. M., 2011.
3. Zakomoldin A.V. Problemy realizacii prava obvinjaemogo i ego zashhitnika na oznakomlenie s materialami ugolovnogo dela // Juridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2017. № 1.
4. Kolokolov N.A. Oznakomlenie s materialami ugolovnogo dela. Sledovatel' dolzhen byt' osvobozhden ot nesvojstvennyh emu funkcij // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 17.
5. Nagaev E.A. O sovershenstvovanii processual'nogo porjadka oznakomlenija s materialami ugolovnogo dela // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 3.
6. Popenkov A.V. Aktual'nye problemy oznakomlenija obvinjaemogo i ego zashhitnika s materialami ugolovnogo dela // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 9.
7. Rinchinov B.A. Oznakomlenie s materialami ugolovnogo dela v ugolovnom sudoproizvodstve // Rossijskij sud'ja. 2015. № 1.

Смирных С.Е.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕТЕЙ

***Цель**: Рассмотрение международных и национальных аспектов правового положения детей.*

***Методология**: В данной статье использованы международно-правовые документы и российское законодательство.*

***Результаты**: В статье определена система международных и национальных актов, касающихся правового положения детей и приведен подробный анализ основных положений этих актов.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: В статье рассмотрены вопросы экономической эксплуатации детей, наихудших форм детского труда, воспитания и образования детей и т. д.*

***Ключевые слова**: права детей, экономическая эксплуатация, наихудшие формы детского труда, воспитание и образование детей.*

Smirnykh S.E.

INTERNATIONAL AND NATIONAL ASPECTS OF THE LEGAL SITUATION OF CHILDREN

***Purpose**: To consider international and national aspects of the legal situation of children.*

***Methodology**: This article uses international legal documents and Russian legislation.*

***Results**: In article the system of the international and national acts concerning a legal status of children is defined and the detailed analysis of basic provisions of these acts is provided.*

***Novelty/originality/value**: The article deals with the economic exploitation of children; the worst forms of child labor; upbringing and education of children, etc.*

***Keywords**: children's rights, economic exploitation, worst forms of child labor, upbringing and education of children.*

Приступая к исследованию международных и национальных аспектов прав детей, необходимо отметить, что нормы международного права, относящиеся к правам человека, определяют положение индивида. Предметом регулирования являются его гражданские, социальные, экономические и культурные права, а также обязанности государств обеспечить эти права [1, с. 370].

При этом следует иметь в виду, что в последние годы улучшение правового положения детей, обеспечение их прав и интересов стало одним из приоритетов России [2, с. 6].

Вопросы правового положения детей, как в международном, так и в национальном праве, с течением времени приобретают все большую актуальность в свете постоянного роста численности населения Земли. При этом многие дети живут в неблагоприятных, а иногда и в невыносимых условиях, вызванных голодом, нищетой, болезнями, войнами и их последствиями, насилием в семье и т. д.

Ежедневно множество детей во всем мире подвергаются опасностям, которые препятствуют их росту и развитию; неисчислимым страданиям, будучи жертвами войны и насилия, расовой дискриминации, апартеида, агрессии, иностранной оккупации и т. д. Миллионы детей страдают от бедствий нищеты и экономического кризиса: от голода и отсутствия домов, от эпидемий и неграмотности, от загрязнения окружающей среды. Они страдают от тяжелых последствий проблем, связанных с внешней задолженностью, а также от последствий отсутствия устойчивого и постоянного роста во многих развивающихся странах, в частности наименее развитых. Ежедневно 40 000 детей умирают от недоедания и болезней, в том числе от приобретенного синдрома иммунодефицита (СПИДа), от отсутствия чистой воды и от плохих санитарных условий.

При этом согласно ст. 1 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее.

В поисках лучших условий жизни многие дети уходят из семей и попадают в еще более сложные жизненные ситуации: в рабство (согласно ст. 1 Конвенции относительно рабства 1926 года рабство есть состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них), экономическую эксплуатацию, крепостную зависимость, их психическому и физическому здоровью наносят вред и т. д.

В соответствии со ст. 11 Конвенции № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» 1930 г. ученики школ не могут быть привлечены к принудительному или обязательному труду. При

этом под принудительным трудом понимается любая работа, требуемая в силу законов об обязательной военной службе и применяемая для работ исключительно военного характера; всякая работа или служба, являющаяся частью обычных гражданских обязанностей граждан; всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей и т. д.

Согласно ст. 1 Дополнительной конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, 1956 г. государства принимают все возможные и необходимые законодательные и иные меры, чтобы осуществить постепенно и в кратчайший по возможности срок полную отмену или упразднение любых институтов или обычаев, в силу которых дети или подростки моложе 18 лет передаются одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда. Под экономической эксплуатацией детей согласно ст. 3 Модельного закона о противодействии торговле людьми 2008 г. понимается извлечение выгоды другими лицами при помощи поставления детей в долговую кабалу или крепостную зависимость, обращения их в рабство.

Необходимо иметь в виду, что эксплуатации детей препятствуют некоторые международные договоры. Так, согласно ст. 1 Конвенции № 138 Международной организации труда «О минимальном возрасте для приема на работу» 1973 г. государства обязуются обеспечить эффективное упразднение детского труда и постепенное повышение минимального возраста для приема на работу. Дети должны иметь возможность завершить школьное образование. Однако государства, чьи экономика и система образования недостаточно развиты, могут первоначально установить возраст в четырнадцать лет как минимальный.

Следует иметь в виду, что законодательством государств может допускаться прием на работу по найму или на другую работу лиц в возрасте от тринадцати до пятнадцати лет для легкой работы, которая не кажется вредной для их здоровья или развития; не наносит ущерба посещаемости школы.

Необходимо отметить, что общие рекомендации в отношении минимального возраста приема на работу в некоторых случаях требуют уточнения.

Согласно ст. 2 Конвенции № 5 Международной организации труда «О минимальном возрасте приема детей на работу в промышленности» 1920 г. дети моложе четырнадцати лет не принимаются на работу и не выполняют работы ни на одном из государственных или частных промышленных предприятий или в каком-либо его филиале, за исключением предприятий, на которых работают лишь члены одной и той же семьи.

Однако в Японии могут допускаться к работе дети старше двенадцати лет, если они окончили приготовительную школу; в отношении детей старше двенадцати и моложе четырнадцати лет, которые уже приняты на работу, могут вырабатываться правила переходного характера.

В Индии дети моложе двенадцати лет не должны быть допущены к работе на мануфактурах, в шахтах, карьерах и других предприятиях по добыче полезных ископаемых из недр земли; на предприятиях, занятых перевозкой людей, на пристанях и причалах, исключая переноску вручную.

В силу ст. 2 Конвенции № 7 Международной организации труда «Об определении минимального возраста для допуска детей на работу в море», принятой в г. Генуе 15 июня – 10 июля 1920 г. на Генеральной конференции Международной организации труда, дети моложе четырнадцати лет не допускаются к работе на борту судов, кроме судов, на которых заняты только члены одной семьи.

В соответствии со ст. 2 Конвенции № 10 Международной организации труда «Относительно минимального возраста допуска детей на работу в сельском хозяйстве» 1921 г. труд детей допустимо использовать на легких сельскохозяйственных работах, в частности на легких работах, связанных с уборкой урожая, при условии, что занятость детей на таких работах не вызывает сокращения общей продолжительности учебного года более чем до восьми месяцев.

Согласно ст. 2 Конвенции № 15 Международной организации труда «О минимальном возрасте допуска подростков на работу в качестве грузчиков угля или кочегаров во флоте», принятой в 1921 г., подростки в возрасте до восемнадцати лет не могут быть наняты на работу или работать на судах в качестве грузчиков угля или кочегаров. На место одного требуемого грузчика или кочегара необходимо нанять двух подростков в возрасте не менее шестнадцати лет.

Привлечение детей к легким работам имеет свои ограничения. Так, согласно ст. 2 Конвенции № 60 Международной организации труда «Относительно возраста приема детей на непро-

мышленные работы» 1937 г. дети, не достигшие пятнадцатилетнего возраста, или те, которые достигли пятнадцатилетнего возраста, но согласно национальным законам или правилам проходят еще обязательное начальное обучение, не могут быть заняты ни на какой из непромышленных работ. Под непромышленными работами в соответствии с п. 3 ст. 1 Конвенции № 103 Международной организации труда «Относительно охраны материнства» 1952 г. понимаются все работы, выполняемые на торговых предприятиях; в учреждениях почты и электросвязи; в учреждениях и административных органах, персонал которых занят главным образом на работе канцелярского характера; на предприятиях прессы; в гостиницах, пансионах, ресторанах, клубах, кафе и в других подобных учреждениях.

Дети, достигшие тринадцатилетнего возраста, вне времени, отведенного для посещения школ, могут привлекаться к легким работам при условии, что эти работы не вредны для их здоровья или для их нормального развития; не наносят по своему характеру ущерба их занятиям в школе или их способности воспринимать то, что им преподают в школе.

Дети, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, не могут: быть заняты на легких работах более двух часов в день, как в дни посещения школы, так и в свободные дни; быть заняты в школе и на легких работах более семи часов в день в целом.

Следует отметить, что дети, не достигшие тринадцатилетнего возраста, не должны работать в магазинах, учреждениях, гостиницах и ресторанах; в местах публичных представлений; во всех других непромышленных профессиях.

В силу ст. 2 Конвенции № 112 Международной организации труда «О минимальном возрасте для принятия на работу рыбаков» 1959 г. дети моложе пятнадцати лет не должны допускаться к работе на борту рыболовных судов. Однако такие дети могут время от времени принимать участие в работах на борту рыболовных судов во время школьных каникул при условии, что работы, которыми они заняты, не являются вредными для их здоровья или нормального развития; не препятствуют посещению ими школы; не имеют целью получение коммерческой выгоды.

В соответствии с п. 3 ст. 2 Конвенции № 123 Международной организации труда «О минимальном возрасте допуска на подземные работы в шахтах и рудниках» 1965 г. минимальный возраст для работы под землей в шахтах и рудниках не может быть менее 16 лет.

При этом под шахтами и рудниками можно понимать любые предприятия, как государственные, так и частные, производящие добычу каких-либо веществ из недр земли с помощью средств, связанных с применением труда людей под землей.

Вызывает интерес исследование некоторых аспектов международно-правового регулирования наихудших форм детского труда. При этом согласно ст. 3 Конвенции № 182 Международной организации труда «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» 1999 г. наихудшими формами детского труда признаются: все формы рабства, долговая кабала и крепостная зависимость, вербовка детей для использования их в вооруженных конфликтах; использование и вербовка детей для занятия проституцией, для производства порнографической продукции; использование, вербовка детей для производства и продажи наркотиков; работа, которая по своему характеру или условиям, в которых она выполняется, может нанести вред здоровью, безопасности или нравственности детей.

Залогом успешного развития и последующей взрослой жизни детей является правильное воспитание и образование.

В связи с этим следует отметить, что согласно п. 1 ст. 4 Модельного закона о воспитании детей и молодежи, принятого в г. Санкт-Петербурге 14 мая 2009 г., задачами воспитания детей и молодежи являются: формирование духовно и нравственно зрелой творческой личности; воспитание гражданственности, патриотизма и национального самосознания; подготовка к самостоятельной жизни и труду; формирование нравственной, эстетической и экологической культуры; воспитание уважения к себе и другим людям; овладение ценностями и навыками здорового образа жизни; формирование культуры семейных отношений; создание условий для социализации, саморазвития и самореализации личности.

При осуществлении воспитательного процесса дети имеют право: на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития; на свободу мысли, совести и религии; на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, защиту от незаконного посягательства на их честь и достоинство; на формулирование и свободное выражение своих собственных взглядов по всем затрагивающим их вопросам.

Права детей при осуществлении воспитательного процесса предполагают также и некоторые

обязанности, в том числе: обязанность уважать честь и достоинство, права и свободы всех участников воспитательного процесса; выполнять законные требования педагогических работников и родителей.

Дети вправе исповедовать свою религию и могут подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, нравственности и здоровья населения или защиты основных прав и свобод других лиц.

В период вооруженных конфликтов уязвимость положения детей становится особенно явной. В связи с этим международно-правовые документы закрепляют особый правовой статус детей во время вооруженных конфликтов.

Так, согласно ст. 14 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. государства могут создавать санитарные и безопасные зоны и местности, организованные таким образом, чтобы оградить от действий войны раненых и больных, инвалидов, престарелых, детей до 15-летнего возраста, беременных женщин и матерей с детьми до 7-летнего возраста.

Согласно п. 3 ст. 4 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), подписанного в г. Женеве 8 июня 1977 г., детям обеспечиваются необходимые забота и помощь.

В силу Декларации 1974 г. о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов государства-участники вооруженных конфликтов обязаны приложить все возможные усилия для того, чтобы уберечь женщин и детей от разрушительных последствий войны.

Женщины и дети не должны подвергаться пыткам, карательным мерам, унизительному обращению и насилию. При этом заключения в тюрьмы, пытки, расстрелы, массовые аресты, коллективные наказания, разрушение жилищ и насильственное изгнание с мест жительства, совершаемые воюющими сторонами в отношении женщин и детей, считаются преступными.

В силу статьи 38 Конвенции о правах ребенка 1989 г. государства обязаны принимать все меры для того, чтобы лица, не достигшие 15-летнего возраста, прямо не участвовали в военных действиях. Государства должны воздерживаться от призыва на военную службу лиц, не достигших 15-летнего возраста.

В 2000 г. был принят Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, который установил, что лица, не достигшие 18-летнего возраста, не подлежат обязательному призыву в вооруженные силы. При этом государства, допускающие призыв в вооруженные силы лиц, не достигших 18-летнего возраста, должны обеспечивать гарантии добровольного характера призыва, осуществление призыва с осознанного согласия родителей или законных опекунов, информированности лиц, не достигших 18-летнего возраста, об обязанностях, связанных с несением военной службы, и т. д. В связи с этим можно отметить ряд актуальных проблем защиты прав детей в период вооруженных конфликтов: вербовка детей для участия в вооруженных конфликтах; использование их в качестве солдат или живого щита; легкая доступность стрелкового оружия и использование его детьми в вооруженных конфликтах; сексуальная эксплуатация детей во время войны и т. д.

Остаются также актуальными вопросы использования детей в террористической деятельности. Так, дети все чаще используются в качестве террористов-смертников. Дети могут быть не только жертвами вооруженных конфликтов, но и выступать в качестве комбатантов.

Вызывает интерес исследование некоторых аспектов насилия в отношении детей. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть наиболее важные положения Доклада независимого эксперта для проведения исследования Организации Объединенных Наций по вопросу о насилии в отношении детей.

Так, никакое насилие в отношении детей не имеет оправдания, его необходимо предупреждать. Однако такое насилие существует во всех странах мира, различных культурах, классах, в сфере просвещения и не зависит от уровня доходов и этнического происхождения. Во всех регионах в нарушение обязательств по правам человека и без учета потребностей детей в развитии насилие в отношении детей является социально приемлемым и часто осуществляется с одобрения закона и государства.

Следует иметь в виду, что сообщения о случаях жестокого и унижающего достоинство наказания, проведения калечащих операций на половых органах у девочек, оставления без внимания половых злоупотреблений, убийств и других форм насилия в отношении детей фиксировались уже давно.

Насилие в отношении детей выражается в различных формах и определяется целым рядом

факторов, от личных особенностей потерпевших и исполнителей до их культурного и физического окружения. Вместе с тем значительная часть информации о насилии в отношении детей остается сокрытой по многим причинам. Одна из них заключается в страхе. Многие дети боятся сообщать о случаях насилия в отношении них. Во многих случаях родители, которые должны защищать своих детей, хранят молчание, если насилие совершается супругами или другими членами семей, более влиятельными членами общества, например работодателями, сотрудниками полиции и т. д.

В современном мире получили признание и были документально зафиксированы случаи насилия в отношении детей, совершаемого физического, сексуального и психологического насилия, а также преднамеренного оставления его без внимания. С самого младенческого возраста до достижения 18 лет дети уязвимы по отношению к различным формам насилия в их семьях. В зависимости от возраста и уровня развития потерпевших исполнители могут быть различными, например родители, мачеха или отчим, приемные родители, братья или сестры и другие члены семьи и попечители.

Как правило, физическое насилие в отношении детей в семьях не носит смертельного характера и не влечет за собой нанесения постоянных или серьезных видимых телесных повреждений. При этом в некоторых случаях насилие в отношении самых маленьких детей в семье становится причиной необратимых дефектов и даже гибели, хотя исполнители могли и не ставить себе целью нанесение такого ущерба.

Насилие в отношении детей в семье может осуществляться под видом дисциплины и принимает форму физических, жестких или унижающих достоинство наказаний. Случаи жестокого обращения и наказаний в семьях являются обычными явлениями в промышленно развитых и развивающихся странах.

Физическое насилие часто сопровождается психологическим насилием. Оскорбления, брань, изоляция, отторжение, угрозы, эмоциональное безразличие и унижение являются формами насилия, которые могут нанести ущерб психическому развитию и благосостоянию ребенка, особенно если они исходят от уважаемых взрослых людей, каковыми являются родители. Родители должны стремиться применять лишь ненасильственные методы дисциплины.

Во многих странах дети проводят много времени на попечении взрослых в учебных заведениях, за пределами своих семей. Школы играют важную роль в деле защиты детей от насилия. Взрослые, осуществляющие контроль за учебными заведениями и работающие в них, обязаны обеспечивать безопасные условия, способствующие сохранению достоинства детей и их развитию.

Насилие, совершаемое учителями или другими работниками школ, включает телесные наказания, жестокие и унижающие достоинство формы психологического наказания, половое насилие и хулиганские действия. Телесные наказания, такие как избиение и битье указкой, являются стандартной практикой в школах во многих странах.

В школах также существуют такие формы насилия, как драки на школьных дворах и хулиганские действия в отношении школьников. В некоторых обществах агрессивное поведение, включая участие в драках, считается незначительной дисциплинарной проблемой. Хулиганские действия часто ассоциируются с дискриминацией в отношении школьников из бедных семей или этнически маргинальных групп или же школьников, имеющих те или иные личные отличительные черты.

В пенитенциарных учреждениях дети могут подвергаться избиениям палками, насильственным формам ограничения свободы и унижающим достоинство видам наказания, таким как избиение в обнаженном виде в присутствии других задержанных. Девочки в местах лишения свободы особенно подвергаются риску физического и полового насилия, главным образом в тех случаях, когда функции по контролю выполняют мужчины.

В большинстве стран предусмотрено, что для детей, вступивших в конфликт с законом, должны быть созданы специальные учреждения во избежание жестокого обращения и эксплуатации со стороны взрослых. Вместе с тем во многих странах они часто содержатся вместе со взрослыми. Дети в местах лишения свободы также в большей степени подвергаются опасности нанесения ущерба самим себе или опасности самоубийств, особенно в случаях длительного или бессрочного лишения свободы, изоляции или содержания в местах лишения свободы для взрослых.

Дети, не достигшие минимального возраста для поступления на работу, не могут быть приняты на работу. В различных регионах насилие, физическое, половое и психологическое, затрагивает многие миллионы детей, работающих на законной и незаконной основе. Насилие может использоваться для того, чтобы принуждать детей работать, наказывать их или осуществлять

контроль на местах работы. Некоторые категории незаконного труда считаются «наихудшими формам детского рабства» и представляют собой насилие в отношении детей.

Согласно информации об актах насилия в отношении детей на работе в большинстве случаев насилие совершается «работодателями», однако может также совершаться и коллегами, клиентами, бригадирами, покупателями, полицейскими, преступными группировками, а в случае сексуальной эксплуатации – сутенерами.

Наиболее распространенной категорией занятости для девочек в возрасте до 16 лет является работа в качестве домашней прислуги, которая часто принимает форму нерегулируемого труда и эксплуатации, а в некоторых случаях – подневольного труда и рабства. Некоторые страны считают такую работу наихудшей формой детского труда.

Работающие дети сообщают о таких случаях жестокого обращения, как физические наказания, унижение и половые посягательства, а дети, работающие в качестве домашней прислуги, сообщают, что они постоянно подвергаются унижениям. В большинстве случаев физическое и психологическое насилие в отношении детей, работающих в качестве домашней прислуги, совершается женщинами. Однако девочки часто подвергаются половому насилию со стороны мужчин, членов семьи их работодателя.

Вовлечение детей в занятие проституцией, детскую порнографию и аналогичные сферы представляет собой насилие. По оценкам, ежегодно в эти сферы попадает 1 миллион детей. Многие из них подвергаются принуждению, являются жертвами похищений, торговли или обмана с целью вовлечения их в эту деятельность или же жертвами торговли людьми. Помимо полового насилия, которое неотъемлемо от детской проституции, девочки и мальчики, вовлеченные в проституцию и смежные области, часто страдают от физического и психологического насилия, а также от отсутствия ухода. Они часто не имеют возможности обратиться за помощью, а при попытке сделать это с ними обращаются как с преступниками, лишенными свободы и не имеющими достаточных возможностей оспорить принятые в отношении них меры.

Подневольный детский труд характерен для многих районов мира. Дети, занимающиеся подневольным или принудительным трудом, часто не имеют возможности защищаться от своих работодателей и других рабочих. Проведенные исследования и сами дети свидетельствуют о том, что подневольному и принудительному труду присущи все формы насилия. Насилие также затрагивает многих детей, вовлеченных в традиционные формы рабства, которое до сих пор существует во многих районах мира.

Следует отметить, что торговля людьми, в том числе детьми, в пределах отдельных стран, а также на международном уровне является одной из серьезных международных проблем. Это явление носит сложный характер и обусловлено взаимодействием таких факторов, как нищета, трудовая миграция, конфликты или политические беспорядки в результате перемещения населения. Торговля может быть сопряжена с многочисленными формами насилия: похищением или обманом со стороны вербовщиков в их сделках с детьми, их родителями или другими попечителями; половым насилием в отношении жертв торговли людьми, происходящим во время их доставки к местам назначения, а также содержанием под стражей в ожидании направления на «работу», которое часто сопровождается насилием. Большинство жертв торговли людьми переправляются в места, где их положение будет связано с насилием: проституция, принудительное вступление в брак и работа на дому или в сфере сельского хозяйства в условиях рабства, принудительного труда или долговой кабалы.

Вопросы правового положения детей в России являются весьма острыми в связи с многочисленными проблемами, такими как детский алкоголизм, детская наркомания, детская проституция и т. д.

При этом следует иметь в виду, что в России права детей регулируются рядом нормативных актов. В частности, согласно ст. 38 Конституции Российской Федерации забота о детях, их воспитание – это равное право и обязанность родителей. В силу ст. 43 Конституции Российской Федерации основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

Семейный кодекс Российской Федерации предусматривает следующие права детей: право воспитываться в семье; право на общение с родителями и другими родственниками; право на защиту; право выражать свое мнение; право на имя, отчество и фамилию; изменение имени и фамилии и т. д.

Согласно Федеральному закону от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» дети имеют следующие права: право на охрану здоровья, право

на отдых и оздоровление, право на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред здоровью, нравственному и духовному развитию, и т. д.

В России особенности регулирования труда детей установлены главой 42 Трудового кодекса Российской Федерации. В частности, в России запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на работах с вредными или опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию. Запрещаются переноска и передвижение детьми тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы.

Дети принимаются на работу только после предварительного обязательного медицинского осмотра и в дальнейшем до достижения возраста восемнадцати лет ежегодно подлежат обязательному медицинскому осмотру. Ежегодный основной оплачиваемый отпуск детям предоставляется продолжительностью 31 календарный день в удобное для них время. При этом детей запрещается направлять в служебные командировки, привлекать к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни.

Расторжение трудовых договоров детьми по инициативе работодателей (за исключением случаев ликвидации организаций или прекращения деятельности индивидуальными предпринимателями) помимо соблюдения общего порядка допускается только с согласия соответствующей государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

При повременной оплате труда заработная плата детям выплачивается с учетом сокращенной продолжительности работы. Работодатель может за счет собственных средств производить им доплаты до уровня оплаты труда работников соответствующих категорий при полной продолжительности ежедневной работы.

При этом следует иметь в виду, что в силу Постановления Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 г. № 163 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет» в России детям запрещено заниматься следующими видами трудовой деятельности: работами, связанными с подъемом и перемещением тяжестей вручную, горными работами, строительством метрополитенов и т. д.

В развитие Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» приняты региональные и местные законы, устанавливающие права детей.

Так, в Республике Адыгея принят Закон Республики Адыгея от 2 июня 2010 г. № 353 «Об отдельных мерах по защите прав ребенка», согласно которому не допускается нахождение детей без сопровождения родителей на объектах юридических лиц или граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, которые предназначены для реализации товаров сексуального характера, в ресторанах, барах, рюмочных, в иных местах, нахождение в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию.

Не допускается нахождение детей в ночное время в общественных местах, в том числе на улицах, стадионах, в парках, скверах, транспортных средствах общего пользования, на объектах юридических лиц или граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, которые предназначены для обеспечения доступа к сети «Интернет», а также для реализации услуг в сфере торговли и общественного питания.

Закон Тульской области от 7 октября 2009 г. № 1336-ЗТО «О защите прав ребенка» предусматривает следующие положения о защите прав детей: защита права на жизнь и воспитание в семье; защита прав и законных интересов детей при формировании социальной инфраструктуры; защита прав детей на образование; защита прав и законных интересов ребенка в сфере профессиональной ориентации, профессиональной подготовки и занятости; защита права ребенка на охрану здоровья; защита права ребенка на отдых и оздоровление; защита прав ребенка на физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие и т. д.

Закон Иркутской области от 22 июня 2010 г. № 50-ОЗ «О дополнительных гарантиях прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на жилое помещение в Иркутской области» предусматривает, что жилые помещения по договорам социального найма предоставляются детям-сиротам после окончания обучения в образовательных учреждениях или учреждениях социального обслуживания, а также в учреждениях всех видов профессионального образования, либо по окончании службы в рядах Вооруженных Сил

Российской Федерации, либо после возвращения из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Жилые помещения по договорам социального найма предоставляются также детям-сиротам по достижении ими восемнадцати лет либо приобретении ими в установленном порядке полной дееспособности до достижения совершеннолетия.

В 2001 году Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации обращался к Президенту Российской Федерации В.В. Путину в связи с необходимостью учреждения института Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации. В обращении, в частности, упоминалась усложнившаяся ситуация с положением детей в Российской Федерации. Масштабы безнадзорности, сиротства, рост числа детей с девиантным поведением позволяют поставить вопрос о координации деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти по реализации национальных программ защиты детей.

В настоящее время в России учрежден институт Уполномоченного по правам ребенка. Так, согласно Указу Президента Российской Федерации от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка имеет право: запрашивать необходимые сведения, документы и материалы от органов государственной власти; беспрепятственно посещать органы государственной власти; направлять в органы исполнительной власти, в решениях или действиях (бездействии) которых он усматривает нарушение прав и интересов детей, свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления указанных прав и интересов; привлекать в установленном порядке для осуществления экспертных и научно-аналитических работ, касающихся защиты прав ребенка, научные и иные организации.

В заключение следует отметить, что многие международные и национальные аспекты правового положения детей остаются не в полной мере исследованными и требуют дальнейшего рассмотрения.

Пристатейный библиографический список

1. Международное право: учебник / отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкарецкая. М.: Юристъ, 2003.

2. Устинович Е.С., Фоломеева Н.В. Оценка состояния деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ и их программно-целевые усилия по защите прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (по материалам Орловской области) // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 2.

References (transliterated)

1. International law: textbook / ed. E.T. Usenko, G.G. Shinkaretskaya. M.: Lawyer, 2003.

2. Ustinovich E.S., Folomeeva N.V. Evaluation of the state of the executive bodies of the subject of the Russian Federation and their program-targeted efforts to protect the rights of children, topics in a difficult life situation // Questions juvenal justice. 2013. № 2.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-917-40-61-340

Старовойтова К.В.

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Цель*: Исследовать применение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод к детям.*

Методология*: Использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.*

Результаты*: В статье проанализированы прецеденты Европейского суда по правам человека по рассмотрению вопросов, непосредственно связанных с защитой прав детей, изучено влияние деятельности Европейского суда на национальное законодательство и судебную практику стран (включая Россию) относительно защиты прав детей, проанализированы проблемы, с которыми могут сталкиваться дети при защите своих прав.*

Новизна/оригинальность/ценность*: Новизна статьи состоит в том, что в ней анализируются важные для современной юридической науки и практики проблемы применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в практике Европейского суда по правам человека.*

Ключевые слова*: Европейский суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, практика ЕСПЧ, права детей, защита прав детей, интересы ребенка, несовершеннолетние.*

Starovoitova K.V.

PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS IN THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS' PRACTICE

Purpose*: To investigate application of provisions of the Convention on protection of human rights and fundamental freedoms to children.*

Methodology*: Formal legal and comparative legal methods were used.*

Results*: In article precedents of the European Court of Human Rights on consideration of the questions which are directly connected with protection of the rights of children are analyzed influence of activity of the European Court of Justice on the national legislation and jurisprudence of the countries is studied (including Russia) concerning protection of the rights of children, problems which children at protection of the rights can face are analyzed.*

Novelty/originality/value*: The novelty of article consists that in her are analyzed important for modern jurisprudence and practice of a problem of application of the Convention on protection of human rights and fundamental freedoms in practice of the European Court of Human Rights.*

Keywords*: European Court of Human Rights, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, European Court of Human Rights' Practice, children's rights, protection of children's rights, interests of a child, minors.*

Введение. Одним из приоритетных направлений социальной политики государств и международных организаций является защита прав детей. Хотя на сегодняшний день в России действует целая система административных и судебных органов, в задачи которых входит защита прав ребенка, зачастую бывает затруднительно добиться защиты и восстановления нарушенных прав. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ международные договоры являются частью правовой системы РФ. Согласно ч. 3 ст. 46 Конституции РФ «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Таким образом, кроме защиты прав ребенка в судебном порядке на национальном уровне Конституцией предусматривается возможность их защиты при помощи международных механизмов.

На сегодняшний день основным и наиболее действенным международным органом, осуществляющим защиту прав граждан, является Европейский суд по правам человека (далее – суд, Европейский суд, ЕСПЧ), учрежденный Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) и начавший свою деятельность в 1959 г. Рассмотрение дел Европейским судом способствует обеспечению соблюдения обязательств, принятых на себя странами – участницами Конвенции, и Протоколов к ней, а также привлечению внимания государств к фактам нарушения прав человека. Практика Европейского суда по правам человека демонстрирует наиболее уязвимые положения национального законодательства и нарушения в правоприменительной практике, обнаруживая тем самым необходимость приведения действующего законодательства и правоприменительных процедур в соответствие с международными нормами [33, с. 64]. Хотя конкретные решения Европейского суда

обязательны для исполнения только государствами-ответчиками (например, необходимость положить конец нарушению, устранить его последствия и, по возможности, восстановить ситуацию, предшествовавшую нарушению, – «restitution in integrum» [26, с. 237], а также принять действенные меры для предотвращения новых подобных нарушений Конвенции), другие государства могут также руководствоваться ими для приведения к соответствию своего законодательства положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Вместе с этим необходимо отметить, что ЕСПЧ не является апелляционным судом по отношению к национальным судам государств. Если Европейским судом установлено нарушение положений Конвенции, он, тем не менее, не может приказать суду государства отменить вынесенное решение. В соответствии с п. 2 ст. 46 Конвенции окончательное постановление Европейского суда по делу направляется Комитету Министров Совета Европы, осуществляющему надзор за его исполнением.

Россия ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 30 марта 1998 г., тем самым согласившись признавать решения Европейского суда обязательными к исполнению. Компетенция Европейского суда по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней признается Россией обязательной, таким образом, необходимо отталкиваться от уже принятого ЕСПЧ решения в отношении другого физического или юридического лица по делу с аналогичными обстоятельствами [30]. С 5 мая на Россию была распространена юрисдикция Европейского суда по правам человека. Хотя в Конвенции о защите прав человека и основных свобод практически не содержится статей (кроме ст. 5, 6 Конвенции и ст. 5 Протокола № 7 к ней), напрямую регулирующих или защищающих права детей, ее положения применимы также и к ребенку наравне с другими участниками международных правоотношений.

Европейский суд по правам человека защищает права, закрепленные в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Таким образом, Конвенцией и Протоколами к ней определяются границы защиты семейных прав в ЕСПЧ. Вместе с этим с течением времени нормы, закрепленные в Конвенции, развиваются и расширяют свои границы в решениях ЕСПЧ.

Жалоба в ЕСПЧ может быть подана государством, любым физическим лицом, любой группой лиц или любой неправительственной организацией (ст. 33, 34 Конвенции). Таким образом, обратиться в суд может любой человек независимо от его дееспособности (в том числе душевнобольные и несовершеннолетние) и гражданства. Жалоба не может быть подана против не участвующего в Конвенции и Протоколах к ней государства. Европейский суд может установить факт нарушения Конвенции, а также присудить заявителю соответствующую компенсацию и возмещение расходов.

Принимая во внимание то, что ребенок самостоятельно не может «исчерпать внутригосударственные средства защиты», а законные представители ребенка иногда являются и нарушителями его прав, вопрос защиты прав детей в практике Европейского суда по правам человека представляется особенно актуальным.

Применение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод к детям. В делах о защите детей в ЕСПЧ наиболее часто фигурируют следующие статьи Европейской Конвенции:

a) «Статья 3. Запрещение пыток и бесчеловечного унижающего достоинство обращения или наказания (в частности, в случаях применения к детям телесных наказаний в школе, родителями или по решению суда);

b) Статья 6. Право на справедливый суд (устанавливает специальные процессуальные правила для суда над несовершеннолетними, обвиняемыми в совершении преступления);

c) Статья 8. Право на уважение семейной жизни (в рамках которого суд трактует понятие семьи; статус незаконнорожденных детей; определяет концепцию действий в интересах ребенка (выбор религии, имени и др.); передачу государству права на опеку над ребенком; случаи разлучения родителей и детей по причине депортации родителей);

d) Статья 10 (ч. 2). Ограничение свободы выражения своего мнения, получения и распространения информации в целях охраны здоровья и нравственности;

e) Статья 14. Защита от дискриминации;

f) Статья 2 Протокола 1. Право на образование (например, образование в частных школах; уважение к философским убеждениям родителей)» [23, с. 188].

На основании данных статей суд разработал определенные правовые стандарты, регламентирующие правовое положение детей в международном праве. Кроме того, при обосновании нарушения права ребенка допустимы и даже поощряются ссылки на другие международно-правовые акты, закрепляющие права ребенка, в частности, на Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г. [28].

Практика Европейского суда по правам человека по рассмотрению вопросов о защите прав детей. Кратко рассмотрим некоторые прецеденты ЕСПЧ по обозначенным нормам Конвенции.

Исходя из практики Европейского суда по правам человека, при защите прав детей одним из часто применимых положений Конвенции является ст. 3, запрещающая пытки или бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание. Европейским судом отмечается, что нарушением ст. 3 является плохое обращение с ребенком, достигшее минимального уровня жестокости, оценка которого, в свою очередь, зависит от ряда определенных факторов конкретного дела (длительность, пол, возраст, состояние здоровья ребенка, воздействие на психологическое или физическое состояние). Жестокость обращения разграничивает три элемента: пытки, бесчеловечное обращение или наказание и унизительное обращение или наказание.

В качестве прецедента рассмотрения ЕСПЧ дела об унижающем достоинство ребенка наказании можно рассмотреть дело «Тайрер против Соединенного Королевства». За «незаконное нападение, повлекшее за собой телесные повреждения старшему ученику своей школы» [21], 15-летнего учащегося школы на о. Мэн в соответствии с местным законодательством приговорили к трем ударам розгой. В полицейском участке ребенка заставили приспустить брюки и трусы, пригнули к столу и нанесли удары в присутствии отца мальчика и врача: один полицейский производил наказание и еще двое держали мальчика. Из обстоятельств дела следует, что у Энтони Тайрера не возникло серьезных физических повреждений. Несмотря на это, ЕСПЧ установил, что, учитывая возраст ребенка, он оказался унижен при исполнении наказания и в своих глазах, и в глазах других присутствующих там людей. Хотя наказание имело легальное закрепление на момент рассмотрения дела, ЕСПЧ определил, что оно явилось посягательством на честь, достоинство и физическую неприкосновенность ребенка. Также суд отметил, что исполнение наказания совершенно незнакомыми ребенку людьми могло привести к негативным психическим последствиям. Таким образом, по совокупности обстоятельств судом был сделан вывод о том, что данное наказание ребенка можно расценить как наказание, при котором унижение достигло уровня, подразумевающегося понятием «унижающее достоинство наказание» [21], и признал нарушение ст. 3 Конвенции. ЕСПЧ отметил ответственность государства и английской правовой системы, в частности, за унижающее достоинство обращение, впоследствии в соответствии с решением ЕСПЧ было изменено законодательство о. Мэн.

В рамках 3 статьи в практике ЕСПЧ есть ряд прецедентных решений по делам о предоставлении убежища детям и их родителям. В деле «Мусхаджиева и другие против Бельгии» [15] заявительница-чеченка и четверо ее детей, бежавшие из Грозного, прибыли в Бельгию и попросили там убежище. Однако в связи с тем, что страной въезда в Европейский Союз была Польша, им было предписано покинуть Бельгию. До выполнения предписания семья содержалась в течение месяца под стражей в Бельгии. Европейский суд особо отметил важность совместного пребывания детей с матерью в течение этого месяца. В ранее вынесенных решениях Европейский суд подчеркивал, что прежде всего должна учитываться особая уязвимость детей, а затем уже незаконность пребывания иностранца на территории чужой страны (дело «Мубиланзила Майека и Каники Митунга против Бельгии» [13], в котором суд установил нарушение ст. 3 Конвенции, поскольку ребенок и его родители содержались отдельно в центре для иностранцев, ожидающих выдворения). В связи с тем, что дети заявительницы в течение месяца находились в закрытом центре, не адаптированном к приему детей, а также что врачи обнаружили у детей симптомы психологической травмы, и учитывая их возраст, продолжительность содержания под стражей и состояние здоровья, суд признал нарушение ст. 3 Конвенции и присудил заявителям компенсацию в 17 тысяч евро.

Другим часто применимым положением Конвенции является ст. 6, закрепляющая право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Данное право имеет особую важность применительно к защите прав детей. Примером рассмотрения в ЕСПЧ дела в рамках данной статьи служат дела Т. и V. против Соединенного Королевства» [5]. В 1993 году суд осудил двоих 11-летних подростков по обвинению в убийстве двухлетнего мальчика. В жалобе, поданной ими в ЕСПЧ, шла речь об отказе им в праве на справедливый суд в связи с их неспособностью принимать эффективное участие в разбирательстве своего дела. Европейский суд отметил важность учета возраста, уровня зрелости, интеллектуальных и эмоциональных особенностей ребенка, которому предъявлено обвинение. По мнению суда, при обращении с детьми необходимо принятие мер, содействующих тому, чтобы они могли разбираться и участвовать в

судебном процессе. Также очень важно не допустить или максимально снизить риск появления у них ощущения запугивания или подавленности при проведении судебного разбирательства. Как отметил ЕСПЧ, ввиду недостаточной зрелости детей формальные процедуры судебного заседания могли быть для них малопонятными и пугающими, дети не могли чувствовать себя достаточно свободно в зале суда и под внимательным взором публики. Принимая во внимание совокупность обстоятельств, суд пришел к выводу, что обвиняемые подростки не могли полноценно участвовать в судебном разбирательстве выдвинутого против них обвинения и были лишены права на справедливый суд, закрепленного в п. 1 статьи 6 Конвенции [24, с. 329].

В Европейский суд по правам человека подается большое количество жалоб на нарушении статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В данной статье закрепляется право на уважение семейной жизни, в рамках которого Европейским судом трактуется понятие семьи, статус незаконнорожденных детей, определяется концепция действий в интересах ребенка (выбор религии, имени, определение места жительства и др.), вопрос о передаче государству права на опеку над ребенком [26, с. 238]. Как отмечает Европейский суд, согласно ст. 8 в понятие «семейной жизни» также входят, как минимум, связи между бабушками, дедушками и внуками, в силу того, что такие отношения могут играть существенную роль в семейной жизни. В связи с этим «уважение» к семейной жизни накладывает на государство обязательство способствовать нормальному развитию таких связей.

Решение вопросов о передаче государству права на опеку над ребенком занимает важное место в практике ЕСПЧ. Вся практика Европейского суда подвержена принципу сохранения семейных отношений между ребенком и его родными родителями. Как отмечено в п. 95 Постановления ЕСПЧ от 8 апреля 2004 г. по делу «Хазе и другие против Германии» [22], не может служить оправданием принудительных мер по отобранию ребенка у родителей сам по себе факт наличия возможности его помещения в более благоприятную для воспитания среду. При ограничении доступа родителя к ребенку возникает серьезная опасность ослабления их семейных отношений. Власти уполномочены прекратить семейные отношения только при наличии очень веских причин. Суд полагает, что такое серьезное вмешательство государства в дела семьи, как ее разделение и помещение ребенка под государственную опеку, всегда должно быть оправдано интересами ребенка и должно быть, как правило, временной мерой, нацеленной (за редким исключением) на повторное объединение родителей и ребенка. Предоставление права опеки одному из родителей не служит автоматически основанием для отказа в праве доступа к ребенку для другого. Родителя могут лишить права доступа к ребенку только в особых, очень серьезных обстоятельствах. Например, если его поведение создает угрозу для нравственности или здоровья ребенка, включая его психическое состояние; если это необходимо для предотвращения преступления. Хотя ст. 8 прямо не предусмотрены процедурные гарантии при государственном вмешательстве в семейную или частную жизнь граждан, судом отмечается, что решения о дальнейшей судьбе детей должны приниматься без неоправданных задержек и с соблюдением гарантий, предусмотренных ч. 1 ст. 6 Конвенции [31, с. 104].

В деле «Никишина против России» [11] заявительницей была гражданка РФ, получившая при расставании с отцом ребенка опеку над их рожденным вне брака мальчиком при условии совместного времяпрепровождения ребенка и его отца по выходным. В дальнейшем, став членом секты «Свидетели Иеговы», мать стала привлекать и сына к ее религиозной деятельности. Отец ребенка, православного вероисповедания, не одобрял таких действий, обратился в районный орган опеки и попечительства с требованием передать ему опеку над ребенком и отказался вернуть ребенка матери, которая, в свою очередь, подала заявление в милицию и в районный суд. Районный суд передал ребенка отцу, посчитав членство матери в секте вредным для здоровья и развития ребенка. Данное решение было оставлено без изменения судом кассационной инстанции. Коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отправила дело на новое рассмотрение, отменив решение районного и областного судов. Гражданка Никишина обратилась с жалобой в Европейский суд, ссылаясь на нарушение гарантированного Конвенцией права на уважение частной и семейной жизни, свободу мысли, совести и религии. Была заявлена жалоба на нарушение статей 6, 8, 9, 14 Конвенции, а также ст. 2 Протокола № 1 к ней, гарантирующей общее право на образование лиц, заинтересованных в его получении. В соответствии с положениями ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции национальные власти не вправе внушать принципы, которые можно расценить как неуважение религиозных и философских убеждений родителей, которые, выполняя

свои обязанности перед детьми, несут основную ответственность за их обучение и образование и могут потребовать уважения собственных религиозных и философских убеждений. Таким образом, дети должны иметь возможность осуществить свое право на образование, а государство – участник Конвенции должно это контролировать. Вместе с этим родители имеют право на уважение их религиозных и философских убеждений, заслуживающих уважение в демократическом обществе, совместимых с достоинством личности и не противоречащих праву ребенка на образование. Несмотря на то, что поданная заявительницей жалоба была признана неприемлемой в связи с разрешением дела на внутреннем уровне после подачи жалобы в Страсбург, представляется, что именно позиция Европейского суда способствовала пересмотру решения по делу гражданки Никишиной. На момент обращения заявительницы в Европейский суд дело было прекращено в национальном суде: между матерью и отцом было заключено мировое соглашение, по которому ребенок оставался с отцом, но мать имела право забирать его к себе на каникулах и встречаться по вечерам в выходные дни [32, с. 85]. Также в мировом соглашении оговаривалась невозможность вовлечения ребенка в религиозные организации против его воли и согласия родителей.

Рассматривая дело «Олссон против Швеции», Европейский суд отметил особый характер взаимоотношений не только между детьми и родителями, но и между самими детьми в рамках семейной жизни. По мнению суда, родные братья и сестры имеют право на семейную жизнь с точки зрения отношений между собой, без привязки к отношениям между детьми и родителями. Так, в факте разлучения трех родных братьев, взятых под государственную опеку, суд констатировал нарушение шведским законодательством статьи 8 Конвенции [17].

С развитием науки практика Европейского суда по делам о защите прав ребенка стала обогащаться кардинально новыми делами. Так, в решении ЕСПЧ по делу «Калачева против России» [8] заявительницей был обжалован отказ российских судов установить отцовство ее внебрачного ребенка на основании экспертизы ДНК. Европейский суд отметил, что на современном этапе данная экспертиза является единственным научным методом установления отцовства конкретного ребенка и признал нарушение ст. 8 Конвенции. Необходимо отметить, что при разрешении дел об установлении отцовства Европейский суд в первую очередь стремится учесть интересы самого ребенка, а затем его биологического родителя.

В свете развития науки также необходимо отметить внимание ЕСПЧ к вопросам биоэтики. Европейский суд подготовил в 2012 году отчет, в котором «биоэтика» определена как защита человеческой личности, ее прав и человеческого достоинства ввиду развития биомедицинских наук. На сегодняшний день Европейский суд имеет прецеденты рассмотрения дел о пренатальной диагностике, в которых затрагивается защита прав и родителей, и детей одновременно. Примерами таких дел являются «Драгон против Франции» [7], «P.P. против Польши» [20]. В практике ЕСПЧ также имеются дела и по вопросам искусственного оплодотворения. В связи с тем, что на данный момент и в национальных, и в международном законодательстве отсутствует единая и окончательно сформировавшаяся позиция насчет искусственного оплодотворения (ЭКО), а также поскольку его применение в условиях динамично развивающейся медицины и науки совмещено с рядом моральных и этических вопросов, Европейский суд признает за государствами-ответчиками широкую свободу усмотрения по данному вопросу.

Как правило, жалоба в Европейский суд подается родителями ребенка. Однако ребенок также имеет право на адвоката (ст. 6 Европейской конвенции) или помощь общественной организации в соответствии с национальным законодательством, если законное представительство невозможно в силу, например, конфликта интересов ребенка и его родителей или опекунов. Европейский суд в одном из своих решений специально указывает, что несовершеннолетний имеет право самостоятельно обращаться с заявлением в суд [12].

В деле «Нильсен против Дании» (Nielsen v. Denmark, 1988 г.) заявителю Джону Нильсену на момент подачи заявления в Комиссию по правам человека (1984 г.) было всего 13 лет. Согласно датскому законодательству в связи с отсутствием заключенного между родителями брака родительские права на ребенка принадлежали только матери. Спустя некоторое время после расставания с матерью отец получил официальное право на посещение ребенка, который впоследствии привязался к отцу и отказался жить с матерью. С согласия обеих сторон ребенок был помещен в специальное детское учреждение, откуда сбежал и пришел к отцу. Отец подал иск о передаче ему права опеки над ребенком, после чего скрылся с ребенком, однако вскоре был арестован. На следующий день после ареста отца ребенок был по-

мещен в отделение детской психиатрии окружного госпиталя, однако позднее снова сбежал. В результате продолжительных судебных разбирательств отцу было отказано в передаче права опеки, а ребенок был окончательно помещен в госпиталь. Таким образом, было нарушено право Джона Нильсена на уважение семейной жизни. С помощью отца ребенок подал иск в Европейский суд по правам человека. Однако из-за широкой огласки дела отец все-таки получил право на опеку над ребенком. Так, ввиду новых обстоятельств, суд не установил нарушения, однако Европейский суд косвенно повлиял на разрешение дела Нильсена внутренним судом Дании [32, с. 86].

Также в деле «Оккали против Турции» [19] 12-летний ребенок самостоятельно подал жалобу на жестокое обращение с ним полиции (мальчик был избит сотрудниками полиции, заставлявшими его признаться в краже денег у работодателя). В дальнейшем обвинение в краже было снято, однако позже исполнение приговора об осуждении виновных полицейских было отложено, а затем они и вовсе получили повышение по службе. Рассмотрев жалобу мальчика, Европейский суд установил нарушение ст. 3 Конвенции (запрет жестокого обращения) в связи с безнаказанностью сотрудников полиции и отсутствием специальных средств защиты несовершеннолетних и присудил ребенку возмещение неимущественного вреда и судебных расходов.

Статья 14 Конвенции, запрещающая любую форму дискриминации, также имеет отношение к защите прав детей в ЕСПЧ. Европейский суд отмечает, что, как правило, данная статья дополняет другие положения Европейской конвенции и Протоколов к ней, поскольку она защищает частных лиц от любых дискриминаций при осуществлении гарантированных другими статьями прав [14]. Как отмечают Е.П. Бурдо и Г.И. Гаранина, хотя статья 14, как правило, действует в связке с иными нормами, она может играть важную автономную роль, дополняя и уточняя иные нормы и предоставляя лицам гарантии от дискриминации при осуществлении ими своих прав и свобод [23]. Например, судом подчеркивается равенство в сфере прав гражданского характера между детьми, рожденными в браке и вне его. Анализируя практику Европейского суда в данной области, можно сделать вывод, что в ряде дел предметом рассмотрения было положение детей, рожденных вне брака, в контексте их права на семейную жизнь. В известном деле «Маркс против Бельгии» [25] в связи с тем, что национальным законодательством Бельгии предусматривался усложненный порядок признания материнства в случае, если ребенок был рожден вне брака, сложилась ситуация, что «юридически» в течение определенного времени у ребенка вообще не было матери. Заявительница направила жалобу в ЕСПЧ на нарушение бельгийским законодательством ее права на уважение семейной жизни и дискриминацию детей, рожденных вне брака. Помимо прочего, такое положение нарушало имущественные права дочери Паулы Маркс, поскольку она не могла выступать в качестве наследницы имущества матери до юридической фиксации их отношений. Судом было отмечено, что в соответствии со статьей 8 Конвенции правом на уважение семейной жизни предполагается наличие семьи и исключаются любые различия между семьями с «законными» и «незаконными» детьми, таким образом, предусмотренные данной статьей гарантии распространяются на членов традиционных и иных семей в одинаковом объеме. Иначе подобные различия не соответствовали бы слову «каждый» (ст. 8 Конвенции), это также подтверждается запретом (ст. 14 Конвенции) на дискриминацию по признаку рождения при использовании прав и свобод, предусмотренных Конвенцией. Европейский суд отметил, что отношения между матерью и дочерью, безусловно, являлись семейными, поскольку заявительница с момента рождения своей дочери постоянно о ней заботилась, чем подтвердила для судей наличие «реальной семейной жизни», в связи с этим их отношения должны оцениваться государством как семейные. По мнению суда, там, где существование семейных связей с ребенком очевидно, государство всячески должно способствовать развитию этих связей, а также создавать для этого законные гарантии. Согласно п. 1 ст. 8 право на уважение семейной жизни предполагает невмешательство государственных органов в осуществление этого права. Суд указал, что в соответствии со статьей 8 государством должно быть гарантировано обеспечение возможности интеграции ребенка в семьи с момента его рождения (п. 31). В контексте уважения семейной жизни государству необходимо способствовать нормальному развитию связей между близкими родственниками. (п. 45). Суд отметил, что при стремлении к поддержке и поощрению традиционной семьи в национальном законодательстве необходимо избегать причинения ущерба семьям с «незаконными» детьми. Таким образом, судом было установлено нарушение ст. 8 Конвенции, в результате чего бельгийское национальное законодательство о внебрачных детях было изменено: закон от 31 марта 1987 г. внес изменения в «разнообразные

правовые положения, связанные с усыновлением», и дополнил действующее законодательство, отменив всякую дискриминацию в отношении внебрачных детей [27].

Дело «Маркс против Бельгии» стало наглядным примером столкновения консервативного и либерального подходов к толкованию Конвенции, поскольку, как отметил суд, во время разработки Конвенции во многих европейских странах различия между «законными» и «незаконными» детьми считались нормальными, тем не менее, в современном мире положения Конвенции необходимо трактовать с точки зрения современных условий (п. 40–41) [31].

В деле «Мазурек против Франции» заявителем выступал внебрачный ребенок, который обжаловал различие между «законными» и «незаконными» детьми в сфере наследования, поскольку в соответствии с французским законодательством до 2001 г. внебрачный ребенок имел право на меньшую по сравнению с «законным» ребенком часть наследства своих родителей. Европейский суд признал наличие нарушения ст. 1 Протокола № 1 в совокупности со статьей 14 Конвенции, в результате чего в 2001 г. было изменено законодательство Франции, и внебрачным детям, и детям, рожденным в браке, были предоставлены равные права наследования [10].

«Общая концепция защиты права на уважение семейной жизни, выработанная в практике Европейского суда, исходит из равенства прав матери и отца» [32, с. 98]. Ст. 5 Протокола № 7 гарантирует супругам равные права в отношениях с детьми во время пребывания в браке и при его расторжении. Так, прекращение брака не должно приводить к прекращению семейных отношений между каждым из родителей и ребенком. Необходимо отметить, что вопросы признания прав отца по отношению к ребенку возникают чаще, чем необходимость защитить права матери.

Рассматривая конфликтные ситуации в семье, Европейский суд стремится найти баланс между максимальным учетом мнения детей и принципами «охраны здоровья и нравственности» и «права на семейную жизнь». По мнению некоторых авторов, «тенденция признания на международном и национальном уровнях самостоятельных прав детей, не зависящих от прав их родителей, может повлиять в будущем на позицию Европейского суда» [32, с. 124].

Согласно ч. 2 ст. 10 Конвенции, отмечает Европейский суд, защита нравственности в демократическом обществе является легитимной целью. Исходя из практики Европейского суда в данной сфере (дела «Даджен против Соединенного Королевства» [4]; «Институт Отто-Премингер против Австрии» [16]; «Уингроу против Соединенного Королевства» [18]), признается, что государства могут принимать законы, направленные на ограничение распространения информации и идей. Кроме того, государства вправе «устанавливать контроль и классификацию информационной продукции, а при нарушении закона – применять штрафные меры, конфискацию и другие санкции, вплоть до уголовных, когда это необходимо в интересах защиты нравственности и благополучия конкретных лиц или групп лиц (таких как дети), нуждающихся в особой охране в связи с недостатком зрелости или состоянием зависимости» [17, с. 199]. «Непристойные публикации» определяются судом как публикации, стремящиеся «развратить и растлить».

Стоит заметить, что государства-ответчики при исполнении решений Европейского суда по делам о защите прав детей принимают самые разнообразные меры индивидуального и общего характера. Так, например, в Великобритании после дела «Кэмпбелл и Козенс против Великобритании» [9] в 1987 г. вступил в силу Закон об образовании, отменивший телесные наказания в государственных школах, а также в финансируемых государством школах. После дела «Джонстон и другие против Ирландии» [6] в Ирландии в 1988 г. вступил в силу закон о Правовом Положении Детей, уравнявший в правах «законных» и внебрачных детей. После дела «Буамар против Бельгии» [3] в Бельгии в 1994 г. вступил в силу закон, запрещающий ювенальному суду помещать детей под стражу более чем один раз за одно судебное разбирательство, определивший максимальный срок содержания под стражей не более чем 15 дней. Также государством были созданы отдельные помещения для подростков в соответствующих учреждениях [27].

Выводы. Представляется, что факт поступления жалоб в Европейский суд является показателем неэффективной деятельности национальной судебной системы и неблагополучной ситуации с гарантиями соблюдения прав человека. Как отмечает министр юстиции РФ Александр Коновалов, важно даже не столько сокращение числа подаваемых против России жалоб в ЕСПЧ, а сокращение предпосылок для рассмотрения таких жалоб российскими судами [34]. В настоящий момент Россия находится на пятом месте среди всех стран Европы по абсолютному количеству жалоб. Начиная с 2012 года Россия лидирует по числу вынесенных ЕСПЧ в отношении нее постановлений.

На данный момент менее 8000 жалоб в отношении России ожидает рассмотрения в ЕСПЧ.

Необходимо заметить, что количество жалоб против Российской Федерации по вопросам нарушений прав ребенка в практике Европейского суда невелико. Представляется, что существует несколько причин редкого обращения российских детей за защитой своих прав в Европейский суд. В соответствии с российским законодательством ребенок приобретает право на самостоятельное обращение в суд для защиты своих прав в возрасте 14 лет. До этого у ребенка есть право на обращение за защитой своих прав в органы опеки и попечительства [1, ст. 56]. Тем не менее, само по себе самостоятельное обращение ребенка в местный и тем более в Европейский суд представляется затруднительным в связи с необходимостью знать конкретный судебный орган для подачи заявления или жалобы и правильного составления документов. Этот момент очень важен, поскольку повторно обратиться с этой жалобой в суд невозможно. Как правило, интересы детей в Европейском суде представляют их родители, однако если это невозможно, то в соответствии с внутренним законодательством страны заявителя существует возможность обращения к помощи адвоката или общественной организации, что, в свою очередь, подразумевает определенные трудности.

По справедливому мнению В.А. Цветкова, использование решений Европейского суда по правам человека в практике российских судов позволит обезопасить Россию от множества решений ЕСПЧ, принятых не в пользу страны [33, с. 67]. Важная роль и влияние практики ЕСПЧ на рассмотрение и разрешение дел российскими судами общей юрисдикции отмечены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г., которое указывает на необходимость соблюдения положений Конвенции при рассмотрении дел в судах России [1]. В более позднем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. отмечается: «С целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского суда» [2]. Таким образом, российская судебная практика обогащается накопленным опытом Европейского суда, что может способствовать обновленному взгляду на нормы российского законодательства, расширению перечня прав детей, закрепленного в российском семейном законодательстве, созданию новых или реформированию существующих механизмов реализации прав детей и, как следствие, предотвращению новых нарушений их прав.

Необходимо отметить возрастающее влияние деятельности Европейского суда на национальное право государств – участников Конвенции. Это свидетельствует о позитивном влиянии поданных жалоб в Европейский суд. Решения, вынесенные Европейским судом, нередко имеют свое отражение в национальном законодательстве, а особенно в судебной практике стран. В связи с этим появляются определенные изменения и в отдельных делах, и в общих подходах судов к толкованию семейного права, в частности в вопросах защиты прав ребенка [33, с. 64].

ЕСПЧ неоднократно отмечал в своих решениях отсутствие необходимости подчинения своим ранее принятым решениям ввиду постоянного развития общественных отношений, поступления новых научных данных и иных факторов. Так, изменение социальных и культурных моделей семьи непосредственно влияет и на юридическую трактовку семейных взаимоотношений. На сегодняшний день практика Европейского суда тесно связана с вопросами научно-технического прогресса, с расширением правил толерантности, с миграционными процессами, с вопросами воссоединения семей. В сферу защиты прав ребенка попадают не только вопросы, касающиеся воспитания детей, но и проблемы биоэтики, вопросы усыновления детей однополыми супругами, приобретения статуса беженца и депортации. С течением времени наличие семейных связей было признано между родителями и детьми в рамках фактической семьи, в том числе когда дети жили вместе с одним из родителей; между единственным родителем и его внебрачным ребенком; между проживающим отдельно родителем и его ребенком независимо от того, был ли он рожден в браке или вне его, а также включая случаи, когда ребенок находится в приемной семье; между другими родственниками [29]. Как показывает практика Европейского суда, интересы ребенка являются основным критерием защиты его прав. Европейский суд также обращает внимание на религиозные убеждения и другие особенности родителей, признает дискриминационными возложенные на них национальными судами ограничения, однако при этом в первую очередь руководствуется приоритетом интересов ребенка, наилучшее обеспечение кото-

рых может противоречить убеждениям и иным особенностям родителей.

Учитывая сложившуюся практику Европейского суда по вопросам, касающимся защиты прав детей, можно сделать вывод, что международные механизмы защиты прав граждан зачастую способствуют их более эффективной защите. Ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. поставила защиту прав и свобод человека (в том числе ребенка) на качественно новый уровень. По мнению Л.В. Тумановой и И.А. Владимировой, на сегодняшний день такие механизмы, как ЕСПЧ, являются необходимым условием эффективной защиты прав детей [32, с. 86]. Тем не менее, очевидно, что для эффективной реализации прав детей недостаточно их признания и регламентации международным и национальным законодательством. Представляется, что современным государствам, включая и Россию, в первую очередь необходимо эффективно использовать национальное законодательство, судебную систему и возможности иных отдельных национальных органов в целях обеспечения прав детей.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. № 3358.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней» // Российская газета. 2013. 9 июля.

3. Буамар против Бельгии: Постановление Европейского суда по правам человека от 29 февраля 1988 года (жалоба № 9106/80).

4. Даджен против Соединенного Королевства. Решение Европейского суда по правам человека от 22 октября 1981 г.

5. Дело «Т. против Соединенного королевства» (Жалоба № 24724/94). Постановление (Страсбург, 16 декабря 1999 года); Дело «V. против Соединенного королевства» (Жалоба № 24888/94). Постановление (Страсбург, 16 декабря 1999 года).

6. Джонстон и другие против Ирландии: Постановление Европейского суда по правам человека от 18 декабря 1986 года (жалоба № 9697/82).

7. Драгон против Франции, Постановление Большой Палаты Европейского суда от 6 октября 2005 г., жалоба № 1513/03.

8. Калачева против Российской Федерации. Решение Европейского суда по правам человека от 7 мая 2009 г.

9. Кэмпбелл и Козенс против Великобритании: Постановление Европейского суда по правам человека от 25 февраля 1982 года (жалобы № 7511/76, 7743/76).

10. Мазурек против Франции. Постановление ЕСПЧ от 01.02.2000 по жалобе № 16574/08.

11. Никишина Н.В. против Российской Федерации (жалоба № 45665/99): решение Европейского суда по правам человека от 12 сентября 2000 г.

12. Нильсен. Судебные прецеденты Европейского суда по правам человека / под ред. с ком. Р. Лоусона, Х.Г. Шермерса. Лейден, 1997. С. 270.

13. Постановление Европейского суда по правам человека от 12.10.2006. Дело Мубиланзила Майека и Каники Митунга против Бельгии (жалоба № 13178/03).

14. Постановление Европейского суда по правам человека от 13.12.2005. Дело «Тимишев против Российской Федерации» (жалобы № 55762/00 и 55974/00).

15. Постановление Европейского суда по правам человека от 19 января 2010 г. Дело «Мусхаджиева и другие против Бельгии» (жалоба № 41442/07)

16. Постановление Европейского суда по правам человека от 20.09.1994 по делу «Институт Отто-Премингер против Австрии».

17. Постановление Европейского суда по правам человека от 24.03.1988 по делу «Олссон против Швеции».

18. Постановление Европейского суда по правам человека от 25.11.1996 по делу «Уингроу против Соединенного Королевства».

19. Постановление от 17.10.2006 по делу «Оккали против Турции», жалоба № 52067/99.

20. Р.Р. против Польши. (Жалоба № 27617/04). Постановление ЕСПЧ от 26.05.2011.

21. Тайрер против Соединенного Королевства: Постановление Европейского суда по правам человека от 25 апреля 1978 года (жалоба № 5856/72).

22. Хазе и другие против Германии. Решение ЕСПЧ от 12.02.2008 по жалобе № 34499/04.

23. Бурдо Е.П., Гаранина И.Г. Защита прав детей в практике Европейского суда по правам человека // Марийский юридический вестник. 2013. Вып. 10. С. 186–200.

24. Дженис М., Кэй Р., Бредли Э. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии): пер. с англ. М., 1997. С. 329.

25. Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М.: Норма, 2000. Т. 1. С. 231–270.

26. Ивлева Т.В., Утяшев М.М. Конституционное право ребенка на защиту в Европейском суде по правам человека // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 237–240.

27. Кравчук Н.В. Европейский суд по правам человека и защита прав детей // Право и политика. 2001. № 12. С. 109–114.

28. Кравчук Н.В. Защита прав ребенка в судебном порядке // Государство и право. 2004. № 6. С. 66–73.

29. Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации: Избранные права. М., 2002. С. 472.

30. Стецовский Ю.И. Европейский суд по правам человека и адвокатура // Адвокат. 2006. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 41–42.

32. Туманова Л.В., Владимирова И.А. Защита семейных прав в Европейском суде по правам человека. М.: Городец, 2007.

33. Цветков В.А. Защита семейных прав в Европейском суде по правам человека // Вестник Омского юридического института. 2010. № 2 (13). С. 64–67.

34. http://www.interfax.ru/russia/584976.

References (transliterated)

1. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF № 5 ot 10 oktjabrja 2003 g. «O primenenii sudami obshhej jurisdikcii obshhepriznannyh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta. 2003. № 3358.

2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 21 «O primenenii sudami obshhej jurisdikcii Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod ot 4 nojabrja 1950 goda i protokolov k nej» // Rossijskaja gazeta. 2013. 9 ijulja.

3. Buamar protiv Bel'gii: Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 29 fevralja 1988 goda (zhaloba № 9106/80).

4. Dadzhen protiv Soedinennogo Korolevstva. Reshenie Evropeĭskogo suda po pravam cheloveka ot 22 oktjabrja 1981 g.

5. Delo «T. protiv Soedinennogo korolevstva» (Zhaloba № 24724/94). Postanovlenie (Strasburg, 16 dekabrja 1999 goda); Delo «V. protiv Soedinennogo korolevstva» (Zhaloba № 24888/94). Postanovlenie (Strasburg, 16 dekabrja 1999 goda).

6. Dzhonston i drugie protiv Irlandii: Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 18 dekabrja 1986 goda (zhaloba № 9697/82).

7. Dragon protiv Francii, Postanovlenie Bol'shoj Palaty Evropejskogo suda ot 6 oktjabrja 2005 g., zhaloba № 1513/03.

8. Kalacheva protiv Rossijskoj Federacii. Reshenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 7 maja 2009 g.

9. Kjempbell i Kozens protiv Velikobritanii: Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 25 fevralja 1982 goda (zhaloby № 7511/76, 7743/76).

10. Mazurek protiv Francii. Postanovlenie ESPCh ot 01.02.2000 po zhalobe № 16574/08.

11. Nikishina N.V. protiv Rossijskoj Federacii (zhaloba № 45665/99): reshenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 12 sentjabrja 2000 g.

12. Nil'sen. Sudebnye precedenty Evropeĭskogo suda po pravam cheloveka / pod red. s kom. R. Lousona, H.G. Shermersa. Leĭden, 1997. S. 270.

13. Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 12.10.2006. Delo Mubilanzila Majeka i Kaniki Mitunga protiv Bel'gii (zhaloba № 13178/03).

14. Postanovlenie Evropeĭskogo suda po pravam cheloveka ot 13.12.2005. Delo «Timishev protiv Rossiĭskoĭ Federacii» (zhaloby № 55762/00 i 55974/00).

15. Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 19 janvarja 2010 g. Delo «Mushadzhieva i drugie protiv Bel'gii» (zhaloba № 41442/07)

16. Postanovlenie Evropeĭskogo suda po pravam cheloveka ot 20.09.1994 po delu «Institut Otto-Preminger protiv Avstrii».

17. Postanovlenie Evropeĭskogo suda po pravam cheloveka ot 24.03.1988 po delu «Olsson protiv Shvecii».

18. Postanovlenie Evropeĭskogo suda po pravam cheloveka ot 25.11.1996 po delu «Uingrou protiv Soedinennogo Korolevstva».

19. Postanovlenie ot 17.10.2006 po delu «Okkali protiv Turcii», zhaloba № 52067/99.

20. R.R. protiv Pol'shi. (Zhaloba № 27617/04). Postanovlenie ESPCh ot 26.05.2011.

21. Tajrer protiv Soedinennogo Korolevstva: Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 25 aprelja 1978 goda (zhaloba № 5856/72).

22. Haze i drugie protiv Germanii. Reshenie ESPCh ot 12.02.2008 po zhalobe № 34499/04.

23. Burdo E.P., Garanina I.G. Zashhita prav detej v praktike Evropejskogo suda po pravam cheloveka // Marijskij juridicheskij vestnik. 2013. Vyp. 10. S. 186–200.

24. Dzhenis M., Kjej R., Bredli Je. Evropejskoe pravo v oblasti prav cheloveka (Praktika i kommentarii): per. s angl. M., 1997. S. 329.

25. Evropeĭskiĭ sud po pravam cheloveka. Izbrannye reshenija. M.: Norma, 2000. T. 1. S. 231–270.

26. Ivleva T.V., Utjashev M.M. Konstitucionnoe pravo rebenka na zashhitu v Evropejskom sude po pravam cheloveka // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2011. T. 16. № 1. S. 237–240.

27. Kravchuk N.V. Evropejskij sud po pravam cheloveka i zashhita prav detej // Pravo i politika. 2001. № 12. C. 109–114.

28. Kravchuk N.V. Zashhita prav rebenka v sudebnom porjadke // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 6. S. 66–73.

29. Standarty Soveta Evropy v oblasti prav cheloveka primenitel'no k polozhenijam Konstitucii Rossijskoj Federacii: Izbrannye prava. M., 2002. S. 472.

30. Stecovskiĭ Ju.I. Evropeĭskiĭ sud po pravam cheloveka i advokatura // Advokat. 2006. № 4. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

31. Tumanov V.A. Evropejskij sud po pravam cheloveka. Ocherk organizacii i dejatel'nosti. M., 2001. S. 41–42.

32. Tumanova L.V., Vladimirova I.A. Zashhita semejnyh prav v Evropejskom sude po pravam cheloveka. M.: Gorodec, 2007.

33. Cvetkov V.A. Zashhita semejnyh prav v Evropejskom sude po pravam cheloveka // Vestnik Omskogo juridicheskogo instituta. 2010. № 2 (13). S. 64–67.

34. http://www.interfax.ru/russia/584976.

Тхакахов А.М.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Цель**: Исследование особенностей и проблем защиты прав человека и гражданина в современном геополитическом пространстве.*

***Методология**: В статье использованы метод сравнительного анализа, формально-юридический метод.*

***Результаты**: В статье рассматриваются основные тенденции защиты прав человека и гражданина в РФ и за рубежом. Автор подчеркивает особую актуальность проблемы защиты прав человека и гражданина в современном мире, более подробно останавливаясь на изучении существующих противоречий между декларативной и практической сферами защиты прав человека и гражданина. В статье устанавливается, что в настоящее время в России и в мире в целом наблюдается серьезное расхождение декларативных прав и реальной ситуации с их обеспечением и защитой. Главным условием обеспечения прав человека и гражданина является создание реальных механизмов по их защите на национальном и транснациональном уровнях.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Данная статья имеет определенную научную значимость в силу актуальности темы исследования и ее важности для современного российского общества и правовой науки. Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов для совершенствования российского законодательства в области защиты прав и свобод человека и гражданина.*

***Ключевые слова**: права человека и гражданина, правовое государство, международное право, международные соглашения, конституционные права, Конституция.*

Tkhakakhov A.M.

HUMAN RIGHTS IN THE GEOPOLITICAL SPACE

***Purpose**: To study the specifics and problems of protecting human rights and citizens in the modern geopolitical space.*

***Methodology**: The article uses a method of comparative analysis, a formal legal method.*

***Results**: The article examines the main trends in the protection of human rights and citizens in Russia and abroad. The author emphasizes the particular urgency of the problem of protecting human rights and citizens in the modern world, detailing the study of existing contradictions between the declarative and practical spheres of protection of human rights and citizens. The article establishes that at present in Russia and in the world as a whole there is a serious discrepancy between declarative rights and the real situation with their provision and protection. The main condition for ensuring human and citizen's rights is the creation of real mechanisms for their protection at the national and transnational levels.*

***Novelty/originality/valu**e: This article represents a certain scientific significance due to the relevance of the research topic and its importance for modern Russian society and legal science. The practical importance of the work lies in the possibility of applying its results to improve Russian legislation in the field of protecting human and civil rights and freedoms.*

***Keywords**: human and citizen rights, rule of law, international law, international agreements, constitutional rights, Constitution.*

В современном мире нарушения прав и свобод человека и гражданина происходят регулярно и повсеместно, чему способствуют многочисленные военно-политические конфликты, социальная и экономическая нестабильность, деятельность экстремистских и террористических организаций. Вместе с тем в динамично развивающемся современном глобальном пространстве особое значение приобретает защита прав и свобод личности на наднациональном уровне.

В Российской Федерации вопросы обеспечения и защиты прав человека и гражданина также являются крайне актуальными, учитывая, что на протяжении достаточно длительного периода в новейшей отечественной истории данная проблема не рассматривалась в числе первостепенных. Между тем надлежащий уровень защиты прав человека и гражданина является важнейшим условием существования и развития правового государства и гражданского общества.

В отечественной юридической науке вопросам обеспечения и защиты прав человека и гражданина посвящен достаточно объемный пласт научных исследований. Стоит отметить работы Г.Б. Власовой [1], В.Н. Карташова [3], М.В. Конопляниковой [5], Р.Х. Макуева [6], Б.С. Эбзеева [7]

и других исследователей. В то же время, учитывая перманентные изменения в мировой политической и экономической ситуации, изучение правовых аспектов защиты прав человека и гражданина нуждается в постоянном приращении научного знания.

В международно-правовых актах закрепляется необходимость защиты прав человека на транснациональном уровне. Основные права и свободы человека в современном мире закреплены в принятой в 1948 г. Всеобщей декларацией прав человека, которая, тем не менее, не является обязательным к исполнению во всех странах мира документом. В 1953 г. была принята Конвенция о защите прав человека и основных свобод, известная также как Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ).

В 1966 г. Организацией Объединенных Наций был принят Международный пакт о гражданских и политических правах, а в 1976 г. Генеральной Ассамблеей ООН – Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, которые также провозглашают основные права и свободы человека и гражданина в различных областях общественной жизнедеятельности.

В Российской Федерации права человека и гражданина защищены Конституцией РФ. Защите прав человека и гражданина посвящена глава 2 Конституции РФ. Россия признает основополагающие принципы защиты прав человека и гражданина на национальном и международном уровнях. В 1990-е гг. Российская Федерация, взяв курс на утверждение международных стандартов в области защиты прав человека и гражданина, приняла ряд законодательных актов, направленных на улучшение регулирования сферы прав человека в стране.

В 1998 г. была ратифицирована Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Вместе с тем, учитывая многочисленные вызовы и риски современности, интересы национальной безопасности государства, международной безопасности в сфере борьбы с терроризмом и организованной преступностью требуют определенных ограничений прав и свобод человека и гражданина – как на национальном, так и на международном уровнях. Ограничение прав и свобод является одним из объективно необходимых компонентов правового регулирования жизнедеятельности современного общества.

Для объективного взгляда на ситуацию с защитой прав и свобод человека и гражданина, складывающуюся в России и в мире в целом, необходимо учитывать не только декларативные формулировки международных и национальных правовых документов, но и реальную ситуацию, которая гораздо сложнее и определяется политическими, экономическими, социальными, культурными факторами. Поэтому конституционное закрепление ценности прав и свобод человека и гражданина, равным образом, как и утверждение этих ценностей в международных правовых документах, еще не означают реальность их защиты в повседневной жизни.

Именно в сфере прав человека наиболее очевидно противоречие между декларативным характером международных и национальных правовых документов и их практическим воплощением. Однако очевидность этого противоречия не освобождает государство от обязанности создания таких условий жизни, которые бы отвечали декларируемым в международных актах и Конституции РФ ценностям прав и свобод человека и гражданина.

Права человека и гражданина, закрепленные соответствующими правовыми документами, требуют создания эффективных механизмов реализации, отсутствие которых фактически низводит существующие нормативные акты на уровень фиктивных [2]. Именно на инструментальном уровне современный мир сталкивается с серьезными проблемами в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

С целью совершенствования российского правозащитного законодательства еще в 1994 г. был создан институт Уполномоченного по правам человека при Президенте Российской Федерации. Данная мера стала важным нововведением в сфере защиты прав человека и гражданина, однако следует отметить, что до сих пор полномочия омбудсменов в Российской Федерации не являются широкими и не позволяют им в полной мере использовать потенциал данного института для защиты прав и свобод российских граждан.

Очень серьезной проблемой остается возможность защиты прав российских граждан за рубежом. В последние годы известно несколько «громких дел», связанных с арестом и задержанием граждан РФ в других государствах, при этом права российских граждан были нарушены. Однако единственными мерами, которые смогла предпринять РФ, стали декларативные заявления МИД РФ. Отсутствие реальных механизмов защиты прав человека в геополитическом пространстве не позволило Российской Федерации должным образом отреагировать на нарушение прав своих граждан вследствие их ареста зарубежными спецслужбами (пример, арест в третьей стране –

Либерии – летчика Константина Ярошенко сотрудниками спецслужб США является тому подтверждением) [4].

В особом внимании нуждается в современной России сфера социально-экономических прав и свобод человека и гражданина, к которым относятся право на труд, право на собственность и т. д. Конституцией РФ в статье 34 закрепляется право человека и гражданина на ведение предпринимательской деятельности, а кроме того, статьей 55 устанавливаются конституционные пределы государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Переход России к рыночной экономике, совершенный в 1990-е годы, стал важнейшим политико-экономическим фундаментом для реализации данного права. Однако и в настоящее время предприниматели сталкиваются с регулярными примерами нарушения своих прав и свобод. С целью защиты прав предпринимателей был введен институт Уполномоченного по правам предпринимателей при Президенте Российской Федерации, однако, учитывая масштабы преследований российского бизнеса, создания бюрократических препятствий, компетенции данного института в современных условиях также нуждаются в расширении.

В современных геополитических условиях, учитывая сложность мировой политической ситуации, права человека и гражданина нуждаются не столько в дополнительном декларативном подтверждении, сколько в укреплении реальных механизмов, направленных на их защиту. В этом контексте рост политических и экономических возможностей российского государства становится важнейшим фактором расширения участия России в защите прав и свобод своих граждан за пределами страны.

Пристатейный библиографический список

1. Власова Г.Б. Права и свободы человека и гражданина в современном мире: коллективная монография / под общ. ред. Г.Б. Власовой. Ростов н/Д: Фонд науки и образования: Наука-Спектр, 2016.

2. Галкин И.В. Проблема обеспечения эффективной реализации законодательства в сфере защиты прав человека в Российской Федерации // Lex Russica. 2016. № 2 (111). С. 10–28.

3. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособ.: в 2 т. Ярославль, 2006.

4. Когалов Ю. МИД будет добиваться возвращения осужденного в США летчика Ярошенко [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2017/12/06/mid-budet-dobivatsia-vozvrashcheniia-osuzhdennogo-v-ssha-letchika-iaroshenko.html

5. Коноплянникова М.В. Конституционная концепция обеспечения прав и свобод человека и гражданина в РФ: актуальность изучения и воплощения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. С. 151–155.

6. Макуев Р.Х. Теоретический анализ признаков правового государства и перспектив его построения в Российской Федерации // Современное общество и право. 2016. № 3 (24). С. 11–12.

7. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

References (transliterated)

1. Vlasova G.B. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina v sovremennom mire: kollektivnaja monografija / pod obshh. red. G.B. Vlasovoj. Rostov n/D: Fond nauki i obrazovanija: Nauka-Spektr, 2016.

2. Galkin I.V. Problema obespechenija jeffektivnoj realizacii zakonodatel'stva v sfere zashhity prav cheloveka v Rossijskoj Federacii // Lex Russica. 2016. № 2 (111). S. 10–28.

3. Kartashov V.N. Teorija pravovoj sistemy obshhestva: ucheb. posob.: v 2 t. Jaroslavl', 2006.

4. Kogalov Ju. MID budet dobivat'sja vozvrashhenija osuzhdennogo v SShA letchika Jaroshenko [Jelektronnyj resurs]. URL: https://rg.ru/2017/12/06/mid-budet-dobivatsia-vozvrashcheniia-osuzhdennogo-v-ssha-letchika-iaroshenko.html

5. Konopljannikova M.V. Konstitucionnaja koncepcija obespechenija prav i svobod cheloveka i grazhdanina v RF: aktual'nost' izuchenija i voploshhenija // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. S. 151–155.

6. Makuev R.H. Teoreticheskij analiz priznakov pravovogo gosudarstva i perspektiv ego postroenija v Rossijskoj Federacii // Sovremennoe obshhestvo i pravo. 2016. № 3 (24). S. 11–12.

7. Jebzeev B.S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossijskoj Federacii. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2013.

Канатов Т.К.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В СТРАНАХ ЕАЭС

***Цель**: Исследовать актуальные проблемные вопросы касательно реализации исключительных прав авторов в странах ЕАЭС.*

***Методология**: Использовались системно-структурные, конкретно-социологические, историко-правовые, социально-правовые, сравнительно-правовые, статистические методы работы.*

***Результаты**: Все выводы и предложения, которые были вынесены в результате работы над статьей, основываются на международном законодательстве и нормативно-правовой базе стран ЕАЭС, ратифицированных странами данного союза. Актуальность и значимость данной работы заключается в проведении анализа реализации исключительных прав авторов в странах ЕАЭС. Особая значимость данного исследования в том, что выработанные теоретические положения в будущем могут быть использованы при изучении и рассмотрении проблем реализации исключительных прав авторов в странах ЕАЭС. Следовательно, данным исследованием автор вносит весомый вклад в теорию гражданского права.*

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть актуальные проблемные вопросы реализации исключительных прав авторов в странах ЕАЭС.*

***Ключевые слова**: авторское право, исключительное право, договор, евразийский, экономический.*

Kanatov T.K.

THE IMPLEMENTATION OF EXCLUSIVE RIGHTS IN THE EEU

***Purpose**: To investigate current problem issues regarding the implementation of exclusive authors' rights in the EEA countries.*

***Methodology**: Use of system-structural, concrete-sociological, historical-legal, social-legal, comparative-legal, statistical methods of work.*

***Results**: All the conclusions and proposals that were made as a result of the work on the article are based on international legislation and the legal framework of the EEA countries, ratified by the countries of this union. The relevance and significance of this work is to carry out an analysis of the implementation of exclusive authors' rights in the EAEC countries.*

The special significance of this research is that the theoretical principles of this work developed in the future can be used for further studying and considering issues related to the specific problems of the implementation of exclusive authors' rights in the EEA countries. Consequently, this author makes a significant contribution to the theory of civil law.

***Novelty**/**originality**/**value**: The article has a high scientific value, as it is one of the first attempts to consider the current problematic issues of the implementation of exclusive authors' rights in the EEA countries.*

***Keywords**: copyright, exclusive right, contract, Eurasian, economic.*

В странах ЕАЭС, как известно, гарантируются авторские права. Они закреплены в законодательстве стран ЕАЭС. Их реализация зависит от правовой природы и содержания исключительного права, признаний авторских прав на территории иностранных государств. Рассмотрим их в рамках данного исследования.

Правовая природа и содержание исключительного авторского права. Категория исключительных прав еще недостаточно четко разработана в юридической литературе, хотя как институт существует с 1900 года. Разработанная Й. Колером, она получила распространение в работах Ф. Аллфельда (1904), А. Эльстера (1928). Необходимо отметить, что в юридической литературе встречаются различные трактовки, от «толкования их неотчуждаемыми и неотторжимыми от личности автора в течение всей его жизни до полного отрицания этого понятия» [1, с. 13].

По мнению Н.М. Коршунова, понятие интеллектуальной собственности для России является «во многом чужеродным, трудно сопрягающимся с традиционными российскими конструкциями правовой охраны материальных и нематериальных благ, имущественных и неимущественных прав» [5, с. 96]. В законодательстве стран ЕАЭС на данный момент повсюду используется понятие «интеллектуальная собственность», несмотря на то, что для наших стран оно сравнительно новое.

Согласно ст. 1229 ГК РФ исключительное право применяется к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и состоит в том, чтобы

использовать этот результат по своему усмотрению любым разрешенным законом способом.

Бельгийский юрист Э. Пикар в 1879 году ввел термин «интеллектуальные права», впоследствии введенный законодателем в ГК РФ. В соответствии с теорией Э. Пикара права на результаты интеллектуальной деятельности не являются ни вещными, ни обязательственными, ни личными, то есть выходят за рамки классического деления прав, принятого в римском праве. По мнению ученого, «вещные права предполагают материальный объект и собственность, в то время как интеллектуальные права – умственный объект и исключительность» [9, p. 53].

По мнению И.В. Евстафьевой, интеллектуальные права – это совокупность всех видов прав авторов результатов интеллектуальной деятельности, возникающих в связи с созданием такого результата и с момента его создания. Поэтому они неотделимы от самого результата и являются следствием создания охраняемого продукта интеллектуальной деятельности [4, с. 99].

Признание авторских прав на территории иностранных государств. Сделки, предметом которых выступают результаты интеллектуальной деятельности, все более распространены и в государствах ЕАЭС, и за рубежом. В то же время регламентирование сделок, которые осложняет иностранный элемент, подчиняется действию международного частного права, ключевой вопрос которого заключается в выборе применимого права. Следует подчеркнуть, что коллизионные вопросы в сфере интеллектуальных прав как прежде законодательно не урегулированы в значительном числе зарубежных стран. Наряду с этим, соответствующие положения включены в законы о международном частном праве в таких странах, как Австрия, Швейцария, Италия, Эстония, которые придерживаются принципа применения права государства, на территории которого испрашивается охрана (lex loci protections). В других государствах (Португалия и Румыния) законодатель отдал предпочтение праву государства происхождения произведения (lex originis) [6, с. 448–592].

Охрана личных неимущественных авторских прав на территории стран ЕАЭС применяет национальный режим.

«Нематериальные активы» в странах ЕАЭС. Законное определение нематериального актива включено в раздел 9-102(a)(42) Единообразного коммерческого кодекса США 1952 г. (с изм. от 2003 г.), где «общая нематериальная (неосязаемая) собственность» подразумевает какое-либо движимое имущество. Исключением являются счета, бумаги, удостоверяющие имущественный интерес, коммерческие деликтные иски, депозитные счета, документы, товары, инструменты, инвестиционная собственность, права по аккредитиву, аккредитивы, деньги и нефть, газ и другие полезные ископаемые до добычи. Понятие включает оплачиваемую неосязаемую собственность и программное обеспечение [7].

В соответствии с профессиональным толкованием, которое предложили американские адвокаты Вестон Ансон (Weston Anson) и Дэвид Дрюз (David C. Drews), определение нематериальных активов может быть сформулировано посредством совокупности перечисленных ниже признаков:

1) необходимо, чтобы активы были определяемыми в общем смысле;

2) нематериальными активами может законно владеть кто-либо;

3) возникновение (разработка) нематериальных активов может быть прослежена с самого начала;

4) нематериальные активы могут иметь юридическую защиту (это касается также интеллектуальной собственности);

5) должно быть обязательно доказательство возникновения / создания нематериальных активов в виде договора, регистрации баз данных и т. п.;

6) нематериальные активы имеют четко установленный и / или специфический возобновляемый срок действия;

7) нематериальные активы в качестве таковых обладают похожими или сравнимыми активами на рынке или в других компаниях;

8) стоимость нематериальных активов можно рассчитать (оценить).

В ч. 3 ст. 257 Налогового кодекса РФ дается определение нематериальных активов, под ними признаются приобретенные и (или) созданные налогоплательщиком результаты интеллектуальной деятельности и иные объекты интеллектуальной собственности, используемые в производстве продукции (выполнение работ, оказание услуг) или для управленческих нужд организации в течение длительного времени (продолжительностью свыше 12 месяцев).

Помимо прочего, необходимо выделить Приказ № 153н, определивший нижеследующие условия:

1) наличие, способность приносить налогоплательщику экономическую выгоду (прибыль) в будущем;

2) соответствующим образом оформленные документы, подтверждающие наличие самого

нематериального актива (патенты, свидетельства и прочие охранные документы) и (или) исключительного права у налогоплательщика на результаты интеллектуальной деятельности;

3) возможность выделения или отделения (идентификации) объекта от других активов;

4) возможность доподлинно установить реальную (изначальную) стоимость объекта;

5) отсутствие материально-вещественной формы у объекта.

Понятие «интеллектуальные права» и его реализация в странах ЕАЭС. Определение «интеллектуальные права» стал использовать еще в 1879 г. бельгийский юрист Э. Пикар [8, p. 53]. Согласно его теории, интеллектуальные права представляют собой права, находящиеся вне классической триады вещных, обязательственных и личных прав, которая была принята в римском праве. Э. Пикар считал, что всякое интеллектуальное право относится к замыслу автора, а не к материальному осуществлению этого замысла. С его точки зрения, вещные права предусматривают материальный объект и собственность, тогда как интеллектуальные права являются умственным объектом и исключительностью. Свои усилия Э. Пикар направил на выявление проприетарной теории, которая отождествляла материальные объекты с идеальными объектами, распространяя режим права собственности [3].

Определение «интеллектуальные права» уже многие десятилетия используется в зарубежной науке. В частности, во Франции содержание понятия «интеллектуальные права» включает исключительно личные неимущественные права.

В отечественной науке использование термина «интеллектуальные права» было предложено В.А. Дозорцевым, который считал, что они содержат одновременно с исключительным правом и личные неимущественные права авторов творческого результата [2, с. 4–17].

В заключение хотелось бы отметить, что реализация исключительных прав зависит от правовой природы и содержания исключительного права, признаний авторских прав на территории иностранных государств, что очень важно для законодательства стран ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Близнец И.А., Леонтьев К. Право интеллектуальной собственности: цели и средства // ИС. Авторское право и смежные права. 2003. № 2. С. 13.
2. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации // Законодательство и экономика. 1998. № 7. С. 4–17.
3. Еременко В.И. Соотношение понятий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2008. № 10.
4. Евстафьева И.В. Правовое регулирование международного оборота имущественных авторских прав: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 99.
5. Коршунов Н.М. Право интеллектуальной собственности: Российская модель. С. 96.
6. Международное частное право. Иностранное законодательство. М.: Статут, 2001. С. 448–592.
7. Intangible assets [Электронный ресурс]. URL: www://en.wikipedia.org.
8. Hennebicq Leon. Les droits intellectuels et universels. Les Novelles. Corpus Juris Belgici. Bruxelles, 1936. P. 53.

References (transliterated)

1. Bliznec I.A., Leont'ev K. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: celi i sredstva // IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2003. № 2. S. 13.
2. Dozorcev V.A. Intellektual'nye prava: Ponjatie. Sistema. Zadachi kodifikacii // Zakonodatel'stvo i jekonomika. 1998. № 7. S. 4–17.
3. Eremenko V.I. Sootnoshenie ponjatij «intellektual'naja sobstvennost'» i «iskljuchitel'nye prava» v Grazhdanskom kodekse Rossijskoj Federacii // Zakonodatel'stvo i jekonomika. 2008. № 10.
4. Evstaf'eva I.V. Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnogo oborota imushhestvennyh avtorskih prav: dis. … kand. jurid. nauk. Saratov, 2012. S. 99.
5. Korshunov N.M. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: Rossijskaja model'. S. 96.
6. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Inostrannoe zakonodatel'stvo. M.: Statut, 2001. S. 448–592.
7. Intangible assets [Jelektronnyj resurs]. URL: www://en.wikipedia.org.
8. Hennebicq Leon. Les droits intellectuels et universels. Les Novelles. Corpus Juris Belgici. Bruxelles, 1936. P. 53.

Минязева Т.Ф.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ЧЕЛОВЕКА ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА

***Цель**: Обосновать необходимость использования в деятельности по выявлению и профилактике террористических угроз методов психологической диагностики человека.*

***Методология**: В статье использованы теоретико-прикладной, системно-структурный, формально-юридический, логический методы исследования, методы анализа и синтеза.*

***Результаты**: В статье поднята проблема использования методов современной психологической диагностики человека при проведении профилактических мероприятий по выявлению террористических угроз. Показана роль диагностической информации в санкционировании проведения оперативных мероприятий в отношении лиц, склонных к террористической деятельности.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья отличается научной новизной постановки вопроса применительно к проблеме профилактики террористических угроз и содержит оригинальные предложения по совершенствованию действующего законодательства в части ответственности за кибертерроризм и повышения эффективности мер профилактики терроризма.*

***Ключевые слова**: террористические угрозы, меры профилактики, психологическая диагностика человека, кибертерроризм.*

Minyazeva T.F.

PSYCHOLOGICAL DIAGNOSIS OF A PERSON IN DEALING WITH THE PREVENTION OF TERRORISM.

***Purpose**: To justify the need to use methods of psychological diagnosis of a person in the activity to identify and prevent terrorist threats.*

***Methodology**: The article uses theoretical-applied, system-structural, formal-legal, logical, research methods, methods of analysis and synthesis.*

***Results**: The article raises the problem of using the methods of modern psychological diagnostics of a person when carrying out preventive measures to identify terrorist threats. The role of diagnostic information in the sanctioning of carrying out operational measures in relation to persons prone to terrorist activities is shown.*

***Novelty/originality/value**: The article is distinguished by the scientific novelty of the statement of the problem with reference to the problem of the prevention of terrorist threats and contains original proposals for the improvement of the current legislation in parts of responsibility for cyber terrorism and increasing the effectiveness of the prevention of terrorism.*

***Keywords**: terrorist threats, prevention measures, psychological diagnosis of a person, cyberterrorism.*

В 2017 г. в мире совершено более двадцати крупных террористических актов, погибли свыше 500 человек, более миллиона человек пострадали. Приведем отдельные примеры терактов 2017 г. 1 января 2017 г. в Стамбуле террорист-одиночка с огнестрельным оружием в руках напал на ночной клуб. Погибли 39 человек, пострадали более 60 человек; 5 января в провинции Латакия, находящейся под контролем сирийского правительства, террорист въехал на заминированном автомобиле в толпу прохожих. Погибли 15 человек, более 40 получили ранения. 3 апреля – взрыв бомбы в метро Санкт-Петербурга на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт». Погибли 15 человек, 103 человека пострадали [1]. 22 мая во время концерта американской певицы Арианны Гранде на городском стадионе «Манчестер Арена» в Манчестере смертник-террорист устроил подрыв бомбы, в результате которого сразу погибли двадцать человек и более ста получили ранения [2]. 15 сентября совершен теракт в Лондоне (метро «Парсон Грант»), в результате которого было госпитализировано 18 человек [3]. 2 октября ночью 64-летний американец Стивен Пэддок открыл стрельбу из номера своего отеля по толпе посетителей фестиваля кантри-музыки «Route 91» в Лас-Вегасе. Погибли 59 человек, пострадали более 400. В номере отеля правоохранители обнаружили более 10 винтовок [4].

Эти и другие террористические акты совершены в условиях, когда в мире давно уже созданы высокотехнологичные средства наблюдения за происходящим в общественных местах (в транспорте, на вокзалах, аэропортах, магазинах, в театрах и пр.), позволяющие оперативно проследить наличие у входящих лиц запрещенных предметов и веществ и, тем более, проконтролировать груз въезжающего транспорта.

Но как объяснить проникновение с огнестрельным оружием в руках в ночной клуб Стамбула террориста-одиночки, пронос в метро в Санкт-Петербурге бомбы или въезд террориста на заминированном автомобиле в находящуюся под контролем сирийского правительства провинцию Латакия, длившийся несколько дней беспрепятственный пронос в номер отеля в Лас-Вегасе американцем Стивеном Пэддок оружия и боеприпасов?

Приходится констатировать, что должная безопасность граждан в разных странах не обеспечивается в связи с небрежным отношением уполномоченных законом органов к исполнению возложенной на них обязанности оперативно реагировать на поведение подозрительных лиц, недостаточным их профессионализмом. В определенной мере сказываются дефицит современного технического оснащения работников службы обеспечения безопасности, отсутствие у них полномочий на принятие мер реагирования в отношении таких лиц.

В Российской Федерации антитеррористическая деятельность лиц, входящих в комиссии и оперативные штабы, призванные Указом Президента Российской Федерации от 26.12.2015 № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» осуществлять контроль за исполнением решений Комитета и Федерального оперативного штаба за состоянием общегосударственной системы противодействия терроризму, не обрела должного уровня компетенции. Лица, призванные предотвращать готовящиеся террористические акты, в период относительного затишья теряют бдительность и активизируют свою деятельность на этапе устранения или минимизации вреда, причиненного совершенными деяниями.

В мировом пространстве, как и в отдельно взятой стране, отсутствует комплексная, взаимосвязанная, учитывающая основные тенденции совершенствования технической оснащенности и жестокости террористов, масштабы развития террористической деятельности система взаимодействия субъектов профилактики преступлений.

Террористический акт, независимо от того, совершается ли он террористом-одиночкой или группами террористов, – преступление, требующее тщательной подготовки. Ряд подготовительных к террористическому акту действий образует самостоятельные виды тяжких или особо тяжких преступлений: угроза совершения акта терроризма, склонение лиц для совершения преступлений, связанных с террористической деятельностью, финансирование терроризма, участие в террористическом сообществе (ст. 205; 205,1; 205.4) и другие.

Согласно всем понятиям терроризма («социальное явление», будоражащее мир; собственно «террористический акт», то есть совершение действий, его образующих; «террористические угрозы» как террористическая деятельность, направленная на совершение террористических актов) эффективность противодействия ему определяется способностью соответствующих органов выявлять «террористические угрозы» и не допускать развития начавшейся террористической деятельности.

«Террористические угрозы» как деяния, направленные только на создание условий для совершения террористических актов, – понятие оценочное. С учетом положений действующего законодательства и правовой доктрины [5, 6, 7] террористические угрозы можно определить как действия, направленные на пропаганду идеологии насилия, устрашение населения причинением тяжких последствий охраняемым законом объектам, интересам государства и имеющие цель дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций, либо воздействовать на принятие ими решений, либо цель провокации войны или осложнения международных отношений, нарушения мирного сосуществования государств и народов.

Террористическую угрозу в широком понимании создают разные деяния, предусмотренные административным и уголовным законодательством. Например, террористическую угрозу могут представлять такие административные правонарушения, как «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами», «Невыполнение требований и мероприятий в области гражданской обороны», «Нарушение правил производства, приобретения, продажи, передачи, хранения, перевозки, ношения, коллекционирования, экспонирования, уничтожения или учета оружия и патронов к нему, а также нарушение правил производства, продажи, хранения, уничтожения или учета взрывчатых веществ и взрывных устройств, пиротехнических изделий, порядка выдачи свидетельства о прохождении подготовки и проверки знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с

оружием или медицинских заключений об отсутствии противопоказаний к владению оружием» (ст. 20.3, 20.7, 20.8 и др. КоАП РФ). Террористическую угрозу представляют такие преступления, как «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов», «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, преступления экстремистской направленности» (ст. 222, 226, 226.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 и др. УК РФ).

Совершение перечисленных административных правонарушений и преступлений не обязательно направлено на совершение террористического акта, но лица, их совершающие, потенциально способны поддаться влиянию организаторов последнего.

Такие деяния, как угроза совершения действий, создающих реальную опасность совершения террористического акта либо акта международного терроризма (ч. 1 ст. 205 УК РФ, ч. 1 ст. 361 УК РФ); содействие террористической деятельности: склонение, вербовка, финансирование и т. п. (ст. 205.1, ч. 2 ст. 361 УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ); прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ); организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ); организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ); несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ); организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ); незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ); приготовление к совершению взрыва, поджога и др. действий, относящихся к террористическому акту или к акту международного терроризма (ст. 205 УК РФ, ч. 1, 3 ст. 361 УК); захват заложника (ст. 206 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ); хищения либо вымогательства ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ); посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ); вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ); нападение на лица или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ), представляют реальную террористическую угрозу и караются уголовным законом.

Санкции, установленные уголовным законом за преступления, образующие террористические угрозы, несмотря на их строгость (вплоть до максимального предела лишения свободы на определенный срок и пожизненного, например за организацию террористического сообщества (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ предусмотрено лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненное)), как показывают реалии, во-первых, не достигают главной предупредительной цели и, во-вторых, являются вспомогательным и крайним средством борьбы с террористической деятельностью, особенно когда используют тщательно замаскированных террористов-смертников или когда действуют психически неуравновешенные террористы-одиночки.

Допущение совершения террористических актов – последствие неэффективности работы субъектов профилактики правонарушений, к которым ст. 5 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» относит федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры РФ, следственные органы Следственного комитета РФ, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления. Причиной неэффективности работы перечисленных субъектов является недостаточное их международное сотрудничество и взаимодействие со спецслужбами разных государств, с институтами гражданского общества, научными центрами и бизнес-сообществами.

Очевидно, что в современный период приоритет в профилактической работе должен быть отдан поиску и использованию новых форм и методов организационных механизмов работы с населением на основе методик социальной, психологической диагностики человека, позволяющих с высокой степенью вероятности выявлять потенциальных террористов, людей, поведение которых может рассматриваться как создание террористической угрозы. Допустимость исполь-

зования метода психологической диагностики человека как средства выявления террористических угроз позволит совершенствовать информационно-психологические меры их профилактики [8].

В свою очередь, информационно-психологические меры профилактики террористических угроз усилят регуляцию влияния социально-психологического фактора нагнетания страха на людей в сторону неприятия идеологии насилия.

Террористические угрозы являются сущностной составляющей глобализации мировой экономики, социально-культурной сферы, они оказывают влияние на решение всеобщих проблем человечества. Эти угрозы исходят от реальных людей, они дестабилизируют нормальную жизнь социума, в силу чего акцент в противодействии им должен быть сделан на информационно-психологических мерах воздействия на население и мерах психологической диагностики человека.

В современном мире от информационной безопасности зависит и национальная безопасность, «с развитием технических средств и информационного общества данная зависимость будет расти» [9].

Создателями террористических угроз широко используется массовая пропаганда идей терроризма через информационно-телекоммуникационные сети, обладающие высоким международным потенциалом, послужившая включению в оборот термина «кибертерроризм». Для достижения поставленных целей кибертеррористы создают специальное программное обеспечение, рассчитанное на несанкционированный доступ в социальную сеть, проникают в компьютерные системы и организуют удаленные атаки на информационные ресурсы интересующего их объекта (жертвы) [10]. Не исключены программные закладки и вирусы, в том числе и сетевые, осуществляющие съем, модификацию или уничтожение информации. Это относительно новый вид террористических угроз, которые можно назвать «кибербомбой», или «информационным оружием», средством психологического воздействия на человека.

В качестве профилактики кибертеррористических угроз важны не только основанные на психологической диагностике человека контрмеры психолого-информационного противодействия идеологии насилия, но и установление ответственности (административной и (или) уголовной) за неисполнение контент-менеджерами обязанности удаления информации, содержащей призывы к террористической деятельности, набору для обучения осуществлению террористической деятельности и др.

В законе следует прописать период времени, в течение которого должна быть удалена появившаяся в сети «Интернет» информация.

Социальные сети могут активизировать деятельность спецслужб по реагированию на выявленные с их помощью террористические угрозы. Например, мероприятиями ФСБ РФ были выявлены закрытые виртуальные беседы террористов в мессенджере Telegram, из которых получены данные о конкретных членах террористических группировок и преступных связях внутри России и стран Центральной Азии. Кроме того, спецслужбам удалось узнать о планах террористов и местах их предполагаемого нахождения [11].

Проявление террористической угрозы можно заметить в поведении отдельных людей. Стратегическая ориентация профилактики террористических актов и ряда других насильственных преступлений в сложившейся в настоящее время ситуации должна быть направлена на выявление лиц, склонных к проявлению агрессии. Это могут быть лица, поддающиеся психологическому воздействию или страдающие психологическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и прочие.

Конечно, подозрительное поведение человека не означает его причастность к тому или иному деянию, связанному с террористической деятельностью. Однако при определенной профессионально грамотной оценке поведения человека и основанной на законе деятельности органов по наблюдению за таким лицом можно либо опровергнуть его причастность к готовящемуся или совершенному общественно опасному деянию, либо, напротив, установить его причастность к нему.

Представляется, что в решении проблем повышения эффективности профилактики как терроризма, так и ряда других преступлений, вопросу о допустимости проведения психологической диагностики человека и применения её результатов в деятельности соответствующих органов не уделено должного внимания. О значении психологической диагностики человека лишь говорят как о средстве противодействия преступлениям насильственного характера, связанным с террористической деятельностью, с наркобизнесом и другими.

С помощью психодиагностики – отрасли знаний, появившейся в конце XIX века, сегодня можно выявлять психологические особенности человека, раскрывающие его внутренний потенциал во всех сферах жизни. Назрела потребность в оценке индивидуально-психологических особенностей людей в деятельности по профилактике престу-

плений, в том числе и по выявлению террористических угроз. Анализ степени влияния изменений условий среды на психологическое состояние человека, психологии личности и межличностных отношений призван помочь человеку снять психологическое напряжение, принять правильное решение с наименьшими потерями для его нервной системы.

Террористические акты не только в момент их совершения, но и по прошествии времени препятствуют работе ряда институтов гражданского общества, уносят жизни людей, наносят вред здоровью человека. Они опасны еще и тем, что влекут непредсказуемое развитие отдаленных по времени последствий, причиненных уже совершенным актом террора лицам, побывавшим в очаге события, их близким, другим людям. Терроризм, как опаснейшее явление современной действительности, имеет множество форм проявления, причиняет вред разным объектам (на земле, водах, в воздушном пространстве, в сети «Интернет»), включая объекты критической инфраструктуры, связанные с использованием ядерных материалов, создает состояние угрозы опасности в обществе.

В обоснование идеи проведения мероприятий по психологической диагностике тех или иных лиц как профилактики терроризма может быть положена специфика осуществления террористической деятельности в том или ином государстве, регионе. Например, в Российской Федерации усиливается террористическая активность на Северном Кавказе и активность так называемого вооруженного подполья. Последнее напрямую связано с «возвращением боевиков из Сирии, а также с тем, что многие экстремисты уже не стремятся уехать туда и остаются в России. Спящие ячейки Исламского государства (большие и маленькие группы, частные лица) можно обнаружить по всей России, включая Дальний Восток, Сибирь и даже Крайний Север. Наблюдается так называемая «диверсифицируемая» террористическая опасность.

Использование методики психологической диагностики человека эффективно для выявления лиц, пропагандирующих и организующих террористическую деятельность; лиц, склонных к участию в такой деятельности, и лиц, готовящихся к террористическим актам. По итогам диагностики соответствующая информация должна оперативно поступать в орган, возглавляющий государственную систему предупреждения террористических угроз. Профилактической мерой психологического характера в борьбе с терроризмом следует признать подготовку особых специалистов-психологов, способных противопоставлять распространителям идеологии террора иные социальные ценности, формировать у граждан стойкое неприятие террористической идеологии.

Особые меры индивидуальной профилактической работы по защите от воздействия идей терроризма с привлечением специалистов-психологов следует предпринять в отношении несовершеннолетних и лиц молодежного возраста, совершивших преступления или иные общественно опасные деяния. Такую работу целесообразно осуществлять дифференцированно: в период исполнения в отношении указанных лиц мер государственного принуждения и в период первого года после их освобождения от отбывания наказания, как наиболее уязвимой части населения с неустоявшейся психикой.

Воплощение в борьбе с террористическими угрозами идеи психологической диагностики человека создаст платформу для модернизации мер защиты потенциальных объектов террористических посягательств (мест массового скопления людей, особенного детей и молодежи, объектов жизнеобеспечения и сети «Интернет») с учетом предполагаемого или установленного уровня террористической опасности. Это в свою очередь даст импульс должному функционированию государственной системы мониторинга информации и оповещения населения о возникновении угрозы акта терроризма.

Использование диагностической информации в процессе выявления террористических угроз позволит повысить эффективность деятельности органов профилактики. Диагностическая информация может служить аргументом санкционирования проведения оперативных мероприятий в отношении лиц, склонных к террористической деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Хроника трагедий: самые крупные теракты в 2016–2017 годах [Электронный ресурс]. URL: http://sarov24.ru/mneniya/892-a.html.
2. Самые громкие теракты в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: https://versiya.info/mozaika/14832.
3. https://novayagazeta-ug.ru/news/u17685/2017.
4. Трамп назвал стрельбу в Лас-Вегасе «актом абсолютного зла» [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/world/38051026-tramp-vyskazalsya-o-boyne-v-las-vegase/.
5. Российское уголовное право. Общая и Особенная части. Т. 3. Особенная часть / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2014 С. 15–18.
6. Кибальник А.Г., Суворов В.А. Акт международного терроризма – новое преступление против мира

и безопасности человечества // Уголовное право. 2016. № 6.

7. Костенко Н.И. Международное уголовное право на современном этапе: тенденции и проблемы развития. М., 2014. С. 290–292.

8. Собольников В.В., Путятин В.Д. Терроризм как юридико-психологическое явление – проблемно-психологический анализ и перспективы противодействия // Российский следователь. 2016. № 10. С. 40.

9. Степанов-Егиннц В.Г. Ответственность за преступления против компьютерной информации в уголовном законодательстве Российской Федерации. М.: Статут, 2016. С. 7.

10. ЧердяееваН.С. Международный терроризм. М.: Проспект 2017. С. 110–118.

11. Глава ФСБ: Террористы ведут закрытые чаты в популярном мессенджере [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/accidents/2279132.html.

References (transliterated)

1. Hronika tragedij: samye krupnye terakty v 2016–2017 godah [Jelektronnyj resurs]. URL: http://sarov24.ru/mneniya/892-a.html.

2. Samye gromkie terakty v 2017 godu [Jelektronnyj resurs]. URL: https://versiya.info/mozaika/14832.

3. https://novayagazeta-ug.ru/news/u17685/2017.

4. Tramp nazval strel'bu v Las-Vegase «aktom absoljutnogo zla» [Jelektronnyj resurs]. URL: https://news.rambler.ru/world/38051026-tramp-vyskazalsya-o-boyne-v-las-vegase/.

5. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obshhaja i Osobennaja chasti. T. 3. Osobennaja chast' / pod red. N.A. Lopashenko. M., 2014 S. 15–18.

6. Kibal'nik A.G., Suvorov V.A. Akt mezhdunarodnogo terrorizma – novoe prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva // Ugolovnoe pravo. 2016. № 6.

7. Kostenko N.I. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo na sovremennom jetape: tendencii i problemy razvitija. M., 2014. S. 290–292.

8. Sobol'nikov V.V., Putjatin V.D. Terrorizm kak juridiko-psihologicheskoe javlenie – problemno-psihologicheskij analiz i perspektivy protivodejstvija // Rossijskij sledovatel'. 2016. № 10. S. 40.

9. Stepanov-Eginnc V.G. Otvetstvennost' za prestuplenija protiv komp'juternoj informacii v ugolovnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii. M.: Statut, 2016. S. 7.

10. CherdjaeevaN.S. Mezhdunarodnyj terrorizm. M.: Prospekt 2017. S. 110–118.

11. Glava FSB: Terroristy vedut zakrytye chaty v populjarnom messendzhere [Jelektronnyj resurs]. URL: https://regnum.ru/news/accidents/2279132.html.

Московская городская коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов»

Moscow city Bar Collegium's «Moscow Guild of lawyer and legal advisers»

осуществляет квалифицированную юридическую помощь по следующим направлениям:

– правовое обслуживание бизнеса (представление интересов предпринимателей в арбитражных судах всех инстанций; защита чести, достоинства и деловой репутации; защита права собственности, владения; арендные отношения с федеральными и муниципальными органами власти; претензионное производство; досудебное урегулирование споров на этапе переговоров; правовое сопровождение антикризисных процедур);

– уголовное право, ведение уголовных дел различной категории, защита на предварительном расследовании и в суде (более 100 успешно проведенных дел: прекращение на стадии расследования, условное осуждение, мировые соглашения), защита прав потерпевших от преступлений; условно-досрочное освобождение (неоднократно добивались положительных результатов);

– гражданское право (бракоразводные процессы, раздел имущества, определение порядка общения с ребенком; признание права собственности на квартиру, долю в квартире, выселение; споры с ТСЖ; споры со страховыми компаниями (ОСАГО, КАСКО)).

Вы можете обратиться к нам по адресу:
Юридический адрес: 115404, Россия, г. Москва, ул. Бирюлевская, д. 5, корп. 2, оф. 402.
Адрес для корреспонденции: 121601, г. Москва, Филевский бул., д. 37, оф. 88.
Телефоны: +7(926) 189-50-90, +7(903) 125-28-55
Веб-сайт коллегии: www.mos-guild.com

Муродзода А.А.

ПРАВОРАЗЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ

***Цель**: Исследование праворазъяснительной деятельности высшего судебного органа Республики Таджикистан.*

***Методология**: Использовались формально-юридический, логический методы, метод изучения нормативно-правовой базы.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть цели, задачи, содержание и сущность праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Республики Таджикистан. Деятельность Верховного Суда, направленная на обеспечения единой судебной практики в стране, осуществляется путём разработки и принятия постановлений пленумов, которые имеют важную теоретическую и практическую значимость в правоприменительной практике судов.*

***Ключевые слова**: праворазъяснительная деятельность Верховного Суда, судебная практика, содержание, цели, понятия постановлений пленумов, обобщение судебной статистики, обязательность применения пленумов высших судебных органов.*

Murodzoda A.A.

LAW OF EXPLANATORY ACTIVITY OF THE SUPREME COURT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: CONCEPT AND OBJECTIVES

***Purpose**: To study the law-explaining activities of the highest judicial body of the Republic of Tajikistan.*

***Methodology**: We used a formal legal, logical method, a method of studying the legal framework.*

***Novelty/originality/value**: The article has a high scientific value, as it is one of the first attempts to consider the goals, objectives, content and essence of the law-explaining activities of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan. The activities of the Supreme Court aimed at ensuring a unified judicial practice in the country are carried out by the development and adoption of Plenum Decrees, which have important theoretical and practical significance in the law enforcement practice of the courts.*

***Keywords**: the right of explanatory activity of the Supreme Court, judicial practice, content, goals, concepts of the Plenum Regulations, generalization of judicial statistics, obligatory application of plenums of the highest judicial bodies.*

Важным направлением деятельности Верховного Суда как высшего судебного надзорного органа является разъяснительная практика, которая широко обсуждается учеными, так как существуют различные мнения относительно понимания данного института.

Суд (судья) в своей правоприменительной деятельности обязан не только руководствоваться нормами Конституции, конституционных законов и действующих нормативных правовых актов Республики Таджикистан, но и соблюдать правила разъяснительной практики высших судебных органов (Верховного и высшего экономического судов). Основная цель такой позиции заключается в формировании единой судебной практики на правовом пространстве страны, которая позволяет судьям принимать законные, справедливые и обоснованные судебные акты.

Споры ведутся о правовой природе разъяснений Верховного Суда: являются они источником права или нет? Данная деятельность высшего судебного органа, на наш взгляд, представляет собой источник права. Постановления Пленума обладают всеми признаками источника права: являются способом внешнего выражения норм права, носят обязательный характер для правоприменителей, принимаются государственным органом Таджикистана, распространяются на неограниченное количество лиц, применяются многократно и должны быть опубликованы. Иными словами, их можно называть «нормативные правовые акты высшего судебного органа».

Разъяснения судебной практики основываются на результатах исследования ее обобщений и анализа судебной статистики. Целью данной деятельности высшего судебного органа является создание единой судебной практики на всем правовом пространстве Республики Таджикистан, недопущение судебных ошибок судами (судьями) при рассмотрении и разрешении отдельных категории дел.

Праворазъяснительная деятельность Верховного Суда Таджикистана даёт правильный ориентир для нижестоящих судов и создаёт в стране единую судебную практику, которая является важным правовым механизмом для укрепления

авторитета судебной власти, справедливой деятельности судебных органов. В юридической науке правовая природа разъяснений Пленума Верховного Суда является спорной, поскольку среди учёных нет единого мнения по данному вопросу. Так, Н.М. Чепурнова, В.В. Ершов, В.А. Ржевский считают, что разъяснения Пленума являются подзаконными нормативными правовыми актами, поскольку они обязательны для судей. С.Н. Братусь отмечает, что они всего лишь конкретизируют нормы права. М. Савицкий, В.С. Нерсесянц, Г. Марщакова полагают, что они обобщают судебную практику и дают ей направления в рамках закона, не создавая норм права [1, 7, 9].

Кроме отмеченного, в современной правовой науке существует понятие «прецедентное право», смысл данного института заключается в обязанности судей в процессе своей деятельности руководствоваться не только законами, но и правовыми позициями высших судебных органов, что благотворно влияет на создание единой судебной практики по отдельным категориям дел.

В странах, где действуют различные системы права, природа разъяснений высших судебных органов не идентична. Например, в англо-саксонской правовой семье высшие судебные органы принимают решения, которые являются обязательными для нижестоящих судов при рассмотрении аналогичных дел. Если Европейский суд принимает решение, которое более четко конкретизирует нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, его постановления будут иметь обязательный характер для государств – членов европейского сообщества. В данном случае речь идёт о судебных прецедентах как важном источнике права англо-саксонской правовой семьи, а не разъяснении норм для правильного их применения.

Разъяснения содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда и представляют собой акты судебной власти в особой сфере ее деятельности, носящие обязательный характер для судов общей юрисдикции, а также дознавателей, следователей, прокуроров, которые приобретают большее юридическое значение в практике судопроизводства.

А.В. Мадьярова отмечает, что разъяснения Верховного Суда РФ представляются эффективными как официальная судебная доктрина, ориентир для судей в процессе правоприменения и фактор повышения научно-практического уровня квалификации судейского корпуса. Это форма предзаконодательного моделирования, апробирования и совершенствования правовых норм [6].

Т.Н. Добровольская справедливо отмечает, что разъяснения Пленума Верховного Суда по вопросам применения законодательства выступают в качестве актов руководства судебной деятельностью, а не актов правосудия [3].

Некоторые ученые считают, что постановления Пленума имеют обязательный характер для судебных органов, но они противоречат принципу независимости судей и подчинения их только закону.

О.Ш. Свириденко отмечает, что в праве Верховного Суда РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики многие также видят опасность для независимости нижестоящих судов [8].

Естественно, в соответствии с нормами Конституции судьи в своей деятельности являются независимыми и подчиняются только Конституции и закону. Такая интерпретация принципа независимости неправильна, поскольку принцип независимости, самостоятельности и подчинения закону направлен на то, чтобы исключить вмешательство в работу судебной власти со стороны кого бы то ни было. Те разъяснения и толкования действующего законодательства, которые содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда, наоборот, направлены на упрощение деятельности судов (судьи) для их правильного применения.

Мы согласны с мнением В.А. Петрушева, который подчёркивает, что разъяснения служат единообразию правоприменительной практики, что такая опасность не выглядит основательной [7].

Однако ни в теории, ни на практике до сих пор нет единого мнения относительно их юридической силы и характера для нижестоящих судов, более того, не закреплен даже в общих чертах порядок приведения их в действие (исполнение).

В соответствии со статьей 82 Закона Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» Пленум Верховного Суда РТ и Пленум Высшего экономического суда РТ, обобщая судебную практику по применению законодательства, дают руководящие разъяснения, которые являются обязательными для судов, других органов, должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение [4].

Такая же практика имеет место быть в Российской Федерации, только она урегулирована не законом, а например постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении» от 19 декабря 2003 года, где устанавливается, что судам общей юрисдикции следует учитывать постановления Конституционного Суда, постановления Пленума Верховного Суда, содержащие

разъяснение вопросов, возникающих в судебной практике при применении норм материального и процессуального права, подлежащих применению в данном деле.

В нормах вышеотмеченного законодательного акта определяется характер разъяснений Пленума ВС РТ, выраженных в форме постановлений. Выделим основные его свойства. Постановления Пленума:

1) принимаются только высшим судебным органом;

2) подготавливаются на основании обобщения судебной практики по применению законодательства и анализа судебной статистики;

3) носят обязательный характер для судов и иных правоприменительных органов.

Следовательно, законодательство Республики Таджикистан признает разъяснения Верховного Суда РТ в форме постановлений Пленума по вопросам судебной практики источником права и их обязательность для судов общей юрисдикции.

В.М. Лебедев справедливо отмечает, что право Верховного Суда давать руководящие разъяснения есть не что иное, как (в том числе) и право толковать законы. Предоставление такого права высшему судебному органу, т. е. самому квалифицированному правоприменителю, осуществляющему судебный надзор за деятельностью судов, необходимо и оправданно [5].

Праворазъяснительная деятельность Верховного Суда Таджикистана представляет собой работу, связанную с проведением обобщения рассмотренных судебных дел в зависимости от их категорий, на основании чего Пленум Верховного Суда принимает постановления, в содержании которых даются разъяснения и толкования действующего законодательства в целях его единообразного применения судами при рассмотрении определённых категорий дел, устанавливает в нем правильность применения норм права.

Необходимо обозначить основные цели, на достижение которых направлены разъяснения пленумов:

– разъяснение смысла законодательства;

– восполнение пробелов в законодательстве;

– упрощение упоминания судьями норм права;

– уточнение содержания норм законодательства;

– разрешение противоречий между нормами равных по юридической силе нормативных актов.

А.В. Теребков справедливо отмечает, что разъяснения пленумов – высшая судебно-правовая конкретизация, исходя из понимания конкретизации как способа разъяснений и преодоления неопределенности, а также того, что она дается высшим судебным органом [9].

Высший судебный орган осуществляет праворазъяснительную деятельность посредством практики применения законов судебными органами. В связи с этим А.Ф. Черданцев отмечает, что дача нормативных разъяснений базируется на практике судебных органов, связана только с практикой применения законов, преследует цель обеспечить правильное, с точки зрения авторитетного интерпретатора, толкование и применение законов [10].

В юридической науке относительно понятия и сущности постановления Пленума Верховного Суда РТ нет единства мнений. Одни ученые считают, что постановления имеют нормативный характер, другие выступают против такого подхода.

Разъяснения норм действующего законодательства высшим судебным органом имеют официальный и нормативный характер. Однако некоторые авторы так не считают. Например, С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров обоснованно подчеркивали, что правоположения, выражаемые в процессе конкретизации норм права в судебной правоприменительной деятельности, обладают лишь известной степенью нормативности, т. е. определенной степенью обобщенности и обязательности. Они не имеют всех необходимых структурных элементов нормы права. К их числу они относили отсутствие механизма, обеспечивающего их безусловную реализацию (отсутствует санкция), т. е. нет нигде закрепленного правила, в силу которого несоответствие решения руководящим разъяснениям пленума высших судов являлось бы безусловным основанием для их отмены [1].

В.В. Демидов отмечает, что разъяснения по вопросам практики применения законодательства, основанные на требованиях закона и обобщенных данных судебной практики в масштабах страны, являются ориентиром, подлежащим обязательному учету в целях вынесения законных и обоснованных приговоров, решений, определений и постановлений [2].

Разъяснения, данные в виде постановлений со стороны высших судебных органов, предназначены для использования в качестве руководства при рассмотрении и разрешении конкретных дел, а не только для ознакомления. При применении со стороны суда конкретного Постановления Пленума Верховного Суда в тексте судебного акта судье необходимо дать ссылку об его использовании.

В правовой системе Республики Таджикистан деятельность высших судебных органов, направленная на правильное и единообразное примене-

ние действующего законодательства, в виде постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан обязательна и нормативна.

Роль разъяснений высшей судебной инстанции в формировании единой судебной практики представляется весьма значимой при осуществлении правосудия, принятии законных, обоснованных и справедливых судебных актов и в целом обеспечении эффективной судебной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Рассматривая и разрешая конкретные гражданские, семейные, уголовные дела, связанные с административными правонарушениями, судья должен обосновывать свои решения действующим законодательством и правовыми позициями высших судебных органов, в обратном случае такая судебная практика приводит к ошибкам и непосредственно к нарушениям прав и законных интересов лиц, участвующих в деле, и влечёт за собой отмену судебного акта.

Исходя из проведённого исследования, деятельность Верховного Суда Таджикистана, связанная с праворазъяснением, направлена на обеспечение единой судебной практики в стране, правильное понимание и применение со стороны суда (судьи) норм действующего законодательства, которые носят обязательный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и форма судебной практики. М., 1975.
2. Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ // БВС РФ. 1998. № 3. С. 21.
3. Добровольская Т.Н. Конституционные основы правосудия // Органы Советского общенародного государства. М., 1979.
4. Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» от 30 мая 2017 года № 1414 // Официальный сайт центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: www.mmk.tj.
5. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М., 2000.
6. Мадьярова А.В. Место и роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 10.
7. Петрушев В.А. Обладают ли разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики обязательной силой? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 3. С. 74.
8. Свириденко О.М. Судебная практика – источник российского права? // Современное право. 2010. № 10. С. 64.
9. Теребков А.В. Юридическая и логическая природа разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 7.
10. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979.

References (transliterated)

1. Bratus' S.N., Vengerov A.B. Ponjatie, soderzhanie i forma sudebnoj praktiki. M., 1975.
2. Demidov V.V. O roli i znachenii postanovlenij Plenuma Verhovnogo Suda RF // BVS RF. 1998. № 3. S. 21.
3. Dobrovol'skaja T.N. Konstitucionnye osnovy pravosudija // Organy Sovetskogo obshhenarodnogo gosudarstva. M., 1979.
4. Zakon Respubliki Tadzhikistan «O normativnyh pravovyh aktah» ot 30 maja 2017 goda № 1414 // Oficial'nyj sajt centra zakonodatel'stva pri Prezidente Respubliki Tadzhikistan [Jelektronnyj resurs]. URL: www.mmk.tj.
5. Lebedev V.M. Stanovlenie i razvitie sudebnoj vlasti v Rossijskoj Federacii. M., 2000.
6. Mad'jarova A.V. Mesto i rol' raz#jasnenij Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii v mehanizme ugolovno-pravovogo regulirovanija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnojarsk, 2001. S. 10.
7. Petrushev V.A. Obladajut li raz#jasnenija Verhovnogo Suda RF po voprosam sudebnoj praktiki objazatel'noj siloj? // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2008. № 3. S. 74.
8. Sviridenko O.M. Sudebnaja praktika – istochnik rossijskogo prava? // Sovremennoe pravo. 2010. № 10. S. 64.
9. Terebkov A.V. Juridicheskaja i logicheskaja priroda raz#jasnenij Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. S. 7.
10. Cherdancev A.F. Tolkovanie sovetskogo prava. M., 1979.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru info@eurasniipp.ru +7-917-40-61-340

Иванова С.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

***Цель**: Исследование совершенствования энергетического законодательства, создание его целостной системы, что позволит обеспечить правовой энергетический правопорядок в России.*

***Методология**: Использовались методы дедукции, формально-юридический и аналитический.*

***Результаты**: В статье обращается внимание на особенности правового режима энергетических ресурсов с целью приведения энергетического законодательства в целостную систему на базе разработанной общей экономической и правовой концепции развития энергетического законодательства.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает определенной научной ценностью и практической значимостью.*

***Ключевые слова**: топливно-энергетический комплекс, энергия, энергетические отношения, энергетическое законодательство, соотношение частного и публичного регулирования.*

Ivanova S.A.

PECULIARITIES OF LEGAL REGIME OF ENERGY RESOURCES

***Purpose**: To study on the improvement of the energy legislation, the establishment of its integrated system, which will provide a legal energy the rule of law in Russia.*

***Methodology**: We used the dialectical, formal-legal and analytical methods.*

***Results**: The article focuses on peculiarities of legal regime of energy resources to bring energy legislation to a whole system designed on the basis of General economic and legal concept of the development of energy legislation.*

***Novelty/originality/value**: Article possesses a certain scientific value and practical significance.*

***Keywords**: fuel and energy complex, energy, energy relations, energy legislation, the ratio of private and public regulation.*

Под энергетическим ресурсом в целом законодатель в ст. 2 Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [23] понимает носитель энергии, которая используется или может быть использована при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также вид энергии (атомная, тепловая, электрическая, электромагнитная и др.).

Особенности правового режима энергетических ресурсов России нашли закрепление, помимо названного Закона, в таких законодательных актах, как Федеральный закон от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах», Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе», Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении», Федеральный закон от 18.07.2006 № 117-ФЗ «Об экспорте газа», Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» и в соответствующих подзаконных правовых актах [19, 20, 21, 24, 25].

Среди федеральных законов, принятых с момента утверждения Энергетической стратегии России на период до 2030 года [13], следует отметить: Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», Федеральный закон от 03.12.2011 № 382-ФЗ «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса», Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении», Федеральный закон от 11. 07.2011 № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [17, 18, 22, 25].

В современный период особую значимость приобретают вопросы выявления специфики правового режима энергетических ресурсов в целях систематизации энергетического законодательства. В отечественной науке только в последние годы стали появляться специальные общетеоретические разработки в этом направлении [6, 15], которые, к сожалению, не охватывают всего комплекса накопившихся проблем.

Для надлежащего и эффективного регулирования отношений в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК) большое значение имеют выводы и наработки понятийного аппарата естественных наук, без которых разработка и применение правовых норм в этой сфере может привести к пробелам и ошибкам.

В области энергетического законодательства на доктринальном и законодательном уровнях остается задача определения некоторых понятий и правовых конструкций.

До настоящего времени природа договора энергоснабжения как правового инструмента рыночной организации снабжения энергоресурсами продолжает вызывать вопросы в цивилистической доктрине: одни считают его договором купли-продажи, поставки [4, с. 77–80], другие относят его к договорам подряда или возмездного оказания услуг [8, с. 57]. От разрешения данной проблемы зависит определение основных правил, регулирующих договорные отношения, складывающиеся на рынках потребления энергии, предмет и объект договора, права и обязанности сторон, порядок его заключения и другие важные элементы договора.

В Гражданском кодексе Российской Федерации договор энергоснабжения отнесен к разновидностям договора купли-продажи. Очевидно, что с учетом конструкции п. 1 ст. 454 ГК РФ отечественный законодатель применяет к отношениям, возникающим по поводу энергии, правовой режим, установленный для вещей. Вместе с тем электрическая энергия технологически неразрывно связана с иными объектами, выполняющими опосредующие функции (генераторы, электросети и прочие объекты, обеспечивающие техническую возможность поставлять и принимать энергию определенного вида).

В связи с этим договор энергоснабжения по набору квалифицирующих признаков никак не может быть признан ни разновидностью договора поставки, ни другим называемым в литературе договорным институтом (подряд, возмездное оказание услуг). Особенности договора энергоснабжения (энергия как специфический объект отношений по энергоснабжению), особенности способа передачи энергии (лишь через присоединенные сети (линии электропередачи, трубопроводы)), связанные с этим структуры договорных связей энергоснабжения дают основание считать договор энергоснабжения самостоятельным договором с выделением правил, регулирующих отношения по энергоснабжению, в самостоятельную главу ГК РФ.

В статье 128 ГК РФ энергия не отнесена к числу объектов гражданских прав. В юридической литературе предпринимались попытки определить специфические черты энергии как объекта гражданских прав. М.И. Брагинский отмечал следующие свойства энергии (на примере электроэнергии) как товара: отсутствие возможности накапливать электроэнергию в значительных количествах и хранить ее; непрерывность и неразрывность процесса производства электроэнергии и его связанность как с ее передачей, так и с потреблением; электроэнергия при передаче потребляется и не может быть возвращена; передача электроэнергии возможна лишь через присоединенную сеть, поэтому для приема энергии у покупателя должны быть необходимые технические устройства для подключения к сетям, по которым передается электроэнергия [7, с. 208].

Необходимо отметить, что экономическая теория допускает понимание энергии как особого товара. Более того, электрическая энергия получила в ст. 3 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об электроэнергетике» статус «товара особого рода» [16].

В современной судебной практике встречаются решения, где понятия «товар» и «энергетический ресурс» разделены, и энергия не признается товаром. Например, по делу № А65-2725/2011 арбитражный суд кассационной инстанции отметил, что предметом договора, заключенного между сторонами, является тепловая энергия, следовательно, положения о договоре поставки в данном случае неприменимы, поскольку тепловая энергия является не товаром, а энергетическим ресурсом, ее подача от источника теплоты потребителю возможна исключительно через присоединенную сеть. Вместе с тем в ряде решений суды указывают на то, что энергия является товаром. Из пункта 54 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» следует, что, когда покупатель своевременно не оплачивает фактически принятое через присоединенную сеть количество электрической энергии в соответствии с данными учета, к покупателю применяется мера ответственности, установленная в ст. 395 Кодекса: на сумму, уплата которой просрочена, покупатель обязан уплатить проценты со дня, когда по договору товар должен быть оплачен, до дня оплаты товара покупателем, если иное не предусмотрено ГК РФ или договором купли-продажи [11, 12, 14].

И в отечественной, и в зарубежной цивилистике не изучен вопрос о возможности установления вещных прав на энергию и энергоресурсы, имеются лишь различные высказывания по этой проблеме, касающиеся, как правило, электрической энергии [3, с. 233, 234]. Очевидно, что применение таких правомочий собственника, как владение и распоряжение, к энергии в качестве объекта вещного права ограничено по сравнению с обычными проявлениями этих правомочий: энергия не может быть объектом залога, аренды, наследования и т. п. Кроме того, невозможно использование в

таких отношениях исков, направленных на защиту права собственности и других вещных прав.

Некоторые авторы категорично отвергают возможность отнесения энергии к особым вещам, утверждая, что механизм собственности не рассчитан на то, чтобы описывать принадлежность благ, не имеющих материальной, внешней оболочки [2, с. 341, 342]. Такая же позиция нашла отражение в судебной практике. По определению Верховного Суда энергоресурсы являются самостоятельным благом, а обязанность их оплаты не регулируется в ст. 210 ГК РФ, предусматривающей бремя содержания принадлежащего собственнику имущества [10].

Есть утверждения, что к электрической энергии неприменима категория права собственности, а вместо права собственности предлагается ввести некое «право потребления» [5, с. 61; 27, с. 52–57]. По мнению этих авторов, энергия не может выступать самостоятельным объектом сделок, ее оборот возможен только через закрепление имущественных прав на нее. При таком подходе у потребителя возникает право требования передачи энергии, а у энергоснабжающей организации – право требования уплаты обусловленной договором цены за потребленную энергию.

Таким образом, единообразное решение вопроса о возможности установления вещных прав на такие объекты, как энергия и энергоресурсы, в законодательстве и правовой науке отсутствует.

Следует заметить, что для западной доктрины в современный период характерен отход от традиционного понимания объектов права собственности к расширению понятия вещественной собственности. К имуществу как объекту собственности начали относить электроэнергию и газ, а затем и другие виды энергии и сырья, выходящие за границы традиционного понимания вещи [1, с. 314]. Указанная тенденция наблюдается и в отечественных исследованиях. Так, В.А. Лапач считает, что развитие системы объектов гражданских прав приведет к включению таких объектов в качестве промежуточной (между вещами и имущественными правами) объектной категории [9, с. 312]. Ю.А. Канцер рассматривает ресурс как самостоятельный объект гражданских прав наряду с вещью, который следует назвать специфическим товаром, обладающим ценностью, по поводу которого заключаются договоры ресурсоснабжения [6, с. 77].

С указанной позицией следует согласиться, поскольку такие отличительные особенности электрической энергии, как товарный характер и коммерческая ценность, а также неразрывная технологическая связь с иными объектами, выполняющими опосредующие функции, являются основанием для выделения объекта гражданских прав в особый вид, обладающий специальным режимом обращения.

Названные выше проблемы относятся к частноправовому регулированию. Однако в процессе разработки энергетического законодательства необходимо учитывать, что правовая регламентация отношений в этой сфере основана на сочетании публично-правовых и частноправовых способов регулирования. Частная инициатива, предпринимательская свобода должны сочетаться с государственными и общественными интересами. Совершенствование энергетического законодательства, создание его целостной системы на базе такого сочетания позволит обеспечить правовой энергетический правопорядок в России. Самостоятельное существование и развитие энергетического законодательства – это традиция отечественной правовой системы. Расширение частноправового регулирования в сфере ТЭК может привести к большим проблемам кодификации и серьезно осложнит правоприменительную практику в современных условиях, поскольку к числу главных особенностей данного сектора экономики относится прежде всего его особая важность для обеспечения беспрепятственного и бесперебойного снабжения потребителей тепловой, электрической и другими видами энергий. Государство на законодательном уровне должно обеспечить усиление публично-правовых начал при обновлении правовой базы таких отношений с целью достижения стабильности, безопасности, доступности энергетических ресурсов, экономичности и эффективности их использования в интересах всего общества.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское и торговое право зарубежных государств. Т. 1. М.: Международные отношения, 2004. С. 314.
2. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова (автор очерка – Р.С. Бевзенко). М.: Юрайт, 2009. С. 341, 342.
3. Дозорцев В.А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сборник памяти С.А. Хохлова. М., 1998. С. 233, 234.
4. Егиазаров В.А., Игнатюк Н.А., Полупанов М.И. Договор энергоснабжения // Право и экономика. 2001. № 7. С. 77–80.
5. Канцер Ю.А. О предмете договора энергоснабжения // Советник юриста. 2015. № 5. С. 61.
6. Канцер Ю.А. Ресурсоснабжение жилищно-ком-

мунального хозяйства России: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан. М.: Юстицинформ, 2017. С. 77.

7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй / под ред. О.Н. Садикова. М., 2006. С. 208.

8. Концепция развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010. С. 57.

9. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. СПб., 2002. С. 312.

10. Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2015 по делу № 303-ЭС15-6562, А73-6824/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.08.2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. № 70.

13. Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. 30 ноября. № 48. Ст. 5836.

14. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 18.04.2013.

15. Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М.: Статут, 2013.

16. Собрание законодательства РФ. 2003. 31 марта. № 13. Ст. 1177.

17. Федеральный закон «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса» от 03.12.2011 № 382-ФЗ // Российская газета. 2011. 9 декабря.

18. Федеральный закон от 11 июля 2011 г. № 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 29. Ст. 4281.

19. Федеральный закон от 18.07.2006 № 117-ФЗ «Об экспорте газа» // СЗ РФ. 2006. № 30. Ст. 3293.

20. Федеральный закон от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // Российская газета. 1992. 5 мая.

21. Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4694.

22. Федеральный закон от 21.06.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ. 2011. № 30. Ч. I. Ст. 4604.

23. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5711.

24. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Российская газета. 2003. 1 апреля.

25. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4159.

26. Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1667.

27. Шведкова О.В. Энергия как объект договорных отношений: к вопросу о понятии и правовой природе // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 52–57.

References (transliterated)

1. Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnyh gosudarstv. T. 1. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2004. S. 314.

2. Grazhdanskoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki / pod obshh. red. V.A. Belova (avtor ocherka – R.S. Bevzenko). M.: Jurajt, 2009. S. 341, 342.

3. Dozorcev V.A. Principial'nye cherty prava sobstvennosti v Grazhdanskom kodekse // Grazhdanskij kodeks Rossii. Problemy. Teorija. Praktika: sbornik pamjati S.A. Hohlova. M., 1998. S. 233, 234.

4. Egiazarov V.A., Ignatjuk N.A., Polupanov M.I. Dogovor jenergosnabzhenija // Pravo i jekonomika. 2001. № 7. S. 77–80.

5. Kancer Ju.A. O predmete dogovora jenergosnabzhenija // Sovetnik jurista. 2015. № 5. S. 61.

6. Kancer Ju.A. Resursosnabzhenie zhilishhno-kommunal'nogo hozjajstva Rossii: voprosy teorii i praktiki: monografija / otv. red. V.A. Vajpan. M.: Justicinform, 2017. S. 77.

7. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti vtoroj / pod red. O.N. Sadikova. M., 2006. S. 208.

8. Koncepcija razvitija rossijskogo zakonodatel'stva / pod red. T.Ja. Habrievoj, Ju.A. Tihomirova. M., 2010. S. 57.

9. Lapach V.A. Sistema ob#ektov grazhdanskih prav. SPb., 2002. S. 312.

10. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 14.09.2015 po delu № 303-JeS15-6562, A73-6824/2014. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

11. Postanovlenie Dvenadcatogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 01.08.2013. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 № 7 «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie objazatel'stv» // Rossijskaja gazeta. 2016. № 70.

13. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 13.11.2009 № 1715-r «Ob Jenergeticheskoj strategii Rossii na period do 2030 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2009. 30 nojabrja. № 48. St. 5836.

14. Reshenie Arbitrazhnogo suda Saratovskoj oblasti ot 18.04.2013.

15. Svirkov S.A. Osnovnye problemy grazhdansko-pravovogo regulirovanija oborota jenergii: monografija. M.: Statut, 2013.

16. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2003. 31 marta. № 13. St. 1177.

17. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennoj informacionnoj sisteme toplivno-jenergeticheskogo kompleksa» ot 03.12.2011 № 382-FZ // Rossijskaja gazeta. 2011. 9 dekabrja.

18. Federal'nyj zakon ot 11 ijulja 2011 g. № 190-FZ «Ob obrashhenii s radioaktivnymi othodami i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2011. № 29. St. 4281.

19. Federal'nyj zakon ot 18.07.2006 № 117-FZ «Ob jeksporte gaza» // SZ RF. 2006. № 30. St. 3293.

20. Federal'nyj zakon ot 21.02.1992 № 2395-1 «O ne-

drah» // Rossijskaja gazeta. 1992. 5 maja.

21. Federal'nyj zakon ot 30.11.1995 № 187-FZ «O kontinental'nom shel'fe Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 1995. № 49. St. 4694.

22. Federal'nyj zakon ot 21.06.2011 № 256-FZ «O bezopasnosti ob#ektov toplivno-jenergeticheskogo kompleksa» // SZ RF. 2011. № 30. Ch. I. St. 4604.

23. Federal'nyj zakon ot 23.11.2009 № 261-FZ «Ob jenergosberezhenii i o povyshenii jenergeticheskoj jeffektivnosti i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2009. № 48. St. 5711.

24. Federal'nyj zakon ot 26 marta 2003 g. № 35-FZ «Ob jelektrojenergetike» // Rossijskaja gazeta. 2003. 1 aprelja.

25. Federal'nyj zakon ot 27 ijulja 2010 g. № 190-FZ «O teplosnabzhenii» // SZ RF. 2010. № 31. St. 4159.

26. Federal'nyj zakon ot 31.03.1999 № 69-FZ «O gazosnabzhenii v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 1999. № 14. St. 1667.

27. Shvedkova O.V. Jenergija kak ob#ekt dogovornyh otnoshenij: k voprosu o ponjatii i pravovoj prirode // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 7. S. 52–57.

НАЙДЕМ АДВОКАТА

«Найдем Адвоката» – это не юридическая фирма

Мы бесплатный сервис по подбору юристов и адвокатов необходимой Вам специализации во всех регионах России и мира.

Подбор юристов и адвокатов осуществляется бесплатно и в течение одного часа.

С нами работает более 1700 тщательно отобранных узкоспециализированных юристов и адвокатов в более чем 50 странах мира.

За два года работы Проекта мы помогли более чем 3000 клиентов, которым были подобраны юристы и адвокаты, решившие их проблемы.

Вам или Вашим близким нужен юрист или адвокат? Тогда оставьте заявку на сайте naidemadvokata.ru или позвоните нам по номеру: 8 (800) 775-07-20 (звонок по России бесплатный).

Теплова Д.О.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

***Цель**: Исследование основных конституционно-правовых основ взаимодействия внутригосударственного и международного права.*

***Методология**: В статье использованы метод сравнительного анализа, формально-юридический метод.*

***Результаты**: В статье представлены опирающиеся на нормы Конституции РФ основы соотношения норм национального и международного права. Автор, проанализировав действующие правовые предписания, показывает неоднозначность их толкования в юридической науке и практике. Особое внимание уделено проблемам пределов имплементации норм международного права в национальное законодательство, наличия в отдельных международных конвенциях некой «общей» нормы, механизм реализации которой подлежит урегулированию уже национальным законодательством присоединившегося государства, ошибочного толкования норм международных договоров, каковое может привести в итоге к ошибочной имплементации в национальное законодательство. В качестве вывода законодателям предложено при рассмотрении вопросов ратификации международных соглашений использовать эффективный международный опыт применения того или иного института в нормах национального законодательства.*

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: Данная статья представляет определенную научную значимость в силу актуальности темы исследования и ее важности для современного российского общества и правовой науки.*

***Ключевые слова**: международное право, национальное право, имплементация, толкование норм международного права, Европейский суд по правам человека.*

Teplova D.O.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF INTERACTION OF MUNICIPAL AND INTERNATIONAL LAW

***Purpose**: Research of the main constitutional and legal bases of interaction of municipal and international law.*

***Methodology**: In article the method of the comparative analysis, a formal-legal method are used.*

***Results**: The bases of a ratio of norms of national and international law relying on standards of the Constitution of the Russian Federation are presented in article. The author, having analyzed the existing legal instructions, shows ambiguity of their interpretation in jurisprudence and practice. Special attention is paid to problems of limits of implementation of rules of international law in the national legal system, existence in separate international conventions of a certain «general» norm which mechanism of realization is subject to settlement by already national legal system of the joined state, wrong interpretation of standards of international treaties which can lead, as a result, to wrong implementation in the national legal system. As a conclusion it is offered to legislators by consideration of questions of ratification of international agreements to make use of effective international experience of application of this or that institute in standards of the national legal system.*

***Novelty**/**originality**/**value**: This article represents a certain scientific importance owing to relevance of a subject of a research and its importance for modern Russian society and legal science.*

***Keywords**: international law, national right, implementation, interpretation of rules of international law, European Court of Human Rights.*

В современных условиях для того, чтобы каждое государство занимало достойное место в мировом сообществе, чтобы его граждане могли на надлежащем уровне реализовывать свои субъективные права, не только находясь в своей стране, но и за рубежом, а также для целей эффективного и выгодного взаимодействия (в экономическом, политическом, культурном и иных аспектах) с другими государствами, необходима унификация национальных правовых принципов и институтов права (инкорпорированных в международные договоры, соглашения, конвенции), их гармонизация с действующими в международном правовом пространстве нормами. Данные нормы появились в результате длительного периода формирования на базе римского частного права и lex mercatoria и изначально были предназначены для единообразного регулирования отношений субъектов права в самых различных государствах.

Разумеется, данный процесс гармонизации является весьма длительным и сложным и сам по

себе нуждается в нормативном урегулировании – процедуре, которой будут следовать государства. Одним из основных документов, устанавливающих подобное нормативное регулирование, выступает принятая на Конференции ООН по праву договоров Венская конвенция о праве международных договоров, вступившая в силу 27 января 1980 г. (для СССР / Российской Федерации – 29 мая 1986 г.) [2]. Данное международное соглашение содержит положения относительно особенностей заключения договоров между государствами. Также к сфере его регулирования относятся вопросы ратификации договоров с отдельными оговорками, вступления в силу и распространения действия во времени, имеются в наличии положения касательно недействительности, прекращения и приостановления их действия. Следует отметить, что Конвенция определенным образом регулирует вопросы соотношения международного и национального права: статьи 26 (Pacta sunt servanda – «Договоры должны соблюдаться»), 27 («Внутреннее право и соблюдение договоров») и 46 («Положения внутреннего права, касающиеся компетенции заключать договоры») содержат правила соблюдения соглашений и специально оговаривают некоторые их ограничения. Эти положения закрепляют и развивают в договорном порядке нормы, сформировывавшиеся первоначально как международно-правовой обычай. Хотя вопрос о соотношении международного договора и норм внутригосударственного права в различных странах решается по-разному, указанные положения, как и многие другие нормы Венской конвенции, признаются базовыми для формирования национального регулирования, обязательными для всех государств [8].

При этом, несмотря на наличие вышеуказанных норм Венской конвенции, разрешающих потенциальные спорные ситуации между нормами национального и международного права, правоприменители регулярно сталкиваются с абсолютно различными сложностями в части соотношения данных источников права. В данном контексте следует напомнить, что система источников (форм выражения) права в любом государстве строится на базе определенной иерархии, которая отдает приоритетное значение национальному законодательству (например, Соединенные Штаты Америки), либо международным соглашениям, к которым данное государство присоединилось (например, Российская Федерация), либо же признается равная сила данных источников. Обстоятельный анализ различных правовых систем и их подходов к соотношению действия международного права и национального законодательства был сделан Б.И. Осмининым [10].

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, являются составной частью ее правовой системы. В этой же статье Конституции РФ закрепляется: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Данная конституционно-правовая норма, устанавливающая приоритет (примат) норм международных договоров Российской Федерации перед внутренним (национальным) законодательством, воспроизведена во многих отраслевых кодексах, в частности, Гражданском кодексе, Налоговом кодексе, Воздушном кодексе и т. д.

Порядок заключения, выполнения и прекращения международных договоров Российской Федерации установлен Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Данным Федеральным законом установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств. В соответствии с разъяснением Верховного Суда РФ, данным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», в силу пункта 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных договоров, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. В иных случаях наряду с международным договором следует применять соответствующий внутригосударственный правовой акт, принятый для осуществления положений указанного международного договора (п. 5).

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. от 5 марта 2013 г.) при рассмотрении судом гражданских дел непосредственно применяется международный договор Россий-

ской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для России и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права (п. 3). Неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием для отмены или изменения судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права (п. 9) [5].

Вопрос соотношения данных источников права не так однозначен, как это видится на первый взгляд. При анализе доктринальной литературы, а также из опыта юристов-практиков, сталкивающихся с вопросами одновременного применения норм национального и международного права, можно выделить несколько существенных сложностей.

В первую очередь, возникает вопрос относительно пределов имплементации норм международного права в национальное законодательство. Насколько прямо необходимо применять положения той или иной конвенции, ратифицированной государством, и все ли ее положения подлежат безусловному применению? Из содержания статьи 79 Конституции Российской Федерации следует, что международный договор, в котором участвует Российская Федерация, не может противоречить основам конституционного строя России и снижать гарантированный Конституцией Российской Федерации уровень защиты прав и свобод человека и гражданина [9]. Из этого вытекает, что теоретически любое международное соглашение, ратифицированное Российской Федерацией, подлежит реализации только при условии признания верховенства именно Конституции Российской Федерации.

Данная проблема возникает, например, при необходимости исполнения решений Европейского суда по правам человека, которые в общем смысле являются обязательными по делам, в которых Российская Федерация является стороной, в силу факта присоединения Российской Федерации к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако, по мнению Конституционного суда, изложенному в постановлениях от 7 июня 2000 года № 10-П, от 14 июля 2015 года № 21-П, «передача Россией в рамках международных договоров части своей юрисдикции не свидетельствует о ее отказе от государственного суверенитета, являющегося базовым признаком Российской Федерации как государства». Данная позиция КС РФ обосновывается формулировкой статьи 79 Конституции, согласно которой, как уже цитировалось выше, международный договор, в котором участвует Российская Федерация, не может противоречить основам конституционного строя России. Дополнительно исследователи предлагают ссылаться на часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, где приоритет правил международного договора установлен применительно к нормам закона (принимаемого парламентом), но не Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием.

Вышеуказанная позиция, безусловно, является несколько неоднозначной и дает основания международному сообществу обвинять Российскую Федерацию в использовании юридической казуистики для целей несоблюдения принятых на себя международных обязательств. Однако нельзя сказать, что только Российская Федерация действует подобным образом, и ее действия не подтверждены какими-либо иными нормами международного права. Право государства блокировать действие в отношении его отдельных положений международного договора закреплено также в пункте 1 статьи 46 уже упомянутой выше Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года. Данная статья предоставляет присоединившемуся государству право ссылаться на то, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным и касалось нормы его внутреннего права особо важного значения. В России к числу таких норм как раз и относятся положения глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации, изменение которых может быть осуществлено исключительно посредством принятия новой Конституции Российской Федерации [9].

Вторая выявленная автором статьи проблема соотношения норм международного и национального права касается наличия в международной конвенции некой «общей» нормы, механизм реализации которой подлежит урегулированию уже национальным законодательством присоединившегося государства. А поскольку такие механизмы реализации могут различаться в от-

дельных присоединившихся государствах, возникают коллизии, и правоприменители сталкиваются с рядом сложностей в применении нормы международного договора, общей для данных государств. В качестве примера можно привести сложности, возникающие в связи с реализацией принципа надлежащего извещения сторон процесса о готовящемся судебном заседании. Данный принцип закреплен в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Минске 22 января 1993 года (далее – Минская конвенция) [4]. При этом сам механизм надлежащего информирования в Минской конвенции не описан, что заставляет судебные органы присоединившихся государств обращаться к национальному регулированию данного вопроса, а также нормам иных международных соглашений, регулирующих порядок извещения лиц в судебном процессе [3]. Указанный пример – лишь один из множества коллизионных моментов, встречающихся в практике реализации общих норм международных соглашений, однако он весьма показателен, поскольку отсутствие единого урегулирования проблемы извещения сторон о готовящемся судебном заседании приводит в итоге к признанию решений национальных судов недействительными, что означает, что права сторон процесса не были восстановлены и продолжают нарушаться.

Третий проблемный аспект, который следует отметить при анализе вопросов соотношения международного права и национального законодательства, – это сложности в имплементации положений международных соглашений в правовую систему государства. Такие сложности могут возникать по различным причинам, в частности, из-за неготовности правовой системы воспринять ту или иную международную практику ввиду особенностей общественного и политического развития, традиций. Наконец, возможна ситуация, что принципы и нормы, закрепленные в конвенции, возникли на базе одной правовой семьи, а государство, присоединяющееся к конвенции, относится к другой правовой семье. В качестве примера можно привести проблему, возникшую в сфере финансирования сделок с воздушными судами в связи с ратификацией Россией Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования (Кейптаун, 16 ноября 2001 г.) [7]. Речь идет о существующем до настоящего времени (несмотря на то, что Кейптаунская конвенция была ратифицирована РФ еще в 2012 году) противоречии в квалификации правовой природы воздушного судна (ВС) как объекта вещных прав в мировой практике и в российском национальном праве. Конвенция рассматривает воздушное судно в традиционном для международной практики статусе mobile equipment (подвижное оборудование, т. е. движимое имущество), в свою очередь, ГК РФ относит воздушные суда к объектам недвижимости, что влечет за собой определенные последствия в легитимации прав на ВС на территории РФ, а именно необходимость регистрировать воздушное судно и права на него в Едином государственном реестре прав на воздушные суда РФ. Причем вещное право на ВС считается возникшим с момента государственной регистрации, и соответствующее свидетельство о регистрации права – единственное доказательство существования такового. Подобная практика напрямую противоречит конвенционному режиму легитимации прав на ВС, установленному вышеуказанной Кейптаунской конвенцией. При этом, в силу статьи 15 Конституции РФ, Конвенция как международно-правовой акт имеет приоритет над национальными НПА (в том числе ГК РФ и АПК РФ). Таким образом, возникает весьма существенное противоречие между нормами международного договора и национального законодательства, для устранения которого, а также в целях обеспечения «нормального применения» положений Конвенции к воздушным судам, зарегистрированным в РФ, России пришлось принять ряд исключений из «национального» правового режима, применимого к Воздушным судам. Прежде всего: а) исключительная юрисдикция арбитражных судов РФ по данной категории споров стала применима только в отсутствие действующей между сторонами арбитражной оговорки; б) в состав правовых инструментов была введена IDERA как форма безотзывного (в отличие от классического для российского права института доверенности) полномочия на исключение воздушного судна из национального государственного реестра ВС. Однако иностранные кредиторы и собственники воздушных судов крайне недоверчиво относятся к российской регистрации воздушных судов и готовы соглашаться, в своей основной массе, с использованием Российского реестра ВС только в случае продажи воздушного судна. При аренде воздушного судна использование такого реестра – весьма редкое исключение и, как правило, приводит к установлению в договорах лизинга завышенных арендных ставок. Выходом из сложившейся ситуации стало бы приведение правовой квалификации понятия «воздушное судно» в национальном законодательстве РФ (прежде все-

го, ГК РФ, АПК РФ и Федеральном законе о регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними) в соответствие с принципами, системой понятий и норм, используемых в Кейптаунской конвенции, и мировой практикой финансирования и коммерческого оборота воздушных судов (ВС как «mobile equipment»).

Наконец, в завершение обзора существующих сложностей хотелось бы обратить внимание на еще одну проблему, правда уже не соотношения, а ошибочного толкования норм международных договоров, каковое может привести в итоге к ошибочной имплементации в национальное законодательство, а затем уже и к проблемам в соотношении национальной нормы, сформированной в результате ошибочного толкования, и настоящего содержания нормы международного договора, истолкованной ошибочно. Подобные ситуации, к счастью, не так часто возникают с законодателем, ответственным за создание правовых норм, имплементирующих конвенционные положения в национальное законодательство, однако подобные проблемы возникают у исполнительных органов, которые зачастую выступают фактическими разработчиками законопроектов, впоследствии рассматриваемых Федеральным Собранием РФ. Так, в соответствии с различными новостными источниками, получившими консультации в Минтрансе РФ, Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок [6], к которой Российская Федерация присоединилась в 2017 году после многолетней работы по ратификации, содержит в себе положения относительно сумм компенсаций, подлежащих выплатам пассажирам в случаях задержки рейса, багажа, повреждения имущества пассажира и получения самим пассажиром увечий. Более того, обсуждался вопрос относительно увеличения сумм компенсаций за аналогичные ситуации на внутренних рейсах, поскольку Монреальская конвенция подлежит применению исключительно в отношении международных перевозок [1]. Однако в действительности Монреальская Конвенция содержит только максимальные лимиты денежных сумм, которые подлежат выплате пассажирам в указанных ситуациях, и только при наличии подтверждающих расходы документов, кроме того, оговаривает случаи, когда воздушный перевозчик освобождается от ответственности за подобные выплаты перед пассажирами. Казалось бы, небольшой нюанс – «сумма компенсации» и «максимальный лимит по выплате компенсации», но на практике это уже привело к многочисленным требованиям пассажиров о выплате обещанных Минтрансом РФ компенсаций. В данной ситуации авиакомпаниям помогла судебная практика, чье толкование норм Монреальской конвенции не отличалось от принятого в мире [11].

Практически любой случай использования норм международных конвенций, как видно из обзора выше, сегодня порождает те или иные сложности в правореализации. Очевидно, для более подробного освещения поднятых вопросов следует использовать иной формат исследования. В данной статье была сделана попытка осветить наиболее интересные, по мнению автора, проблемные ситуации, с которыми сталкиваются субъекты права, имеющие дело с международным правом, являющимся частью правовой системы государства, и национальным законодательством этого же государства.

Безусловно, для решения описанных коллизий существуют собственные механизмы. Вместе с тем в качестве общей рекомендации правоприменителям предлагается прибегать к практической помощи и консультациям представителей соответствующих отраслей. Именно фактические участники частноправовых отношений, день за днем сталкивающиеся с реализацией тех или иных норм на практике, лучше всего представляют потенциальные пути выхода из проблемных ситуаций конвенционного регулирования.

Наконец, можно предложить законодателям при рассмотрении вопросов ратификации международных соглашений использовать эффективный международный опыт применения того или иного института в нормы национального законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. https://www.dp.ru/a/2017/09/05/Mintrans_sobiraetsja_uveli.

2. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Вместе с «Процедурой арбитража и примирения в соответствии со статьей 66») // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 372–409.

3. Гаагская конференция по международному частному праву [Электронный ресурс]. URL: http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.status&cid=17.

4. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=57.

5. Ерпылева Н.Ю. Эволюция коллизионного регулирования в международном частном праве России и Польши // Адвокат. 2015. № 1. С. 37–58.

6. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (заключена в г. Монреале 28.05.1999) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru.

7. Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования [рус., англ.] (Заключена в г. Кейптауне 16.11.2001) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 10. С. 26–50.

8. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. М., 2004. Т. I: Заключение международных договоров. С. 90.

9. Малышкин А.В. Пределы интегрирования юрисдикции Европейского суда по правам человека в российскую правовую систему // Российский судья. 2017. № 6. С. 34–39.

10. Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 160–173.

11. Решение Подольского городского суда МО от 26.12.2017 // О взыскании штрафов, компенсации, морального вреда по Монреальской конвенции [Электронный ресурс]. URL: https://podolsky—mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv.

References (transliterated)

1. https://www.dp.ru/a/2017/09/05/Mintrans_sobiraetsja_uveli.

2. Venskaja konvencija o prave dogovorov mezhdu gosudarstvami i mezhdunarodnymi organizacijami ili mezhdu mezhdunarodnymi organizacijami (Vmeste s «Proceduroj arbitrazha i primirenija v sootvetstvii so stat'ej 66») // Dejstvujushhee mezhdunarodnoe pravo. T. 1. M.: Moskovskij nezavisimyj institut mezhdunarodnogo prava, 1996. S. 372–409.

3. Gaagskaja konferencija po mezhdunarodnomu chastnomu pravu [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.status&cid=17.

4. Edinyj reestr pravovyh aktov i drugih dokumentov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=57.

5. Erpyleva N.Ju. Jevoljucija kollizionnogo regulirovanija v mezhdunarodnom chastnom prave Rossii i Pol'shi // Advokat. 2015. № 1. S. 37–58.

6. Konvencija dlja unifikacii nekotoryh pravil mezhdunarodnyh vozdushnyh perevozok (zakljuchena v g. Monreale 28.05.1999) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.pravo.gov.ru.

7. Konvencija o mezhdunarodnyh garantijah v otnoshenii podvizhnogo oborudovanija [rus., angl.] (Zakljuchena v g. Kejptaune 16.11.2001) // Bjulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2012. № 10. S. 26–50.

8. Lukashuk I.I. Sovremennoe pravo mezhdunarodnyh dogovorov: v 2 t. M., 2004. T. I: Zakljuchenie mezhdunarodnyh dogovorov. S. 90.

9. Malyshkin A.V. Predely integrirovanija jurisdikcii Evropejskogo suda po pravam cheloveka v rossijskuju pravovuju sistemu // Rossijskij sud'ja. 2017. № 6. S. 34–39.

10. Osminin B.I. Prioritetnoe primenenie mezhdunarodnyh dogovorov v nacional'noj pravovoj sisteme: uslovija i posledstvija // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 12. S. 160–173.

11. Reshenie Podol'skogo gorodskogo suda MO ot 26.12.2017 // O vzyskanii shtrafov, kompensacii, moral'nogo vreda po Monreal'skoj konvencii [Jelektronnyj resurs]. URL: https://podolsky–mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv.

EURASIAN LEGAL PORTAL

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- *Законопроекты*
- *Принятые законы*
- *Судебная практика*
- *Пресс-релизы*
- *Юридические статьи*
- *Юридические вузы*
- *Юридическая школа в лицах*
- *Новости*
- *Наши партнеры*
- *Институт законодательства*
- *Бесплатная юридическая консультация*

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Андриевский К.В.

ФИНАНСОВЫЙ ДОГОВОР КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО ДОГОВОРА

Цель*: Определение финансового договора как соглашения двух или более участников, один из которых является публичным субъектом или представляет его, направленного на установление, изменение или прекращение субъективных прав и юридических обязанностей в сфере финансовой деятельности, обеспечивающего наиболее эффективное достижение цели императивного предписания в финансово-правовом регулировании.*

Методология*: Использовались методы дедукции, формально-юридический, аналитический, диспозитивный.*

Результаты*: В статье анализируется природа договора в финансово-правовом регулировании как разновидности публичного договора. При этом акцентируется внимание на сравнении финансово-правового договора с административно-правовым, их общности и различии. Делается вывод, что применение родовых, сквозных категорий для многих правовых отраслей отнюдь не означает взаимопроникновения отраслевых конструкций друг в друга, а свидетельствует о наличии системности в праве, где каждой отрасли отводится отдельное, но, тем не менее, сообщающееся с другими место. Эволюция договорных отношений свидетельствует об определенной трансформации частно-правовых инструментов в публично-правовые, когда государство связывает с ними определенные правовые последствия и облекает в соответствующую правовую форму.*

Публичная природа договора в финансовом праве проявляется в обеспечении реализации императивного предписания, наиболее эффективном, рациональном и своевременном исполнении воли публичного субъекта. В условиях финансовых договоров как разновидности публичных речь идет не о переплетении императивного и диспозитивного регулирования, а о появлении такой конструкции, когда диспозитивный метод способствует формированию наиболее рациональной модели реализации императивного предписания и играет своеобразную обеспечительную роль в реализации велений, исходящих от публичного субъекта. Именно поэтому финансовый договор характеризуется как соглашение двух или более участников, один из которых является публичным субъектом или представляет последнего, направленное на установление, изменение или прекращение субъективных прав и юридических обязанностей в сфере финансовой деятельности, обеспечивающее наиболее эффективное достижение цели императивного предписания в финансово-правовом регулировании.

Новизна/оригинальность/ценность*: Статья обладает определенной научной ценностью и практической значимостью.*

Ключевые слова*: публичное право, предмет финансового права, императивный метод регулирования, публичный договор, признаки публично-правового договора, соотношение административных и финансовых договоров, финансовый договор, злоупотребление правом.*

Andrievsky V.K.

FINANCIAL CONTRACT AS A TYPE OF PUBLIC CONTRACT

Purpose*: To determine the financial contract as an agreement of two or more parties, one of which is a public entity or is it aimed at the establishment, modification or termination of the subjective rights and legal duties in the sphere of financial activities, ensures the effective achievement of the goal of mandatory provisions in the financial regulation.*

Methodology*: Used methods of deduction, formal-legal, analytical, dispositive.*

Results*: The article analyzes the nature of the contract in financial and legal regulation, as a version of a public contract. At the same time, attention is focused on comparing the financial-legal contract with the administrative-legal agreement, their commonality and differences. The conclusion is drawn that the use of generic, cross-cutting categories for many legal branches does not at all mean interpenetration of industrial designs into each other, but indicates the existence of systemic law, where each industry has a separate place, but nevertheless communicating with others. The evolution of contractual relations testifies to a certain transformation of private-legal instruments into public-legal instruments, when the state connects certain legal consequences with them and puts them in the appropriate legal form.*

The public nature of the contract in financial law is manifested in ensuring the implementation of the imperative order, the most effective, rational, and timely execution of the will of the public entity. In terms of financial contracts, as a variety of public contracts, it is not a question of interlacing imperative and dispositive regulation, but of the emergence of such a design when a dispositive method contributes to the formation of the most rational model for the implementation of an imperative prescription and plays a unique

supporting role in implementing the dictates emanating from the public entity. That is why a financial contract is characterized as an agreement of two or more participants, one of which is or represents a public entity aimed at establishing, changing or terminating the subjective rights and legal obligations in the sphere of financial activity, ensuring the most effective achievement of the goal of the mandatory order in financial and legal regulation.

***Novelty/originality/value**: Article possesses a certain scientific value and practical significance.*

***Keywords**: public law, subject of financial law, imperative method of regulation, public contract, signs of public contract, the ratio of administrative and financial contracts, financial contract, abuse of law.*

Вряд ли имеет смысл детально останавливаться на аргументации того положения, что финансовое право является классической отраслью публичного права. В разных формах с дискуссиями на подобную тему можно столкнуться и сейчас, когда анализируются перспективы взаимопроникновения, конвергенции публично-правового и частно-правового регулирования [4, с. 114–122]. Необходимо согласиться с тем, что «не следует сводить проблему взаимодействия частного и публичного права к использованию общей терминологии, свидетельствующей якобы об их взаимопроникновении» [4, с. 36]. Действительно, применение родовых, сквозных категорий для многих правовых отраслей не означает взаимопроникновения отраслевых конструкций друг в друга. Это лишь свидетельствует о наличии общего знаменателя, о существовании системности в праве, где каждой отрасли отводится отдельное, но, тем не менее, сообщающееся с другими место. Этим объясняется и использование общих правовых средств (норм-дефиниций, норм-принципов) [1, с. 9, 10], формирование и содержание которых определяется не особенностями частного или публичного регулирования, а общими потребностями в воздействии права на общественные отношения.

Следует согласиться с Н.М. Коршуновым, что «под взаимопроникновением частного и публичного права в рамках их конвергенции следует понимать проникновение частно-правового метода регулирования в сферу общественных отношений, а публично-правового – в частную. При этом как частное, так и публичное право в полной мере сохраняют свою юридическую сущность, системные признаки и специфические особенности» [4, с. 37]. Важно иметь в виду, что подобная тенденция, как ниже и пишет автор, характерна для норм и институтов комплексных отраслей законодательства, что, безусловно, упрощает воздействие на соответствующий вид однородных общественных отношений. Однако подобная однородность свидетельствует об однородности определенного экономического, социального содержания (например, отношения по обращению ценных бумаг), что не приводит к однородности отраслевого воздействия в праве (например, принципиальная дифференциация правового регулирования обращения государственных ценных бумаг и ценных бумаг как инструментов частного права).

Эволюция правового регулирования свидетельствует об определенной трансформации частно-правовых инструментов в публично-правовые. Например, деньги, зародившись как инструмент частного права, упрощающий процессы обмена, первоначально выступали в форме стихийных или относительно стабильных эквивалентов (ракушки, меха, куски металла, скот). На определенном этапе в качестве всеобщего эквивалента появляются реальные деньги (золото, серебро и т. д.). Однако деньгами в абсолютном смысле они становятся только тогда, когда государство связывает с ними определенные правовые последствия, то есть облекает в соответствующую правовую форму: определяет процедуру эмиссии, защиту от подделок, санкции за изготовление фальшивых денег и т. д. Иными словами, только публично-правовая легализация денег делает их деньгами.

Подобная логика может быть связана и с налогами. Возникнув первоначально как форма подношений вождям или правителям, форма дани, инструментом аккумуляции доходов государства они становятся только при соответствующем государственном оформлении, в первую очередь оформлении правовыми нормами. Не может быть налога, не закрепленного в соответствующем законе. Поэтому мы солидарны с позицией авторов, которые отмечают, «что частное право зарождалось в глубокой древности в качестве особой юридической власти участников обменных связей и на основе согласования собственных интересов. Впоследствии, по мере развития товарно-денежных отношений, государство одобряло фактически сложившиеся правоотношения в самой общей форме, исходя из необходимости согласования различных социальных интересов посредством публично-правовых средств, их регулирования и защиты» [5, с. 93; 2, с. 1–14; 9, с. 24].

В целом ученые пришли к единому выводу о

публично-правовой природе финансово-правовой отрасли. В то же время не следует забывать и то, что правовое регулирование предполагает адекватное отображение и закрепление правовыми способами реально существующих общественных отношений. Интенсивное развитие последних не исключает использования новых форм для финансово-правового регулирования, изменяющих или корректирующих привычную форму, но не подвергающих ревизии содержание. Следует согласиться с мнением о том, что «актуализация вопроса о публичном договоре обусловлена повышением роли публичного права в регулировании общественных отношений, усилением договорных начал в публично-правовых отношениях» [5, с. 228]. Исходя из того, что публичное право предполагает императивное воздействие со стороны властвующего субъекта на поведение иных участников отношений, логично предполагать, что через подобную конструкцию можно будет сформировать новое, качественно совершенное управленческое воздействие на отношения, соответствующие отраслевому предмету регулирования. Таким образом, решение актуальных управленческих задач обусловит и появление новых правовых механизмов, в том числе и договорных конструкций в финансово-правовом регулировании.

Возникает принципиальный вопрос: возможно ли в условиях императивности в финансовом праве создание таких договоров, в рамках которых будут закреплены традиционные для последних элементы равенства участников, согласования интересов и достижение их баланса, свободы усмотрения участников договора? Принципиально, на наш взгляд, публичная природа договора в финансовом праве проявляется в обеспечении реализации императивного предписания, наиболее эффективном, рациональном и своевременном исполнении воли публичного субъекта. При этом важно иметь в виду, что противостоящие друг другу стороны в условиях финансово-правового договора не представляют собой абсолютного единства, а выражают определенную подсистему интересов, между носителями которых тоже может возникать дисбаланс и задача преодоления противоречий.

Например, властную сторону в финансовых правоотношениях могут представлять государство, субъекты федерации, государственные органы и т. д. Естественным в данном случае может быть и то, что их интересы могут не согласовываться. Так, государственный интерес в формировании оптимальной налоговой нагрузки, активизации стимулирующей функции налогов может вступить в противоречие с интересами контролирующих органов в сфере налогообложения, заключающимися в выполнении или перевыполнении плановых показателей доначисления санкций с налогоплательщиков в бюджеты.

Нередко публичные интересы различных органов государственной власти при общей направленности к достижению публичных целей не согласуются друг с другом, поэтому применение публичных договоров, основанных на сочетании императивного и диспозитивного методов правового регулирования, позволяет согласовать интересы различных участников таких договоров независимо от их правового статуса [5, с. 229; 3, с. 4]. Безусловно, с этим можно согласиться, однако с одним уточнением. В условиях финансовых договоров как разновидности публичных речь идет не о переплетении императивного и диспозитивного регулирования, появлении некоего смешанного конгломерата, а о появлении такой конструкции, когда диспозитивный метод способствует формированию наиболее рациональной модели реализации императивного предписания. Иначе говоря, диспозитивный метод играет своеобразную обеспечительную роль в реализации велений, исходящих от публичного субъекта.

Анализируя содержание и перспективы договорных отношений в публичном праве, Ю.А. Тихомиров подчеркивает, что договоры, входящие в сферу публичного права, призваны согласовывать интересы участников отношений, согласованность приобретает смысл нарастающей доминанты в процессах интеграции в современном мире [8, с. 180]. Исходя из этого критерия – меры согласования деятельности участников публично-правового воздействия, Ю.А. Тихомиров оценивает и основания классификации публично-правовых договоров [7, с. 280]. Это положение приобретает особую актуальность при учете того, что «в публичных договорах участвует широкий круг публичных и частных субъектов; кроме того, такие договоры затрагивают интересы многих субъектов права, не являющихся участниками договора» [5, с. 230]. Естественно, подобное положение актуально при оценке международных договоров об устранении двойного налогообложения, действие которых распространяется на налогоплательщиков при определении налогового резидентства и исчисление суммы налога, подлежащего уплате, хотя они не являются непосредственной стороной договора.

В то же время подобная реакция в некоторой степени может быть следствием деятельности

судебной системы. Решение суда, основанное на разрешении спора между двумя конкретными участниками, пройдя апелляционную и кассационную инстанции, ложится в основу формирования судебной практики. Впоследствии лица, оказавшиеся участниками подобных спорных отношений, естественно, учитывают перспективы выхода из спорной ситуации, исходя из обобщения судебной практики, решений Европейского Суда по правам человека.

Договорная форма организации регулирования финансовых отношений вовсе не делает ее идентичной формам, на основании которых осуществляется частно-правовое регулирование. При этом и публичность в гражданском праве не делает подобные договоры идентичными административным или финансовым. На отличиях публичных договоров в гражданском праве от публичных договоров в публичном праве останавливается Е.Н. Горлова [3, с. 10]. Принципиальные положения относительно этого разграничения ей видятся в: а) характере норм и согласовании воли сторон; б) обязательности участия публичного субъекта либо отсутствии такового; в) характере интересов, лежащих в основании реализации договорных отношений.

При этом важно разграничивать непосредственные договоры и последствия, вытекающие из неисполнения или несвоевременного исполнения договоров. Исследуя особенности судебной практики и влияние ее на регулируемые отношения, В.В. Болгова делает вывод о распространении принципов гражданского права на налоговые отношения. Акцентируя внимание на злоупотреблении правом (погашение банку задолженности заемщика по кредитному договору третьими лицами при наличии задолженности по налогам), она обращает внимание на отсутствие в налоговом законодательстве понятия «злоупотребление правом». Основываясь на исключительно частно-правовой природе конструкции «злоупотребление правом», она приходит к выводу о невозможности использования ее в регулировании публично-правовых отношений [1, с. 11]. Однако вряд ли злоупотребление правом присуще только частно-правовому регулированию. Нам представляется, что в данном случае речь идет о конструкции, характерной для многих отраслей права, каждая из которых, основываясь на присущем им предмете, субъектном составе и т. д., придает данной конструкции отраслевое своеобразие и специфическую форму реализации.

Наиболее важные признаки публично-правового договора в публичном праве выделены Ю.А. Тихомировым. Он относит к ним следующие: 1) субъектом договора всегда выступает участник публично-правовых отношений, прежде всего обладающий властными полномочиями; 2) противоположная сторона публично-правового договора, обладая иным статусом, в публично-правовой сфере выступает носителем властно-регулирующих функций или выразителем общественных интересов; 3) предметом публично-правового договора являются вопросы властвования, управления или саморегуляции; 4) стороны публично-правовых договоров приобретают своеобразные обязательства, обеспечивающиеся специфическими способами, которые могут изменять режимы исполнения и устанавливать особые приоритеты [8, с. 183, 184].

Дискуссия относительно признаков административно-правового договора как разновидности публичного, разграничения публичных и административных договоров длится довольно давно [8, с. 183, 184; 6, с. 47–63; 5, с. 238–240]. Не присоединяясь к данному обсуждению, хотелось бы обратить внимание на принципиальную однотипность административных и финансово-правовых договоров. Одним из важнейших признаков административного договора «является то, что его содержание носит организационно-управленческий характер» [5, с. 241]. В контексте этого важно иметь в виду, что финансовые договоры также содержат определенную управленческую особенность, однако не выражают отношение организационного структурирования или организационного построения вертикали власти в этой сфере.

Безусловно, родовое единство административных и финансовых договоров не означает их идентичности или абсолютного равенства. Однако если исходить из того, что административные договоры непосредственно связаны с управленческими началами в правовом регулировании, то финансовые договоры затрагивают управление в сфере движения публичных денежных средств. Именно последнее обусловливает как единство этих двух типов публичных договоров, так и их принципиальное отличие.

Правовая природа договоров органов государственного управления в некоторых случаях связывается с характеристикой субъектов, вступающих в договорные отношения, их предмета и целей. «Если стороны преследуют цель совершения действий с имуществом (то есть договор опосредует имущественные отношения), то такой договор следует отнести к числу гражданско-правовых. В случаях же, когда стороны стремятся урегулировать вопросы, связанные с управлением (в том числе

управлением имуществом), договор всегда имеет административно-правовую природу» [5, с. 241]. Подобное утверждение, на наш взгляд, требует определенной детализации, относящейся именно к природе финансовых договоров. Последним свойственна некая двойственность, основанная на специфике предмета отраслевого регулирования. Финансовые правоотношения выражают как отношения власти, поскольку одной из сторон всегда выступает субъект властных полномочий, так и имущественные отношения, поскольку регулируют движение публичных денежных средств как особой разновидности имущества. Именно властно-имущественный характер финансовых отношений позволяет обосновать специфические особенности финансового договора.

Финансовые договоры как разновидность публичных договоров можно охарактеризовать с учетом следующих характеристик, им присущих:

1) финансовый договор – особый вид публичного договора, что обусловливает состав его участников, объект регулирования, основания возникновения, изменения и прекращения;

2) одним из участников финансово-правового договора является властный субъект, который: а) является собственником публичных денежных средств или б) наделен соответствующими полномочиями на управление оборотом публичных денежных средств;

3) предмет данного договора характеризуется определенными особенностями: а) денежные средства как особый вид имущества; б) имущество, собственником которого является особый субъект (государство, субъекты федерации и т. д.);

4) данный вид договоров регулируется нормами финансового права.

Таким образом, финансовый договор можно определить как соглашение двух или более участников, один из которых является публичным субъектом или представляет его, направленное на установление, изменение или прекращение субъективных прав и юридических обязанностей в сфере финансовой деятельности, обеспечивающее наиболее эффективное достижение цели императивного предписания в финансово-правовом регулировании.

Пристатейный библиографический список

1. Болгова В.В. Тенденции взаимодействия частного и публичного права в правовой системе России: теоретические и практические проблемы // Актуальные проблемы правоведения. 2008. № 1. С. 9, 10, 11.
2. Варламова Н.В., Лукашева Е.А, Мальцев Г.В. и др. Право и политика современной России. М., 1996. С. 1–14.
3. Горлова Е.Н. Публичный договор в финансовом праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 4, 10.
4. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 36, 37, 114–222.
5. Лупарев Е.Б., Добробаба М.Б., Мокина Т.В. Общая теория публичных правоотношений: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 93, 228, 229, 230.
6. Розенфельд В.Г., Старилов Ю.Н. Проблемы современной теории административного договора // Правоведение. 1996. № 4. С. 47–63.
7. Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: монографический учебник. М.: Эксмо, 2008. С. 280.
8. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М.: БЕК, 1995. С. 180, 183, 184.
9. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право. М., 2001. С. 24.

References (transliterated)

1. Bolgova V.V. Tendencii vzaimodejstviya chastnogo i publichnogo prava v pravovoj sisteme Rossii: teoreticheskie i prakticheskie problemy’ // Aktual’ny’e problemy’ pravovedeniya. 2008. № 1. S. 9, 10, 11.
2. Varlamova N.V., Lukasheva E.A, Mal’cev G.V. i dr. Pravo i politika sovremennoj Rossii. M., 1996. S. 1–14.
3. Gorlova E.N. Publichny’j dogovor v finansovom prave: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2010. S. 4, 10.
4. Korshunov N.M. Konvergenciya chastnogo i publichnogo prava: problemy’ teorii i praktiki. M.: Norma: INFRA-M, 2011. S. 36, 37, 114–222.
5. Luparev E.B., Dobrobaba M.B., Mokina T.V. Obshhaya teoriya publichny’x pravootnoshenij: monografiya. M.: Yurlitinform, 2011. S. 93, 228, 229, 230.
6. Rozenfel’d V.G., Starilov Yu.N. Problemy’ sovremennoj teorii administrativnogo dogovora // Pravovedenie. 1996. № 4. S. 47–63.
7. Tixomirov Yu.A. Sovremennoe publichnoe pravo: monograficheskij uchebnik. M.: E’ksmo, 2008. S. 280.
8. Tixomirov Yu.A. Publichnoe pravo. M.: BEK, 1995. S. 180, 183, 184.
9. Yakovlev V.F. Rossiya: e’konomika, grazhdanskoe pravo. M., 2001. S. 24.

Корякина З.И., Павлова А.А., Варламова Д.К.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) «ОБ ОТВЕТСТВЕННОМ РОДИТЕЛЬСТВЕ»

***Цель**: Научно-практическое исследование правоприменительного потенциала и роли Закона Республики Саха (Якутия) «Об ответственном родительстве» 1604-З№ 737-V, принятого депутатами Государственного Собрания Ил Тумэн 14.03.2016, в формировании правовых и социальных последствий в сфере семейно-правовых отношений.*

***Методология**: Использовались социологический и формально-юридический методы.*

***Результаты**: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Саха (Якутия) по теме «Правовые и социальные проблемы реализации Закона Республики Саха (Якутия) об ответственном родительстве» (в рамках научного проекта№ 17-13-14001 РФФИ, Конкурс: Региональный конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном» 2017 – Республика Саха (Якутия)).*

В статье рассматриваются вопросы ожидаемых и реальных возможностей эффективного применения исследуемого закона в формировании ответственного родительства. Анализируется способность закона к организации обновленного правового и социального подхода для совершенствования государственной политики в вопросах поддержания семьи и детства.

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является первой попыткой рассмотреть вопросы формирования института ответственного родительства в праве на примере регионального законодательства.*

***Ключевые слова**: ответственное родительство, закон, семья, несовершеннолетний, воспитание, ответственность, правоприменение, Республика Саха (Якутия).*

Koryakina Z.I, Pavlova A.A, Varlamova D.K.

EFFECTIVENESS OF THE LAW OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) «ON RESPONSIBLE PARENTING»

***Purpose**: Scientific and practical study of law enforcement potential, i.e. role in the formation of legal and social consequences in the sphere of family and legal relations of the Law of the Republic of Sakha (Yakutia) «On responsible parenting» adopted by the deputies of the State Assembly II Tumen from 14.03.2016 1604-З№ 737-V.*

***Methodology**: Sociological and formal legal methods were used.*

***Results**: The article was carried out within the framework of a grant study with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) on the topic «Legal and social problems of the implementation of the Law of the Republic of Sakha (Yakutia) on Responsible Parenthood» (Registration number of ESSIS NIOKTR - AAAA-A17-117042010061-7; 20.04.2017).*

The article deals with the effective application of the law under study, its expected and realistic capabilities in the formation of responsible parenting. The novelty of the law, its ability to organize an updated legal and social approach for improving the state policy in matters of family and child support are analyzed.

***Novelty**/**originality**/**value**: The article has a high scientific value, since it is the first attempt to consider the formation of the institution of responsible parenthood in law by the example of regional legislation.*

***Keywords**: responsible parenthood, law, family, minor, upbringing, responsibility, law enforcement, Republic of Sakha (Yakutia).*

Одним из спорных, противоречивых и многоаспектных в правовом регулировании Российской Федерации общественных отношений является комплекс вопросов, связанных с установлением родительских обязательств в воспитании детей. Обостряется эта тема в современном научном пространстве также и в тех случаях, когда на обсуждение выносится вопрос о ювенальной юстиции, в отношении которой в РФ не достигнуто единого мнения и нет правового механизма ее внедрения [7, 12]. Причиной негативного восприятия ювенальной юстиции является устанавливаемый в ее рамках фактор произвольного вмешательства государства и общественных организаций во внутрисемейные дела с правом определения благополучия либо неблагополучия семьи.

Проблемные вопросы, связанные с надлежащим выполнением родительских обязательств, являлись преимущественно объектом федерального нормативного регулирования, часть которого состоит также и из международных стандартов. На фоне активного федерального нормотворчества незаслуженно малоизученной сферой остается региональное законодательство, хотя в некото-

рых случаях именно с него начинается поэтапное распространение правовых институтов по всей территории РФ. Так, в Пояснительной записке к Закону Республики Саха (Якутия) «Об ответственном родительстве» имеется указание на пилотный (т. е. экспериментальный) характер данного нормативно-правового акта. К слову сказать, Республика Саха (Якутия) (РС (Я)) является первым в РФ субъектом, принявшим Закон «О правах ребенка». И таких примеров много [5]. Между тем наибольший отклик у общества и экспертов вызвал принятый представительным органом РС (Я) Закон «Об ответственном родительстве» [8, 10].

Наибольший интерес исследуемый нами закон вызывает в связи с тем, что в нем устанавливается правовой «сценарий» надлежащего воспитания несовершеннолетних детей, соблюдение и исполнение которого позволяет оценивать родительство как ответственное, добросовестное, правомерное, т. е. согласующееся с текстом нормативно-правового акта. Исходя из предмета закона, каждый родитель является объектом правовой регламентации в определении своего поведения в семейных правоотношениях между основными его участниками (родитель и ребенок), а также субъектом юридического преследования в случае их нарушения.

Сам закон ответственное родительство разъясняет как реализацию родителями своих прав и обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, сохранению здоровья ребенка, исходя из его законных интересов и потребностей, создание условий, в которых ребенок может в полной мере развиваться (п. 5 ч. 1 ст. 2). Следует отметить, что такое разъяснение введено в правовой оборот российского законодательства впервые. До этого термин «ответственное родительство» использовался в социальном либо теоретическом назначении без легитимного закрепления. Вместе с тем данное определение порождает и немало вопросов. Например, в чем отличие законных интересов ребенка от его потребностей; что понимать под развитием ребенка, и какие оценочные категории можно использовать при его измерении: интеллектуальные, физические либо духовно-нравственные; можно ли утверждать, что вкладываемые в несовершеннолетнего усилия гарантируют его развитие, и что делать, если ожидания добросовестного родительства не оправдаются; и т. д.

Предметом своего регулирования закон называет правоотношения, направленные на формирование ответственного родительства, пропаганду традиционных семейных ценностей в соответствии с национальными традициями и обычаями, природными и климатическими условиями, духовно-нравственными устоями общества, государства (ст. 1). Основными векторами формирования ответственного родительства, таким образом, указаны не правовые, а социальные нормы. При этом в условиях проживания населения в многонациональной среде, в том числе и в Республике Саха (Якутия), необходимость в знании, соблюдении традиций и обычаев, использования их в «духе этнопедагогики», как это указано в ч. 5 ст. 6 Закона «Об ответственном родительстве», порождает дискуссионные моменты, поскольку не каждая семья может являться приверженцем таких ценностей. Особенно если учесть, что, согласно ст. 14 Конституции РФ, Российская Федерация – светское государство, и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Между тем в педагогических науках влияние национальных обычаев и традиций признается одним из эффективных способов воспитания несовершеннолетних [1, с. 160; 10].

Закон также не разъясняет, каким образом природные и климатические условия могут влиять на формирование ответственного родительства. Представляется, что в экстремальных условиях зимнего периода в Якутии ответственность родителя в вопросах физического развития и сохранения здоровья ребенка повышается вдвойне. Таким образом, в силу приведенных, а также некоторых иных особенностей в содержании, его социальной и педагогической насыщенности закон является одним из примеров нетрадиционного правового регулирования.

Эффективность любого закона заключается в достижении целевой установки, закладываемой законодателем при его принятии, в реальном, а не формальном воздействии на регулируемые общественные отношения. Качество закона можно оценить сопоставлением ожидаемого и реального его потенциала, безупречностью юридической техники его составления, своевременностью и целесообразностью принятия. По преобладающему мнению ученых-правоведов, эффективность закона можно определить изучением его содержания, непрерывным правовым мониторингом, оценкой и анализом его применения [13, 3]. Совокупность всех приведенных комбинаций представляет собой сложный процесс по определению эффективности и целесообразности нормативно-правового акта.

Принятием Закона РС (Я) «Об ответственном родительстве» субъекты его применения,

перечисленные в Главе 3, возложили на себя значительное бремя правовых и социальных обязательств, функций по разрешению многих проблемных аспектов, связанных с реализацией родительских обязательств. Из содержания закона следует, что в случае успешной его реализации следует ожидать количественного понижения: правонарушений, совершаемых родителями в отношении своих несовершеннолетних детей; лишения и ограничения родительских прав и, соответственно, снижение количества детей-сирот либо детей, оставшихся без попечения родителей; состоящих на разных видах учета неблагополучных семей, а также семей, находящихся в социально-опасном положении, с несовершеннолетними детьми; правонарушений, совершаемых самими несовершеннолетними, соответственно, снижение их безнадзорности, бродяжничества и попрошайничества, и т. д.

Эффективным инструментом для регулирования любых видов общественных отношений являются установленные в нормативно-правовых актах правовые средства и способы их реализации. В юридической литературе «правовые средства – это все те юридические инструменты, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение поставленных целей» [9, с. 621], «через которые действует право, от качества, корректного и искусного использования которых зависит, в конечном счете, эффективность права» [11, с. 23].

В Законе об ответственном родительстве правовые средства состоят из норм-дозволений, выраженных в правах, предоставляемых родителям; норм-обязательств, выраженных в обязательствах родителей, и корреспондирующих им мер по их исполнению, принимаемых перечисленными в законе органами власти и социально-ориентированными некоммерческими организациями для формирования ответственного родительства; норм-запретов, выраженных в определении видов правонарушений и ответственности. Следует отметить, что правовые средства, установленные законом, носят преимущественный в количестве и приоритетный в правовом содержании характер, нежели способы их реализации. В этой связи закон нуждается в разработке механизма исполнения, в принятии подзаконных актов, описывающих и разъясняющих его применение. Учитывая разнообразие обязательств, возложенных на родителей, закон также должен разъяснять, каким способом следует их выполнять, и механизм контроля. При этом следует отметить, что закон в большей части состоит из бланкетных норм. Так, проведенный нами сравнительный анализ показал, что из 22 статей 15 имеют аналогичное содержание в других законах, прежде всего федеральных (Семейный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, КоАП РФ, законодательство о социальных гарантиях семьям, правах ребенка и профилактике безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, деятельности органов опеки и попечительства, КДН и т. д.) [6]. Избыток бланкетных норм инициаторы в Пояснительной записке к закону объясняют попыткой кодификации, тогда как, согласно теории права и правил юридической техники, акт кодификации меняет существующие нормы права, уточняет их, систематизирует и является основным среди актов, действующих в определенной сфере общественной жизни [2, с. 203]. Между тем исследуемый нами закон существенного обновления в правовое регулирование не вносит и основное место в силу правил об иерархии норм права занять не сможет.

Основная нагрузка на применение Закона РС (Я) «Об ответственном родительстве», согласно ст. 10, возложена на Министерство по делам молодежи и семейной политики РС (Я). Помимо данного органа в Главе 3 закона перечислены исполнительные органы государственной власти Республики Саха (Якутия) в сфере общего и профессионального образования, в сфере здравоохранения, в сфере культуры и духовного развития, в сфере физической культуры и спорта, в сфере социального обслуживания граждан, в сфере содействия занятости населения, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, органы местного самоуправления, социально ориентированные некоммерческие организации.

Таким образом, контрольная часть данного закона не ставится в зависимость от деятельности указанных в нем органов, за перечисленные в нем нарушения привлекать к ответственности уполномочены не упомянутые в нем правоохранительные органы (суд, прокуратура, органы внутренних дел, органы предварительного расследования и т. д.). В этой связи закон в процедурной части регулирования привлечения к ответственности не нуждается.

Тем не менее, эффективность исследуемого закона заключается не в карательной, а превентивной сути с целью ориентирования родителей в вопросах надлежащего исполнения ими своих прав и обязательств в воспитании несовершеннолетних. Соответственно, каждый родитель должен быть ознакомлен с этим законом, осведомлен

о своих правах и обязательствах, а также полномочиях органов, содействующих формированию ответственного родительства.

Ознакомление с Законом об ответственном родительстве предстоит родителю только в тех случаях, когда с ним ведется целенаправленная разъяснительная и консультационная работа. Безусловно, в правовых условиях неприкосновенности тайны личной жизни, жилища и т. д. контролировать выполнение родителем в случае его надлежащего поведения требований Закона об ответственном родительстве дискреционными путями, например путем осмотра жилищных условий и доступа к личным вещам, невозможно, и считаться такое будет превышением должностных полномочий. Поэтому значительное внимание в целях обеспечения эффективной реализации закона должно быть уделено информированию населения, в которое активно следует внедриться всем органам власти, учреждениям и НКО, связывающим свою деятельность с воспитанием и защитой несовершеннолетних граждан.

В связи с продолжительным характером закона по времени воздействия на общественные отношения (начиная с момента рождения ребенка и до достижения им совершеннолетия) имеется гипотеза о том, что эффективность закона в формировании ответственного родительства также ставится в зависимость не только от осознания родителем своей ответственности, но и конкретных личных результатов ребенка, наступление которых может быть неодинаковым с учетом индивидуальных особенностей каждой семьи. Согласно Закону РС (Я) «Об ответственном родительстве» (Глава 2) к благоприятным результатам ответственного родительства в отношении ребенка можно отнести: получение общего образования; отсутствие опыта потребления психоактивных веществ; физическое, психическое здоровье; духовно-нравственно развитие; уважение к труду; наличие у ребенка умений и навыков самообслуживания; уважение обычаев и традиций предков, прав других людей, гуманное отношение к природе и всему живому, терпимость; способность управлять своими поступками и критически их оценивать; и т. д.

Таким образом, социально-правовая модель ответственного родительства, установленная законом, дает возможность каждому примерить на себя ее унифицированный образец, нацеливая на равнозначное определение фактов и событий в семье.

Проведенное нами в 2017 году социологическое исследование в виде анкетного опроса 617 респондентов, являющихся родителями и проживающих в разных районах республики, показало, что, тем не менее, 95,0 % опрошенных считают себя ответственным родителем, и только 1,6 % респондентов не считают себя таковым. Затруднились с ответом 3,4 % опрошенных. Уверенность родителей в своей ответственности, скорее всего, говорит о позитивном восприятии собственных поступков, положительной самооценке и низком пороге самокритики.

Одной из основных мер, успешное применение которых может служить показателем эффективности реализации исследуемого закона, является информирование и консультативная помощь родителям, профилактика, совокупность иных направлений деятельности уполномоченных органов в форме постоянного взаимодействия, основанного на взаимном уважении и доверии. В этой связи респондентам был задан вопрос: «Готовы ли Вы обратиться к уполномоченным органам (в сфере семейной политики, образования, культуры, опеки и попечительства и т. д.) за получением консультаций о вопросах формирования ответственного родительства?». На данный вопрос утвердительно ответили 52,8 %, дали отрицательный ответ 42,7 %, и 4,5 % выразили другое мнение. Здесь наблюдается раскол в позиции родителей: если примерно половина респондентов готова принять информационную помощь от уполномоченных органов для формирования ответственного родительства, то другая часть считает себя вполне компетентной и не нуждается в консультациях специалистов.

Убеждающим мотиватором в позитивном посыле исследуемого нами Закона РС (Я) «Об ответственном родительстве» является ответ, полученный нами на вопрос о значимости указанного закона для родителей, общества в целом. Преобладающее большинство опрошенных нами родителей (83,9 %) с оптимизмом смотрит на его будущее, выражая доверие к закону, считая, что он будет способствовать «укреплению института семьи, уменьшению сиротства и правонарушений несовершеннолетних». «Пессимисты» же оказались в меньшинстве – 16,1 %.

Таким образом, Закон об ответственном родительстве станет эффективным только в том случае, если он будет доводиться до сведения населения и выполнять основную свою задачу – информировать и просвещать, но не регулировать.

Пристатейный библиографический список

1. Баймурзаева Р.А. Роль национальных традиций и обычаев в предупреждении правонарушений

несовершеннолетних // Современное право. 2012. № 3. С. 157–160.

2. Баранов В.М., Ковтун Н.Н., Толстик В.А. Кодификация законодательства как фактор стабильности права и экономики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2009. № 2 (11). С. 197–205.

3. Белоусов С.А. Качество закона и эффективность его применения: пути преодоления негативных последствий законодательного дисбаланса // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 4 (43). С. 11–17.

4. Бусель А.Н., Андросова М.И. Воспитание духовных и культурных ценностей ребенка посредством обычаев и традиций саха // Педагогика и психология семьи: современные вызовы, традиции и инновации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. М.М. Прокопьевой, В.В. Находкина, М.И. Андросовой. Чебоксары: ЦНС Интерактив плюс, 2015. С. 98–100.

5. Варламова Д.К. Нормативное регулирование родительских обязательств на примере Республики Саха (Якутия) // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства: сборник статей Международной научно-практической конференции (15 декабря 2017 г., г. Уфа): в 2 ч. Ч. 1. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 62–66.

6. Варламова Д.К. Сравнительный анализ Закона Республики Саха (Якутия) «Об ответственном родительстве» // Сборник материалов круглого стола «Правовые и социальные проблемы реализации Закона Республики Саха (Якутия) «Об ответственном родительстве». Казань: Молодой ученый, 2018.

7. Корякина З.И., Павлова А.А. Теоретические основы ювенальной юстиции // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. История. Политология. Право. 2017. № 2 (06). С. 46–51.

8. Кисличенко А. Законопроект «Об ответственном родительстве» – конец российской семьи [Электронный ресурс]. URL: https://annatubten.livejournal.com/484140.html.

9. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций. М.: Юристъ, 1997.

10. Николай Мишустин. Закон об ответственном родительстве – разгул ювенальщины? // Русская народная линия [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2016/mart/zakon_ob_otvetstvennom_roditelstve_razgul_yuvenalwiny/.

11. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб.: СПбГУП, 2002.

12. Тендрякова М.В. Детские доносы и ювенальная юстиция // Образовательная политика. 2010. № 9–10 (47). С. 106–114.

13. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4 (148). С. 3–7.

14. Цинченко Г.М. Ювенальная юстиция: риски внедрения // Управленческое консультирование. 2015. № 8 (80). С. 114–127.

References (transliterated)

1. Bajmurzaeva R.A. Rol' nacional'nyh tradicij i obychaev v preduprezhdenii pravonarushenij nesovershennoletnih // Sovremennoe pravo. 2012. № 3. S. 157–160.

2. Baranov V.M., Kovtun N.N., Tolstik V.A. Kodifikacija zakonodatel'stva kak faktor stabil'nosti prava i jekonomiki // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2009. № 2 (11). S. 197–205.

3. Belousov S.A. Kachestvo zakona i jeffektivnost' ego primenenija: puti preodolenija negativnyh posledstvij zakonodatel'nogo disbalansa // Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. 2014. № 4 (43). S. 11–17.

4. Busel' A.N., Androsova M.I. Vospitanie duhovnyh i kul'turnyh cennostej rebenka posredstvom obychaev i tradicij saha // Pedagogika i psihologija sem'i: sovremennye vyzovy, tradicii i innovacii: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem / pod red. M.M. Prokop'evoj, V.V. Nahodkina, M.I. Androsovoj. Cheboksary: CNS Interaktiv pljus, 2015. S. 98–100.

5. Varlamova D.K. Normativnoe regulirovanie roditel'skih objazatel'stv na primere Respubliki Saha (Jakutija) // Aktual'nye problemy reformirovanija sovremennogo zakonodatel'stva: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (15 dekabrja 2017 g., g. Ufa): v 2 ch. Ch. 1. Ufa: Ajeterna, 2017. S. 62–66.

6. Varlamova D.K. Sravnitel'nyj analiz Zakona Respubliki Saha (Jakutija) «Ob otvetstvennom roditel'stve» // Sbornik materialov kruglogo stola «Pravovye i social'nye problemy realizacii Zakona Respubliki Saha (Jakutija) «Ob otvetstvennom roditel'stve». Kazan': Molodoj uchenyj, 2018.

7. Korjakina Z.I., Pavlova A.A. Teoreticheskie osnovy juvenal'noj justicii // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Istorija. Politologija. Pravo. 2017. № 2 (06). S. 46–51.

8. Kislichenko A. Zakonoproekt «Ob otvetstvennom roditel'stve» – konec rossijskoj sem'i [Jelektronnyj resurs]. URL: https://annatubten.livejournal.com/484140.html.

9. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teorija gosudarstva i prava: kurs lekcij. M.: Jurist#, 1997.

10. Nikolaj Mishustin. Zakon ob otvetstvennom roditel'stve – razgul juvenal'shhiny? // Russkaja narodnaja linija [Jelektronnyj resurs]. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2016/mart/zakon_ob_otvetstvennom_roditelstve_razgul_yuvenalwiny/.

11. Sapun V.A. Teorija pravovyh sredstv i mehanizm realizacii prava. SPb.: SPbGUP, 2002.

12. Tendrjakova M.V. Detskie donosy i juvenal'naja justicija // Obrazovatel'naja politika. 2010. № 9–10 (47). S. 106–114.

13. Tihomirov Ju.A. Jeffektivnost' zakona: ot celi k rezul'tatu // Zhurnal rossijskogo prava. 2009. № 4 (148). S. 3–7.

14. Cinchenko G.M. Juvenal'naja justicija: riski vnedrenija // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2015. № 8 (80). S. 114–127.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т.п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т.е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость, а также теоретическую и практическую ценность для представителей адвокатского сообщества.

2. Статьи представляются в электронном виде (на адрес ragulin88@yandex.ru, eurasian-advocacy@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на компакт-диске.

3. Объем публикации – до 0,7 а.л. (28 000 знаков с пробелами). При необходимости редакция оставляет за собой право сократить материал или возвратить его автору для сокращения. Увеличение объема работы может быть согласовано с редакцией.

4. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указываются фамилия и инициалы автора. Название статьи печатается после фамилии, имени и отчества автора. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке и ключевые слова (3–10 слов). Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке, далее – аннотацию и ключевые слова на английском языке. Статья также может быть представлена на английском языке, при этом требуется перевод названия на русский язык, а также аннотация и ключевые слова на русском языке.

5. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ». Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть оформлены в текстовом редакторе Word.

6. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и дату последнего посещения веб-страницы(в круглых скобках).

7. После завершения статьи необходимо привести пристатейный библиографический список, т.е. список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале. В список не включаются интернет-источники, нормативные акты, материалы судебной и следственной практики.

8. В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также полный почтовый адрес места работы. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, e-mail. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с автором статьи.

9. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

10. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы – на отсутствие вирусов.

11. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета или редакционной коллегии журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей. Редакция по электронной почте сообщает автору о результатах рецензирования, по его просьбе отсылает текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы. Рецензии представляются редакцией по запросам авторов и экспертных советов ВАК Минобрнауки России.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автору предоставляется возможность получить бесплатный электронный вариант экземпляра журнала, а также печатный вариант журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

14. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. При направлении статьи в редакцию автор вправе предварительно оговаривать исключительные (специальные) условия использования предоставляемого им произведения. Автор вправе отказаться от публикации предоставленных им материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать.

15. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отказаться публиковать представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

Сведения об авторах

АЛЫЕВ Руслан Акиф оглы – аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

АНДРИЕВСКИЙ Константин Витальевич – директор Института экономико-правовых исследований, 299011, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Очаковцев, д. 39.

ВАРЛАМОВА Дария Кузьминична – студент IV курса юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, 677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42.

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

ГРИГОРЬЕВ Владимир Владимирович – начальник Межрегиональной инспекции Федеральной налоговой службы по крупнейшим налогоплательщикам № 4, 129626, Российская Федерация, г. Москва, 3-я Мытищинская ул., д. 16а.

ИВАНОВА Светлана Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49.

КАНАТОВ Танат Канатович – доктор PhD, докторант Российской государственной академии интеллектуальной собственности, представитель ЕврАзНИИПП в Республике Казахстан, 010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Бейбитшилик, д. 71.

КОЗБАНОВ АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ – адвокат, 127018, Российская Федерация, г. Москва, Октябрьский переулок, д. 5.

КОРЯКИНА Зинаида Ивановна – старший преподаватель юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, 677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42.

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, тренер адвокатов и профессиональных медиаторов, 400131, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8.

МИНЯЗЕВА Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.

МОНАСТЫРСКИЙ Юрий Эдуардович – кандидат юридических наук, адвокат, 121099, Российская Федерация, г. Москва, Новинский бул., д. 3, стр. 1.

МУРОДЗОДА Ардашер Алишер – кандидат юридических наук, заведующий сектором контроля Верховного Суда Республики Таджикистан, старший научный сотрудник ИФПП Академии наук Республики Таджикистан, 784018, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Н. Карабаева, д. 1.

НАЗАРОВ Дмитрий Геннадьевич – директор юридической фирмы «Максимум», 170036, Российская Федерация, г. Тверь, Петербургское шоссе, д. 53а.

НЕСТЕРОВ Олег Анатольевич – адвокат, аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна – кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, 677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42.

ПЕЧЕГИН Денис Андреевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.

РАГУЛИН Андрей Викторович – адвокат, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.

РАХМАТУЛЛИН Нариман Робертович – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Татарского института содействия бизнесу (ТИСБИ), Российская Федерация, 420012, г. Казань, ул. Муштари, д. 13.

РЕЙЗЕР Илья Геннадьевич – адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, 111024, Российская Федерация, г. Москва, ул. Авиамоторная, д. 20/17.

СМИРНЫХ Сергей Евгеньевич – кандидат юридических наук, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права, 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

СТАРОВОЙТОВА Кристина Владимировна – аспирант кафедры правового обеспечения рыночной экономики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1.

ТЕПЛОВА Дарья Олеговна – кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23а.

ТРОИЦКАЯ Марина Сергеевна – государственный советник Санкт-Петербурга 2-го класса, начальник управления земельных ресурсов Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, 191060, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Смольный проезд, д. 1, лит. Б.

ТХАКАХОВ Али Мухадинович – соискатель ученой степени кандидата юридических наук, руководитель судебно-претензионного отдела Российского правового центра Санкт-Петербурга, 191000, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Невский пр-т, д. 87/2.

About the authors

ALIYEV Ruslan Akif Oglou – post graduate student of chair of civil law and process of legal institute of the Belgorod state national research university, 308015, Russian Federation, Belgorod, Pobedy St., 85.

ANDRIEVSKY Konstantin Vitalyevich – director of Institute of economical and legal researches, 299011, Russian Federation, Sevastopol, Ochakovtsev St., 39.

GRIGORIEV Vladimir Vladimirovich – chief of Interregional Inspectorate of the Federal Tax Service on the largest taxpayers No. 4, 129626, Russian Federation, Moscow, 3rd Mytishchinskaya St., 16a.

IVANOVA Svetlana Anatolyevna – doctor of juridical sciences, professor, professor of chair of legal regulation of economic activity of Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993, Russian Federation, Moscow, Leningradsky Ave, 49.

KANATOV Tanat Kanatovich – doctor PhD, doctoral candidate of the Russian state academy of intellectual property, the representative of EURAZNIIPP in the Republic of Kazakhstan, 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Beybitshilik St., 71.

KORYAKINA Zinaida Ivanovna – senior teacher of law department of the Northeast federal university, 677000, Russian Federation, Yakutsk, Kulakovsky St., 42.

KOZBANOV Andrey Igorevich – advocate 127018, Russian Federation, Moscow, Oktyabrsky Lane, 5.

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – candidate of juridical sciences, associate professor, coach of advocates and professional mediators, 400131, Russian Federation, Volgograd, Gagarin St., 8.

MINYAZEVA Tatyana Fedorovna – doctor of juridical sciences, chief researcher of department of the criminal, criminal procedure legislation and judicial system of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, professor of chair of criminal law, criminal trial and criminalistics of Legal institute of Peoples' Friendship University of Russia, 117218, Russian Federation, Moscow, B. Cheremushkinskaya St., 34.

MONASTYRSKY Yuri Eduardovich – candidate of juridical sciences, advocate, 121099, Russian Federation, Moscow, Novinsky Boulevard, 3 of p. 1.

MURODZODA Ardasher Alisher – candidate of juridical sciences, chief of sector of control of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan, the senior research associate of IFPP of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 784018, Republic of Tajikistan, Dushanbe, N. Karabayeva St., 1.

NAZAROV Dmitry Gennadevich – director of «Maksimum» law firm, 170036, Russian Federation, Tver, Peterburgskoye Highway, 53 a.

NESTEROV Oleg Anatolyevich – advocate, post graduate student of chair of criminal trial of the Kuban State University, 350040, Russian Federation, Krasnodar, Stavropolskaya St., 149.

PAVLOVA Arzulana Akramovna – candidate of juridical sciences, associate professor of law department of the Northeast federal university, 677000, Russian Federation, Yakutsk, Kulakovsky St., 42.

PECHEGIN Denis Andreevich – candidate of juridical sciences, senior researcher of the Institute of Legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, 117218, Russian Federation, Moscow, B. Cheremushkinskaya st. 34.

RAGULIN Andrey Viktorovich – doctor of juridical sciences, associate professor, head of the Center of research of problems of organization and activity of legal profession of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, advocate, 450006, Russian Federation, Ufa, Lenin St., 102, office 24.

RAKHMATULLIN Nariman Robertovich – post graduate student of chair of civil disciplines of the Tatar institute of assistance to business (TISBI), 420012, Russian Federation, Kazan, Mushtari St., 13.

REYZER Ilya Gennadyevich – advocate of Chamber of Advocates of Moscow, 111024, Russian Federation, Moscow, Aviamotornaya St., 20/17.

SMIRNIKH Sergey Evgenyevich – candidate of juridical sciences, scientific secretary of the Russian Association of international law, 119019, Russian Federation, Moscow, st. Znamenka, 10.

STAROVOYTOVA Christina Vladimirovna – post graduate student of chair of legal support of market economy of Institute of public service and management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Russian Federation, Moscow, Vernadsky Avenue, 82, p. 1.

TEPLOVA Darya Olegovna – candidate of juridical sciences, assistant manager chair of state and legal disciplines of the East Siberian branch of the Russian state university of justice, 664074, Russian Federation, Irkutsk, Iwan Franco St., 23a.

TKHAKAKHOV Ali Mukhadinovich – the applicant of an academic degree of candidate of juridical sciences, the head of judicial and claim department of the Russian legal center of St. Petersburg, 191000, Russian Federation, St. Petersburg, Nevsky Ave., 87/2.

TROITSKAYA Marina Sergeyevna – state councilor of St. Petersburg of the 2nd class, the head of department of land resources of the Committee for City Property Management of St. Petersburg, the applicant of an academic degree of candidate of juridical sciences, 191060, Russian Federation, St. Petersburg, Smolny the drive, 1, lit. B.

VARLAMOVA Daria Kuzminichna – student of the IV course of law department of the Northeast federal university, 677000, Russian Federation, Yakutsk, Kulakovsky St., 42.

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – doctor of juridical sciences, professor, professor of chair of the international private and civil law of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454, Russian Federation, Moscow, Vernadsky Ave, 76.